



Университет настоящих
профессий

**Красноярский
Государственный
Аграрный
Университет**

1952



**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАЗНАЧЕНИЕ И
ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ**

Материалы межрегиональной
научно-практической конференции

Красноярск, 8 -9 ноября 2024 г. .

www.kgau.ru

**Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Департамент научно-технологической политики и образования
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Красноярский государственный аграрный университет»**



**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАЗНАЧЕНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ**

Материалы межрегиональной научно-практической конференции
(8–9 ноября 2024 г.)

Электронное издание

Красноярск 2025

Редакционная коллегия:

Курбатова С.М., д-р юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы; заместитель директора по научной работе Юридического института

Ерахтина Е.А., канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы; директор Юридического института

Русаков А.Г., ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса

Харевин Д.Д., ст. преподаватель кафедры судебных экспертиз; ведущий специалист Управления науки и инноваций ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ

Галицкая Е.Е., аспирант

А 43 Актуальные вопросы российского уголовного судопроизводства: расследование преступлений, назначение и исполнение наказаний [Электронный ресурс]: материалы межрегиональной научно-практической конференции / Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск, 2024. – 122 с.

В сборнике представлены материалы по итогам межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные вопросы российского уголовного судопроизводства: расследование преступлений, назначение и исполнение наказаний», которая проходила в Красноярском государственном аграрном университете 8–9 ноября 2024 г.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и практических работников.

ББК 4

Статьи публикуются в авторской редакции, авторы несут полную ответственность за подбор и изложение информации.

НЕОТВРАТИМОСТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИХ ЭКСТРАДИЦИИ И ИНОЙ ПЕРЕДАЧЕ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

Алексеева Елена Сергеевна, следователь, аспирант
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: e.s.donchenko@mail.ru

Научный руководитель: **Бертовский Лев Владимирович**
доктор юридических наук, профессор
Национальный исследовательский университет «Московский институт
электронной техники», Москва, Россия
e-mail: bgl1980@yandex.ru

Аннотация: Принцип неотвратимости наказания, как один из наиболее весомых принципов юридической ответственности, создающий у граждан веру в справедливость и защиту законных прав и интересов, с одной стороны и нарушение гарантированных Конституцией РФ прав подозреваемого и обвиняемого с другой стороны.

Ключевые слова: ответственность, наказание, заочное принятие решения, законопроект, уголовное судопроизводство, предварительное расследование, правосудие, уголовный процесс, обвиняемый, подозреваемый, права.

Вопросы, связанные с уголовной ответственностью, многогранны. В основе их правового регулирования лежат положения Конституции Российской Федерации, норм Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ [1, 2, 3]. Они охватывают различные аспекты, начиная с первоначального этапа предварительного расследования [4] и заканчивая процедурами, связанными с исполнением уголовного наказания, а также обжалования вынесенных судом решений по данному уголовному делу [5].

Согласно протокола оперативного совещания у заместителя Министра – начальника Следственного департамента МВД России от 01.02.2024 № 1 «Об итогах служебной деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России за 2023 год и задачах на 2024 год» было поручено организовать исполнение совместно с Генеральной прокуратурой РФ проработку вопроса о применении норм уголовно-процессуального законодательства, связанных с направлением уголовного дела в отношении обвиняемого в его отсутствие, для рассмотрения в заочном порядке в соответствии с ч. 5 ст. 247 УПК РФ в суде.

Было указано на необходимость в складывающихся условиях расширять практику направления в суд уголовных дел в отношении обвиняемых, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, находящихся за пределами территории РФ, если эти лица не были привлечены к ответственности на

территории иностранного государства по данному уголовному делу, для судебного разбирательства в их отсутствие [6].

Кроме того, в Государственную Думу РФ внесен законопроект № 687676-8, излагающий ст. 458 УПК РФ в новой редакции: поправки, направлены на устранение пробелов в законодательстве касательно обеспечения неотвратимости ответственности лиц, не подлежащих экстрадиции и иной передаче в РФ из-за рубежа.

Согласно данного проекта в случае невозможность производства процессуальных действий с участием лица, совершившего преступление, в связи с его нахождением за пределами территории РФ, а также невозможности проведения судебного разбирательства в соответствии с ч.ч. 4–5 ст. 247 УПК РФ, материалы уголовного дела передаются в Генеральную прокуратуру РФ для решения вопроса о направлении их в компетентные органы иностранного государства для осуществления уголовного преследования. В действующей редакции статьи она распространяется на иностранных граждан совершивших преступление на территории РФ и в последствии оказавшиеся за ее пределами. Правовым управлением Аппарата Государственной Думы рассмотрен проект, установлено соответствие требованиям ст. 104 Конституции РФ и п. «д» ч. 1 ст. 105 Регламента Государственной Думы.

Такие изменения коснутся, в первую очередь, основополагающего принципа уголовного судопроизводства, направленного на защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, а также осуществления уголовного судопроизводства на основе состязательности сторон. Кроме того, подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя.

Применим данную модель на реальном уголовном деле. Так, гражданин РФ совершил преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств на территории РФ, при этом сам находился в это время на территории иностранного государства, прибывая в Россию, участвует в следственных действий в качестве свидетеля, после чего, осознавая характер и последствия совершенного особо тяжкого преступления, до предъявления обвинения убывает на территорию иностранного государства. Органами предварительного расследования предъявляется заочное обвинение, также заочно избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, лицо объявляется в международный розыск. Иностранное государство отказывает в выдачи лица. Соответственно принимается решение о приостановлении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

В настоящее время лицо проживает на территории иностранного государства, с целью избежать уголовную ответственность. Таким образом, с учетом принимаемых изменений и мер к оптимизации действующего уголовно-процессуального законодательства, необходимо (после вступления законопроекта в законную силу) передать материалы в Генеральную прокуратуру РФ, для направления их в иностранное государство для

осуществления уголовного преследования. Однако, на территории не всех иностранных государств оборот наркотических средств запрещен и является уголовно наказуемым. С учетом поручений С.Н. Лебедева, у органов предварительного расследования должна появиться возможность окончить дело без участия обвиняемого, в вышеуказанном случае обеспечить в деле участие защитника – адвоката, возможно допустить законного представителя, после выполнения всех следственных и процессуальных действий которые возможно выполнить в отсутствие обвиняемого, объявить об окончании предварительного следствия, в соответствии и порядке ст. 215 УПК РФ, после чего выполнить требования ст. 217 УПК РФ и далее направить уголовное дело прокурору в порядке ст. 200 УПК РФ, для утверждения обвинительного заключения и направления в суд для рассмотрения в порядке ч. 5 ст. 247 УПК РФ, для принятия заочного производства.

С одной стороны, возможно обеспечение законных прав и интересов обвиняемого в преступлении лица посредством обеспечения участия защитника и (или) законного представителя, но исключено реализации данных прав лично. Кроме того, исходя из сути уголовно – процессуального законодательства личное присутствие лица подозреваемого или обвиняемого лица в совершении преступления является обязательным, исключением является лишь ст. 247 УПК РФ. В случае отсутствия лица или иной причины, исключающей участие лица в досудебной стадии уголовного судопроизводства, предусмотрены основания для приостановления уголовного дела в ст. 208 УПК РФ.

Таким образом, не совсем понятен порядок реализации поручения заместителя Министра, с учетом соблюдения прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // Справочная правовая система Консультант Плюс. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 23.10.2024).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.) // СПС Консультант Плюс. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 23.10.2024).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.) // СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 23.10.2024).

4. Бертовский, Л. Работа следователей с объектами на месте их обнаружения / Л. Бертовский // Законность. – 2007. – № 5(871). – С. 26-30.

5. Бертовский, Л. В. Прокурор в суде кассационной инстанции по уголовным делам / Л. В. Бертовский, Д. Х. Гехова // Журнал российского права. – 2016. – № 2(230). – С. 150-157.

6. Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/687676-8?ysclid=m2lizrjx11736218824/> (дата обращения 23.10.2024).

УДК 343.848.3

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМИ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫМИ КОМИССИЯМИ ЕДИНОГО РЕЕСТРА ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ПРИМЕНЯЕТСЯ ПРОБАЦИЯ

Андреева Юлия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: sibupnis@mail.ru

Аннотация: в статье проанализированы действующие и проекты нормативных правовых актов для формулирования законодательных противоречий; указано, что общественные наблюдательные комиссии не могут являться операторами персональных данных и создавать учетные записи от имени общественных объединений на портале государственных и муниципальных услуг; сформулирован вывод, что в перспективе совместно с заинтересованными органами, учреждениями и организациями будет определена информация, к которой члены наблюдательной комиссии при обращении получают доступ.

Ключевые слова: общественная наблюдательная комиссия, пробация, исполнительная пробация, пенитенциарная пробация, постпенитенциарная пробация, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация, единый реестр, портал государственных и муниципальных услуг.

На основании п. 13 ч. 1 ст. 5 и ч. 10 ст. 31 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 10-ФЗ) с 1 января 2025 г. в процессе реализации мероприятий пробации предусмотрено использование единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация (далее – единый реестр).

В п. 13 ч. 1 ст. 5 Федерального закона № 10-ФЗ под единым реестром лиц, в отношении которых применяется пробация, понимается государственная информационная система, содержащая информацию о видах, сроках, результатах реализации мероприятий пробации, лицах, в отношении которых применяется пробация, об их индивидуальных программах, индивидуальной

нуждаемости, оказанных мерах социальной помощи, отказах от применения пробации, иную информацию, относящуюся к сфере пробации.

Согласно ч. 4 ст. 34 Федерального закона № 10-ФЗ оператором единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация, является федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных. Перечень органов и организаций, имеющих доступ к единому реестру лиц, в отношении которых применяется пробация, перечень органов и организаций, уполномоченных на внесение информации, подлежащей включению в единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация, перечень видов такой информации и порядок ведения и использования единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация, определяются Правительством Российской Федерации.

В связи с этим подготовлен проект постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня органов и организаций, имеющих доступ к единому реестру лиц, в отношении которых применяется пробация, перечня органов и организаций, уполномоченных на внесение информации, подлежащей включению в единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация, перечня видов такой информации, а также порядка ведения и использования единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация» (далее – проект постановления Правительства РФ).

В проекте постановления Правительства РФ общественные наблюдательные комиссии (далее – ОНК) относятся к организациям, имеющим доступ к единому реестру и уполномоченным на внесение информации, подлежащей включению в единый реестр.

Заметим, что в приложениях № 1 «Перечень органов и организаций, имеющих доступ к единому реестру лиц, в отношении которых применяется пробации» и № 2 «Перечень органов и организаций, уполномоченных на внесение информации, подлежащей включению в единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация» проекта постановления Правительства РФ ОНК указаны обособлено, после словосочетания «соглашений, заключенных с субъектами пробации», поэтому для доступа ОНК к единому реестру и внесения информации заключать соглашение ни с кем не нужно.

В ч. 2 ст. 34 Федерального закона № 10-ФЗ защита информации, включенной в единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации в области персональных данных или защиты иной информации, отнесенной в соответствии с законодательством Российской Федерации к информации ограниченного доступа.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [2] операторами персональных данных могут быть государственный орган, муниципальный орган, юридическое или

физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных.

Полагаем, что оператором единого реестра и оператором персональных данных в обозначенном случае является ФСИН России. Отдельно укажем, что ОНК не могут являться операторами персональных данных, так как на основании п. 4 ст. 6 Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» не являются государственным и муниципальным органом и осуществляют свою деятельность без образования юридического лица.

К физическим лицам, которые могут быть операторами персональных данных, можно отнести, например, индивидуальных предпринимателей, самозанятых граждан и любых других физических лиц, в том числе членов ОНК.

Получается, что ФСИН России будет предоставлять доступ к единому реестру не ОНК, а конкретному члену ОНК. Предположим, что им будет председатель региональной ОНК или другой уполномоченный член.

В интервью ТАСС начальник Управления организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, Е.А. Коробкова сообщила, что единый реестр будет размещен на едином портале государственных и муниципальных услуг (далее – портал госуслуг) [3].

Таким образом, председатель ОНК или другой уполномоченный член будут заходить на портал госуслуг под своими собственными логинами и паролями как физические лица, так как личного кабинета у ОНК не будет.

Для подписания каких-либо документов в едином реестре им понадобится электронная подпись. К документам можно отнести и ознакомление с персональной ответственностью за разглашение сведений, ставших известными при получении доступа к единому реестру, в том числе при работе с персональными данными и сведениями, составляющими врачебную тайну.

Подчеркнем, что на основании п. 13 приложения № 4 к проекту постановления Правительства РФ для реализации возможности доступа и внесения информации в единый реестр председателю или другому уполномоченному члену нужно подать заявку на создание учетной записи (электронного ключа), где в 3-й строке необходимо указать наименование, номер и дату соглашения заключенного с целью оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация. Содержание строки не должно распространяться на ОНК на основании приложений № 1 (пункт 6) и № 2 (пункт 12) проекта Постановления Правительства РФ.

Однако при анализе проекта заявки на создание учетной записи можно прийти к выводу, что учетную запись оператор единого реестра может создать только для органа, организации, индивидуального предпринимателя, имеющих

ИНН. Но как ранее было отмечено, что ОНК не являются юридическими лицами, а значит не имеют ИНН. Учитывая, что проект заявки указан как примерный образец, то в данном случае можно предусмотреть создание учетной записи для физических лиц, изложив 1-ю строку заявки в следующей редакции:

«Наименование органа, организации, индивидуального предпринимателя; фамилия, имя, отчество физического лица (с указанием ИНН), уполномоченных на внесение информации и имеющих доступ к информации, размещенной в едином реестре лиц, в отношении которых применяется пробация».

В нашем случае будет указываться ИНН физических лиц – председателя ОНК или другого уполномоченного члена.

В заключении хотелось бы заметить, что нет никаких сомнений, что в перспективе совместно с Общественной палатой РФ, региональными ОНК, ФСИН России и другими заинтересованными органами, учреждениями и организациями обозначенные организационно-правовые проблемы будут решены, а также определена информация, к которой председатель ОНК или другой уполномоченный член при обращении получат доступ в едином реестре или которую смогут внести.

Список литературы

1. О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ // Консультант Плюс: законодательство.
2. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Консультант Плюс: законодательство.
3. На портале госуслуг с 2025 года появится сервис для бывших осужденных // <https://tass.ru/obschestvo/19677983>.

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ДЛЯ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Бабыкина Анна Александровна, магистрант
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: hondaxenon@mail.ru

Научный руководитель: **Курбатова Светлана Михайловна**
доктор юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: ksm-2024@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются общие и специальные условия, необходимые для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Приведены основные рекомендации Верховного суда РФ и Европейского суда по правам человека по применению меры пресечения в виде заключения под стражу.

Ключевые слова: заключение под стражу, условия, основания, законность и обоснованность содержания под стражей, возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Согласно научной литературе под возможностью заключения под стражу понимается, соблюдение процессуальной формы, позволяющей обеспечить правомерность ее избрания (условия) и установление конкретных на это обстоятельств (основания). [1]

Согласно разъяснениям положений Пленума Верховного суда РФ, судам общей юрисдикции при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения необходимо руководствоваться не только доводами, приведенных в ходатайстве стороны обвинения, но и мотивировать должным образом невозможность избрания иной, более мягкой. [2]

На законодательном уровне общими основаниями являются:

- возможность скрыться от органов следствия или суда. Выражается в нарушении ранее избранных ограничений, оформленном заграничном паспорте, наличии у подследственного иного гражданства или двойного гражданства (бипатрид), отсутствии официальной регистрации на территории РФ, официального источника дохода или других социально-сдерживающих факторов.

- возможность продолжить преступную деятельность или совершить новое преступление. Согласно правовым разъяснениям Верховного суда РФ, может выражаться в совершении подследственным вновь уголовно-наказуемого деяния в период не снятой и не погашенной судимости.

- возможность оказать давление на участников процесса, уничтожить доказательства или иным путем воспрепятствовать уголовному производству.

Может подтверждаться поступившей угрозой в адрес участника процесса с целью изменения или отказа его от показаний, уничтожением улик или следов преступления. [3]

Специальные основания, регламентированные в ч. 1 ст. 108 УПК РФ, предусматривают возможность нахождения в СИЗО подследственного, которому инкриминируется преступление с санкцией в виде лишения свободы свыше 3 лет. На законодательном уровне предусмотрено сочетание как общих, так и специальных оснований. [4]

Положение ст. 100 УПК РФ регламентирует возможность нахождения в СИЗО подозреваемого, но только в строго определенных случаях (п. 1 ст. 108 УПК РФ). Однако, по нашему мнению, в данном случае возможны риски нарушения ст. 6 УПК РФ, гарантирующей право на защиту от незаконного ограничения прав личности. Также такому основанию должно сопутствовать:

- отсутствие официального или постоянного места жительства (должно сопутствовать с другим условием).
- невозможность установить личность лица (отсутствие документа, удостоверяющего личность, не свидетельствует об наличии данного условия).
- нарушение ранее возложенных ограничений;
- наличие факта уклонения. [5]

На законодательном уровне закреплены некоторые ограничения для:

- несовершеннолетних. Возможно применение только при совершении ими тяжких или особо тяжких преступлений;
- подследственным, которым инкриминируются преступления, предусмотренные ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Проверка судом обоснованности подозрения (обвинения) к инкриминируемому деянию в рассмотрении вопроса о взятии под стражу не должна сводиться к дословному цитированию ст. 97 УПК РФ. При это суд не должен входить в обсуждение вопроса о виновности. В случае оставления судом без надлежащей проверки и оценки данного вопроса, такое решение пожелит отмене вышестоящей инстанции. [6]

Согласно проведенному нами анализу рассмотренных судебных решений в апелляционной инстанции в Красноярском крае, суды почти в каждом решении приводили дословное цитирование ч. 1 ст. 97 УПК РФ, без указания мотивов и достоверных доводов, что считается по нашему мнению, недопустимым. [7]

Органы следствия в основном ссылаются на возможность подследственного, находясь на свободе скрыться, под угрозой назначения наказания по инкриминируемой санкции в виде лишения свободы свыше 3 лет. В то время как тяжесть предъявленного обвинения является необходимым условием, но не единственным, поэтому не может служить основанием для последующего продления ее срока. На законодательном уровне было внесено изменение в отношении подследственных, которым инкриминируется преступление в сфере экономики или с использованием должностных полномочий и положений, о невозможности их взятия под стражу. Однако, по

нашему мнению, такие лица, наоборот, являются наиболее уязвимыми и могут, например скрыться за границей.[8]

Согласно апелляционному постановлению Красноярского краевого суда №22К-3280/2024 от 11.04.2024 г. обвиняемый остался содержаться в СИЗО, так как ему инкриминировалось преступление, относящееся к категории средней тяжести, направленного против основ конституционного строя и безопасности государства. [9]

Апелляционной инстанцией было отменено решение суда с вынесением нового, так как при продлении срока содержания под стражей не были учтены характеризующие материалы подследственного (семейное положение, характеристика, трудоустройство и др.). Судам также необходимо исследовать материалы относящиеся к состоянию здоровья подследственного и возможности его содержания в СИЗО, а в некоторых случаях возможности получения им всей необходимой медицинской помощи в случаях содержания в КТБ или ЛИУ.

Европейский суд, неоднократно отмечал в судебных решениях России (с 2002 г. и до выхода РФ из Европейской Конвенции 2022 г.) явные нарушения ст. 5 Европейской Конвенции об отсутствии конкретных, обоснованных и подтвержденных оснований, свидетельствующие о необходимости содержания под стражей.[10] Необоснованностью содержания под стражей, по мнению Европейского суда, также является оставление без исследования и оценки судом характеризующего материала в отношении задержанного лица.[10]

Согласно правовой позиции Европейского суда, принцип правовой определенности необходим для обеспечения соответствия национального права международным стандартам «законности», поэтому положения национального права по условию лишения свободы человека должны быть определенными.

Рассматривая вопрос «законности» лишения свободы, согласно позиции, Европейского Суда, нами выявляется отсутствие, либо недостаточная обоснованность в решениях национальных судов, что приводит в свою очередь к нарушению. В случае выявления такого нарушения Европейский Суд оценивает его как судебный произвол, несовместимый с принципом защиты.[11]

Таким образом, подводя итог нашего исследования, можно прийти к выводу, что сложившаяся практика применения меры пресечения в виде заключения под стражу свидетельствует о ее широком применении в РФ, в связи с тем, что лицо не сможет скрыться от следствия и суда. Само содержание под стражей уже физически оказывает давление подозреваемых (обвиняемых) и заставляет их сотрудничать со следствием. Данные действия нами расцениваются, как злоупотребление со стороны должностных лиц. При этом Конституционный суд РФ неоднократно указывал на недопустимость злоупотребления таким правом. Однако анализ сложившейся судебной практики показывает, что все необходимые условия и гарантии не всегда на практике реализуются и могут нести лишь формальный характер.

Список литературы

1. Гольцов, А.Т. Заключение под стражу в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук / А.Т. Гольцев. – М., 2006. – 181 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/0100297735> (дата обращения: 19.10.2024).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Консультант Плюс: Законодательство [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.10.2024).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Консультант Плюс: Законодательство [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024)
4. Бабыло, Ю. Обоснованность подозрения» как необходимый элемент при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу / Ю. Бабыло // Уголовное право и процесс. – 2020. - URL: <https://zakon.ru/blog/2020/5/9> (дата обращения: 19.10.2024).
5. Бегова, Д.Я., Судебная природа меры пресечения в виде заключения под стражу / Д.Я. Бегова, К.Р. Магомедова // Закон и право. – 2024. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
6. Обзор практики Верховного Суда РФ о рассмотрении судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей от 18.01.2017 // Консультант Плюс: Законодательство [сайт]. - URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2024).
7. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда № 22К-10576/2022 от 29.12.2023, 22К-2656/2024 от 04.04.2024 // Судебные решения РФ. – URL: <https://www.судебныерешения.рф> (дата обращения: 20.10.2024).
8. Обобщение практики рассмотрения судами области материалов об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу за 9 месяцев 2016 г. // Официальный сайт Тульского областного суда [сайт]: URL: <http://oblsud.tula.sudrf.ru> (дата обращения: 19.10.2024).
9. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда №22К-3280 от 11.04.2024 // Судебные решения РФ. – URL: <https://www.судебныерешения.рф> (дата обращения: 19.10.2024).
10. Решение ЕСПЧ по делу №19732/14 от 29.10.2016 «Кононцев против РФ», №35919/15 от 14.09.2016 по делу «Бирюлев и Шишкин против РФ», № 8998/19 «Шапошников против РФ» // Официальный сайт Европейского суда [сайт]: -URL: <https://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.10.2024).
11. Малышева, Ю.В. Обоснованность российской практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в контексте правовой позиции Европейского суда по правам человека / Ю.В. Малышева // Российская юстиция. – 2017. – №8. – С. 67-70. – URL: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 19.10.2024).

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Белоусова Екатерина Сергеевна, магистрант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

e-mail: kat.bel.89@mail.ru

Научный руководитель: **Курбатова Светлана Михайловна**,

доктор юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

e-mail: ksm-2024@mail.ru

Аннотация. Анализируется роль института особого мнения судьи в системе уголовного судопроизводства России. Рассмотрено мнение ряда отечественных ученых относительно вклада и значимости особого мнения судьи в вершении правосудия по уголовным делам.

Ключевые слова: несогласие мнения судьи, правосудие, уголовный процесс, особое мнение судьи

Особое мнение судьи, выраженное в судебном решении, представляет собой его единственную в своем роде, и значимую позицию. Такое мнение формируется в результате осмысленного процесса, основанного на действующем законодательстве Российской Федерации, личном профессиональном опыте судьи, а также на доказательствах, представленных сторонами в ходе судебного разбирательства. Судья, при этом, руководствуется принципом несокрушимой честности, и стремлением к детальному исполнению своих профессиональных долгов.

А.П. Евсеев выделяет три основные функции мнения судьи. Во-первых, оно способствует более глубокому пониманию и усвоению судебного решения, что важно для последующего формирования аргументированной позиции по схожим случаям. Во-вторых, мнение судьи служит надежным фундаментом для разработки новых правовых принципов. В-третьих, оно должно быть доступно широкой публике через обязательное публичное опубликование, что делает его доступным для различных слоев населения [2, с. 110].

Согласно статье 301 и статье 310 Уголовно-процессуального кодекса РФ, судья, не согласный с вердиктом, имеет право оформить свое отдельное мнение в письменной форме в совещательной комнате. Однако, при этом, он не должен разглашать детали обсуждения в суде, личные взгляды членов суда или любую другую информацию, являющуюся судебной тайной. Отдельное мнение должно быть подготовлено и представлено в течение пяти дней после оглашения приговора и включается в текст решения, но не объявляется публично. При оглашении приговора, председательствующий судья уведомляет о наличии отдельного мнения и указывает на право сторон ознакомиться с ним в течение трех дней [1].

Ю.В. Тай отмечает, что независимость судьи должна быть абсолютной и неоспоримой. Она выражает опасение, что если личное мнение судьи, отличающееся от мнений его коллег, будет восприниматься как грубое нарушение этических норм, то это подорвет основы независимости и объективности судебной системы. По его мнению, это приведет к установлению гегемонии мнения большинства и абсолютного авторитета, что недопустимо [5, с. 35].

О.В. Войцеховская определяет, что институт судебного особого мнения неизменно занимает ключевую позицию в процессе модернизации существующего законодательства. Это связано с тем, что судебное особое мнение часто выражается по спорным вопросам, которые либо конфликтуют с другими нормами, либо не находят отражения в законодательстве, оставляя пробелы. Такое мнение судьи способствует более эффективному урегулированию дискуссионных вопросов, хотя и не имеет обязательной силы [2, с. 26].

М.И. Клеандрова подчеркивает значимость института судейского особого мнения, видя в нем важную защиту фундаментальных принципов, на которых строится уголовное правосудие. Автор пишет, что возможность выражения судьей особого мнения направлено на содействие исправлению определенных недостатков законодательства [4, с. 20].

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что право судьи на выражение особого мнения, являющегося обязательным атрибутом его статуса, сохраняется законодателем для защиты профессиональной репутации, и каждый судья несет равную ответственность за коллегиальное решение. Предоставление судье возможности выступать в роли независимого арбитра через высказывание своего особого мнения, имеет достаточные основания, что подтверждает необходимость сохранения данного института в уголовном процессе.

Особое мнение судьи в уголовном судопроизводстве играет ключевую роль, и оказывает значительное воздействие на правосудие. Тем не менее, данный процессуальный институт требует дополнительного анализа и дальнейшего совершенствования.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СПС КонсультантПлюс.
2. Войцеховская, О.В. Особые мнения судей высших судов: проблема лимитов (сравнительно-правовой взгляд) / О. В. Войцеховская // Журнал конституционного правосудия. - 2019. - № 3 (69). - С. 25-28.
3. Евсеев, А.П. Политико-правовые ценности конституционных судей сквозь призму особых мнений: психологический подход / А. П. Евсеев // Закон. -2020. - № 12. - С. 101 - 117.

4. Клеандров, М.И. Институт особого мнения судьи: каковы его значение и основные функции? / М.И. Клеандров // Российское правосудие. - 2019. - № 9. - С. 17-22

5. Тай, Ю.В. Особое мнение судьи / Ю.В. Тай // Вестник гражданского процесса. - 2016. - № 3. - С. 25-5.

УДК 34:004

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЕ ПРАВО: НАШИ ОЖИДАНИЯ

Бертовский Лев Владимирович, доктор юридических наук, профессор,
директор

Института высокотехнологичного права и социально гуманитарных наук

НИИ «Московский институт электронной техники»,

профессор Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

e-mail: bgl1980@yandex.ru

Аннотация. Исследуется процесс развития современного права и его влияние на развитие наук криминального цикла и формулируется вывод о том, что высокотехнологичное право не в полной мере оправдывает возлагаемые на него надежды. Освещены проблемы дальнейшего развития национального законодательства.

Ключевые слова: право, регулятор общественных отношений, высокие технологии, высокотехнологичное право.

Историческое дискретное развитие права, находясь в корреляционной зависимости от генезиса технологий, прошло несколько важных этапов. Первым периодом (зарождение и становление права, примерно до IX—XI вв.) называют стадию архаичного права. На смену ему пришла стадия сословного права (с IX—XI вв. по XV—XVII вв.). Затем наступила третья стадия развитого или общегосударственного права (приблизительно с 1870 года и до 2000 года).

Экспоненциальное развитие науки и техники, изменение социальных укладов и другие глобальные изменения, которые произошли с началом третьего тысячелетия, потребовали значительной модернизации и права. Мы вступили в эпоху высокотехнологичного права, под которым понимается такой логистичный¹, наукоемкий и технологичный регулятор общественных отношений, который, с одной стороны, использует высокие технологии в процессе правоприменения, а с другой — регламентирует возникающие с ними отношения [1].

¹ На логистичность права указывает тот факт, что нормы, регламентирующие использование современных технологий, нашли свое место во всех его современных отраслях.

С развитием технологий современное право оказалось перед рядом вызовов и возможностей. Высокотехнологичное право, связанное с регулированием вопросов, возникающих на пересечении технологий и права, представляет собой новый виток в юридической науке и практике. Многообещающие ожидания от современного регулятора общественных отношений включают быструю адаптацию правовых норм к инновациям, надежное регулирование цифровой экономики, ускорения судопроизводства обеспечивая тем самым доступ к правосудию, увеличение уровня автоматизации производственных процессов с перераспределением рабочего времени человека в творческие сферы, совершенствования международно-правовых механизмов, снижения количества военных конфликтов и увеличения уровня безопасности людей, а также защиту прав граждан в цифровую эпоху. Однако реальность часто не соответствует ожиданиям, что создает разрыв между теорией и практикой высокотехнологичного права.

Технологии развиваются стремительными темпами, и право должно соответствовать этому ритму, обеспечивая своевременное регулирование.

18 августа 2008 был зарегистрирован домен bitcoin.org. Первый обмен биткойнов на реальный товар произошёл 22 мая 2010 года — американец Ласло Ханеч за 10 000 биткойнов получил две пиццы с доставкой. Можно считать это началом использования Биткойна в качестве платежного средства. В России (в ряде зарубежных стран намного раньше) с 1 января 2021 года вступил в силу закон «О цифровых финансовых активах» и только 1 ноября 2024 года – закон «О майнинге». Данные акты разрешили легально добывать криптовалюты, пока отсутствует нормативное регулирование его использования.

Наши ожидания включают оперативное реагирование на новые цифровые вызовы, будь то вопросы кибербезопасности, интеллектуальной собственности, использования искусственного интеллекта или защиты данных.

Для плавного и безопасного перехода общества и государства на «цифровые рельсы» потребуются безопасное хранение персональных данных. Ежегодно фиксируется рост количества преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Особенно важным является вопрос защиты критической информационной инфраструктуры государства. Предпринимаются меры для повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, повышению уровня их технической оснащённости.

В тоже время, несмотря на то, что статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2023 год свидетельствуют о снижении общего числа зарегистрированных преступлений 1947161 (на 1 % меньше, чем в 2022), число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на (+29,7 %, всего – 676 951) [2].

Еще одной из первостепенных задач высокотехнологичного права на современном этапе является надежное регулирование цифровой экономики.

Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 4 июня 2019 г. была утверждена Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

Данная программа охватывает все сферы общественной жизни. В ней уделяется внимание нормативному регулированию цифровой экономики, исследованиям и разработкам, информационной инфраструктуре и безопасности, она предусматривает подготовку высококвалифицированных специалистов. В рамках программы представляется важным повышение уровня грамотности граждан в сфере компьютеризации и интернет-технологий. Программа ставит перед собой цель не только развивать существующие цифровые технологии, но и создавать условия для разработки и развития новых платформ и технологий.

Однако правовое регулирование ее реализации имеет ряд недостатков. Программа не содержит четкой формулировки понятия «цифровая экономика», не выделены ключевые моменты, на которые необходимо уделить внимание при реализации программы, она не структурирована, не до конца выявлена взаимосвязь с иными национальными программами. Отсутствует понимание того, каким именно отраслям должны быть оказана поддержка государства [3].

Еще одной проблемой стало разной степени готовности регионов к цифровизации. В целях дальнейшего регулирования деятельности по реализации программы необходимо принятия федерального закона, который бы предоставлял право субъектам Российской Федерации принимать законы, способствующие плавному внедрению цифровой экономики.

Кроме того, не в полной мере соответствуют нашим ожиданиям и решения таких проблем как ускорения судопроизводства, увеличение уровня автоматизации производственных процессов, совершенствования международно-правовых механизмов, снижения количества военных конфликтов и увеличения уровня безопасности людей, а также защиту прав граждан в цифровую эпоху и ряд других.

Высокотехнологичное право представляет собой такой социальный феномен, на который возлагается множество ожиданий. И одно из таких направлений – сфера наук и дисциплин криминального цикла, отрасли уголовного, уголовно-процессуального и т.п. законодательства, направления уголовной политики российского государства. Однако реальность демонстрирует, что для реализации этих ожиданий требуется значительная работа по ускорению законодательных процессов, увеличению гибкости правовых норм, развитию международного сотрудничества и усилению защиты прав граждан.

Список литературы

1. Бертовский Л.В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы / Л.В. Бертовского // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2021. – Т. 25. – № 4. – С. 735—749.

2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года [Электронный ресурс] <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/>

3. Лошкарев, А.В. Проблемы развития цифровой экономики в России / А.В. Лошкарев, П.В. Шаталова International // Journal of Humanities and Natural Sciences. –2020. – vol. 9-1 (48). – pp.201-203.

УДК 343.1

**О СИНЕРГЕТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СУБЪЕКТАМИ ПОИСКОВО-
ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВ ЛИЦ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ**

Вахтель Владимир Генрихович, депутат Законодательного Собрания
Красноярского края, аспирант
Красноярский государственный аграрный университет
e-mail: vahtel_v@mail.ru

научный руководитель: **Курбатова Светлана Михайловна**
доктор юридических наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет
e-mail: ksm-2024@mail.ru

Аннотация. Обращается внимание на неурегулированность в настоящее время нормами российского уголовно-процессуального законодательства положения в уголовном судопроизводстве категорий населения, охватываемых понятием «лица с ограниченными возможностями». Отмечена необходимость обеспечения данным лицам надлежащего участия в уголовном судопроизводстве субъектами поисково-познавательной деятельности. Предложен к применению синергетический подход для решения данного вопроса.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, лица с ограниченными возможностями, субъекты поисково-познавательной уголовно-процессуальной деятельности.

Гуманистические ценности, нашедшие свое закрепление в нормах международного права после подведения итогов последствий Второй мировой войны, в том числе – понимания значимости человека, его прав и свобод, в дальнейшем стали неотъемлемой частью модели формирования правовых социальных государств, которая получила широкое распространение к концу XX в.

Данная модель нашла свое закрепление и в положениях статей 1 и 7 Конституции Российской Федерации, а также в других, детализирующих их.

Гуманистические начала заложены в основу всех отраслей российского законодательства, включая такие как уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное.

Однако в уголовном судопроизводстве, на что обращается внимание целым рядом современных исследователей, данные начала не получили дальнейшего развития, кроме как в совершенствовании уже ранее известных отечественному уголовно-процессуальному законодательству институтов и производств, а именно:

- производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних,
- производства о применении принудительных мер медицинского характера,
- особенностей участия несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Тогда как, на что абсолютно справедливо обращается внимание С.М. Курбатовой, «не все участники уголовного судопроизводства из числа физических лиц обладают равными личностными возможностями самостоятельно в полной мере осуществлять принадлежащие им процессуальные права и обязанности вследствие различных причин социально значимого характера: болезнь, возраст, неграмотность, не владение языком, на котором ведется производство и др. (лица с ограниченными возможностями)» [1, с. 4]. Необходимо учитывать когнитивные и физические личностные особенности разных категорий населения [2, 3].

Предлагаемые С.М. Курбатовой компенсаторный подход и концепция компенсаторности, направленные на обеспечение надлежащего участия в уголовном судопроизводстве лицам с ограниченными возможностями, которые становятся его участниками, закладывают основу для дальнейшего развития российского уголовного процесса, поднимая целый пласт проблем теории, законодательства и практики, которые нуждаются в дальнейшем осмыслении и разработке.

Учитывая императивный характер уголовного судопроизводства, как и то, что бремя уголовного преследования возложена на сторону обвинения в лице соответствующих органов государственной власти, а правосудие реализуется только судом, представляется актуальным выделение следующего вопроса. А именно – о необходимости обеспечения данными субъектами реализации прав участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями. Данных субъектов, с учетом специфики функций, реализуемых ими в процессе производства по уголовному делу, можно охватить понятием «субъекты уголовно-процессуальной поисково-познавательной деятельности», которых, в частности, в первом параграфе второй главы своего диссертационного исследования выделяет Р.Т. Гапридашвили [4].

Решение этого вопроса видится посредством применения синергетического подхода.

Синергетика, как разновидность методологии юридического познания, направлена на познание элементов правовой системы которые рассматриваются как сложные неравновесные, но динамичные конструкции, на существование которых оказывает важное влияние их взаимодействие с внешней средой, в том числе, поступающая извне информация [5].

Это позволяет говорить об эволюционировании данных правовых конструкций в частности, и правовых систем в целом – посредством того, что выявляемые противоречия данных элементов и их несогласованность с уровнем развития общества и государства на данном этапе, обуславливает необходимость их изменения с целью дальнейшего эволюционирования, с учетом разных возможных сценариев эволюции.

Синергетический подход основан на познании процессов и объектов посредством применения совокупности идей, понятий и методов в исследовании и управлении когерентными (взаимосвязанными) системами.

Синергетический подход в теории права представляет совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных методов и способов познания междисциплинарного характера, применение которых направлено на изучение взаимных связей и результатов взаимодействия между элементами определенной правовой системы, что позволяет по-новому раскрыть и обосновать их взаимодействие, устраняя противоречия и способствуя новому этапу развития данной системы.

В том числе, «синергетический подход дает возможность по-новому взглянуть на вопросы преодоления и устранения противоречий в нормативных и других правовых актах. Он дополняет структурно-системный подход тем, что позволяет изучать закономерности несогласованности системы права» [5].

На современном этапе развития науки любое явление действительности, в том числе уголовный процесс, целесообразно рассматривать с позиции синергетической парадигмы, в рамках которой уголовное судопроизводство представляется сложной, открытой, самоорганизующейся системой отношений – особой формой и механизмом осуществления уголовно-процессуальной деятельности в соответствии с уголовно-процессуальным законом, и с присущими ему закономерностями становления, функционирования и эволюции, учитывающие особенности данного конкретного этапа развития общества и государства.

Применительно к проблеме, озвученной в начале, и выражающейся в неурегулированности надлежащего участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями, это означает:

- во-первых, признание этого как проблемы, имеющей комплексный характер, что проявляется в несоответствии положениям международного права, противоречит гуманистическим основам правового социального государства, создает риски для нарушения прав участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями;

- во-вторых, рассмотрение этого как проблемы, требующей решения не только посредством механических правок текста Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации (что немаловажно и даже наоборот – очень значимо, но при условии, что это будет сделано качественно), но системно, посредством изменения с учетом сегодняшних представлений о категориях населений, относимых к лицам с ограниченными возможностями;

- в-третьих, данная проблема влечет за собой вопрос о необходимости качественного изменения подготовки субъектов поисково-познавательной деятельности (суд, прокурор, следователь, дознаватель), а также участников уголовного судопроизводства, которые могут быть приравнены к ним в силу специфики своих процессуальных статусов, а именно: защитник, представитель, законный представитель. Речь идет об изменениях в образовательные программы обучающихся соответствующим направлениям и специальностям юриспруденции, разработке курсов повышения квалификации, проведении обучающих научно-практических и иных семинаров и прочих мероприятий;

- в-четвертых, разработка тактического обеспечения и методических рекомендаций для субъектов поисково-познавательной деятельности относительно подготовки, организации и производства процессуальных действий с участием лиц с ограниченными возможностями;

- в-пятых, совершенствование материально-технического оснащения субъектов поисково-познавательной деятельности, включая современные достижения науки и техники;

- в-шестых, на уровне государства реализовывать политику правового просвещения – как лиц с ограниченными возможностями и их законных представителей на предмет соблюдения их прав в случаях вовлечение в уголовное судопроизводство, так и субъектов поисково-познавательной деятельности.

Представляется, что тем самым будет осуществляться как развитие уголовной политики Российского государства в целом [6], так и сформируется направление по решению проблемы надлежащего участия в производстве по уголовным делам лиц с ограниченными возможностями, обеспечивая тем самым дальнейшее развитие российского государства в вопросах гуманизации и соблюдения прав человека в такой важной сфере как уголовное судопроизводство.

Список литературы

1. Курбатова, С. М. Участие в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Курбатова Светлана Михайловна. М., 2024. – 548 с.

2. Бертовский, Л. В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп / Л. В. Бертовский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – Т. 24, № 4. – С. 1100-1121.

3. Бертовский, Л. В. Технология получения уголовно-релевантной информации от малолетних и несовершеннолетних / Л. В. Бертовский, В. Н. Билян // Бизнес. Образование. Право. – 2016. – № 2(35). – С. 174-179.

4. Гаприндашвили, Р. Т. Проблемы теории и практики принятия субъектами поисково-познавательной деятельности уголовно-процессуальных решений: дисс. ... канд. юрид. наук / Гаприндашвили Резо Тенгизович. – М., 2016. – 181 с.

5. Шишкин, В. В. Синергетический подход в теории права : автореферат дисс....канд. юрид. наук / Шишкин Василий Викторович. – Нижний Новгород, 2007. – 35 с.

6. Бертовский, Л. В. Защита прав и законных интересов участников судопроизводства как элемент уголовной политики государства / Л. В. Бертовский // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2020. – № 4(6). – С. 81-84.

УДК 343.13

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Галицкая Елизавета Евгеньевна, помощник судьи Красноярского краевого суда,
соискатель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: ques13@yandex.ru

Научный руководитель: **Курбатова Светлана Михайловна**
доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: ksm-2024@mail.ru

Аннотация. Исследованы вопросы теории и практики, связанные с освобождением от уголовного наказания в связи с болезнью. Результатом исследования явился вывод о необходимости введения изменений в современное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: судебный контроль, исполнение приговора, суд, лечащий врач, освобождение от наказания, болезнь.

В соответствии со статьей 20 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации суд контролирует исполнение наказаний при решении вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора в соответствии со статьями 397 (за исключением случаев, указанных в пунктах 1 и 18) и 398 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В юридическом обороте термин «судебный контроль» впервые появился после разработки в 1991 году Концепции судебной реформы в РСФСР, одной из которых явилось разделение судебного контроля на абстрактный (в сфере

законотворчества), осуществляемый преимущественно Конституционным Судом РСФСР, и конкретный (момент приложения нормы к фрагменту живой жизни), являющийся неотъемлемой чертой правосудия, осуществляемый судами общей юрисдикции и направленный на проверку установлений законодателя на справедливость.

Используя понятие «судебный контроль» в уголовном судопроизводстве, ряд ученых-процессуалистов не распространяет его на стадию исполнения приговора, не считая самостоятельной стадией уголовного процесса [0, 0]. Между тем, деятельность суда по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, является уголовно-процессуальной деятельностью, которая может осуществляться лишь в форме, установленной законом и другими источниками уголовно-процессуального права – в форме судебного заседания.

Профессор В.И. Качалов в своих работах называет судебным контролем и уголовно-процессуальную деятельность суда в стадии исполнения приговора и указывает, что «судебный контроль по своему содержанию представляет собой специфическую форму правосудия, направленную на защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод либо правовых интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» [0].

Мы соглашались с данным утверждением и считаем целесообразным расширение использования понятия «судебный контроль» и на стадию исполнения приговора, а также приходим к заключению о том, что судебный контроль, реализуемый судом на стадии исполнения приговора, является процессуальной деятельностью суда, осуществляемой в форме правосудия, с целью корректирования процесса исполнения приговора для защиты конституционных прав, свобод личности.

Уголовно-правовой институт освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью получил свое развитие лишь в 1903 году, после утверждения императором Николаем II Уголовного уложения, выделившего такие основания освобождения, как: болезненное расстройство душевной деятельности, бессознательное состояние, или же умственное недоразвитие, произошедшее от телесного недостатка или болезни.

Вместе с тем, данный документ не выделял в качестве основания для освобождения от отбывания уголовного наказания тяжелую болезнь, а главной причиной возникновения в XVIII-XIX веках института освобождения от наказания в связи с болезнью явилось отсутствие тюремных больниц, в связи с чем больные арестанты находились в одних помещениях вместе со здоровыми.

Между тем, свое основное развитие институт освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью получил по ряду иных причин, в результате которых применение в конкретном случае наказания было несправедливым или жестоким, при этом поведение лица не учитывалось.

В настоящее время изложение нормы части 2 статьи 81 Уголовного кодекса Российской Федерации говорит о ее дискреционном характере, однако правоприменительная практика, основанная на разъяснениях постановления

Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», говорит об обратном: заболевание осужденного является самостоятельным основанием для его освобождения от отбывания наказания.

До этого позиция Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемому вопросу в прежней редакции разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении части 2 статьи 81 Уголовного кодекса Российской Федерации отличалась от нынешней и требовала «при рассмотрении вопроса об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью учитывать поведение осужденного в период отбывания наказания, его отношение к проводимому лечению, соблюдение им медицинских рекомендаций, режимных требований учреждения, исполняющего наказание, по состоянию здоровья, а также данные о личности осужденного, наличие у него постоянного места жительства, родственников или близких ему лиц, которые могут и согласны осуществлять уход за ним».

Учитывая существование заболеваний, не включенных в Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 года № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» (далее – Перечень), которые, между тем, объективно могут препятствовать отбыванию наказания, нами предлагается законодательно закрепить альтернативный подход к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью, основой для которого станет право, а не обязанность суда по своему усмотрению освобождать от отбывания наказания лицо, заболевшее иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, при рассмотрении ходатайства которого суд должен учитывать поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его освобождения от отбывания наказания в связи с иной тяжелой болезнью.

При этом законодательный подход к освобождению осужденных от наказания в связи с болезнью, существующий в современном уголовном законе, предлагается оставить в качестве императивного указания на освобождение в случае выявления у осужденного заболевания, включенного в Перечень.

Фактически после освобождения осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью какой-либо контроль за ним прекращается, совершение им повторных преступлений становится возможным, несмотря на имеющееся заболевание, и при рассмотрении нового уголовного дела факт освобождения от отбывания наказания по предыдущему приговору значения не имеет и никаких последствий для осужденного не несет.

В этой связи ряд ученых-процессуалистов настаивает на придании данному виду освобождения от отбывания наказания условного характера [0, 0], с чем мы соглашаемся и предлагаем ввести для осужденных,

освобожденных в связи с болезнью, следующие обязанности: обратиться в профильное лечебное учреждение за медицинской помощью по заболеванию, послужившему основанием для освобождения, не уклоняться от назначенного лечащим врачом лечения, выполнять рекомендации лечащего врача и другие обязанности, направленные, в первую очередь, на прохождение осужденным профильного лечения, особенно в случаях, когда в учреждениях уголовно-исполнительной системы не имеется необходимого для этого медицинского оборудования, врачей узкого профиля, лекарственных препаратов и так далее.

Говоря о вопросах, возникающих при рассмотрении судами вопроса об освобождении осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью, мы обращаем внимание на практику привлечения судом к участию в деле в качестве специалиста лечащего врача осужденного, который не только компетентен в толковании медицинских терминов, но и может пояснить ряд обстоятельств, которые стали ему известны в результате лечения осужденного, как то тяжесть его состояния, возможность самостоятельного ухода, отношение к проводимому лечению. Вместе с тем, в настоящее время глава 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не содержит ни слова о возможности участия в судебных заседаниях по вопросам, связанным с исполнением приговора, специалиста, а также об основаниях, порядке его вызова в судебное заседание.

В этой связи нами предлагается закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации право суда самостоятельно инициировать вызов в суд лечащего врача осужденного для допроса в качестве специалиста по вопросам, предусмотренным пунктами 6 и 12 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также право участников процесса заявлять ходатайства о привлечении к участию в производстве по вопросам, связанным с исполнением приговора, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Кроме того, предлагается установить обязанность председательствующего предупреждать специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по статье 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку в настоящее время согласно положениям статей 58 и 168 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации суд разъясняет специалисту его права и ответственность, предусмотренную статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации за разглашение данных предварительного расследования, которое на стадии исполнения приговора не осуществляется.

В ходе рассмотрения вопроса об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью вправе принимать участие и осужденный, который, тем не менее, имея заболевание, опасное для жизни и здоровья окружающих, например, туберкулез открытой формы, по сути лишен возможности участвовать в судебном заседании и быть услышанным, поскольку медико-санитарная часть в составе лечебного исправительного учреждения располагается отдельно от административного корпуса, в котором

расположены комнаты, оборудованные видео-конференц-связью, а прохождение больного человека в данные комнаты не допускается.

С введением в процессуальном законе возможности проведения судебных заседаний посредством веб-конференций стало возможным предложить размещать тяжело больных осужденных в комнате, расположенной в здании медико-санитарной части, не угрожая другим участникам процесса, с возможностью соединения с судом посредством веб-конференции.

Таким образом, можно прийти к выводу о необходимости введения изменений в современное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с освобождением от отбывания наказания в связи с болезнью.

Список литературы

1. Вышинский, А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – М.: Госюриздат, 1950.

2. Добровольская, Т. Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговора / Т.Н. Добровольская. – М., 1979.

3. Качалов, В. И. О характере судебной деятельности на этапе исполнения приговора и иных итоговых судебных решений / В.И. Качалов // Вестник экономической безопасности. – 2016. – №. 5. – С. 102-105.

4. Макарова, О. В. О практике рассмотрения судами ходатайств осужденных об освобождении от наказания в связи с болезнью / О.В. Макарова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, КОНТРАКТ, 2019.

5. Селиверстов, В. И. Правовые проблемы освобождения осужденных от отбывания уголовного наказания по болезни / В.И. Селиверстов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2017. – № 7 (35). – С. 42-49.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ФОТОГРАММЕТРИИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Гарбуз Григорий Сергеевич, кандидат юридических наук, судья
Кежемский районный суд Красноярского края, Кодинск, Россия
e-mail: greg_g@inbox.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, связанные с использованием метода фотограмметрии при расследовании преступлений, которые совершаются в экологической сфере. Автором анализируется полезность использования эффективного метода фотограмметрии в успешном достижении целей расследования экологических преступлений, подчеркивается важность применения высоких технологий в криминалистике на современном этапе развития науки, а также делается вывод о необходимости совершенствования криминалистического обеспечения расследования экологических преступлений с применением передовых разработок.

Ключевые слова: экологические преступления, криминалистика, методика расследования преступлений, метод фотограмметрии, трехмерная фиксация, технико-криминалистические средства.

Объявленный в Российской Федерации 2024 год «Годом РАН» ознаменован для отечественной науки не только 300-летним юбилеем Российской академии наук. В октябре этого года исполнилось 100 лет со дня рождения одного из ведущих ученых-криминалистов Л. Я. Драпкина, что является знаковым событием для научного криминалистического сообщества, имели место и другие юбилейные научные мероприятия.

Вызванные стремительным развитием научно-технического прогресса фундаментальные изменения в содержании гуманитарных наук и в условиях их познания повлекли за собой формирование новых методов научного исследования.

По мнению профессора Э. Н. Жевлакова, усиливающаяся цифровизация большинства сфер нашей жизни имеет негативные аспекты, вызванные активным перемещением высоких технологий в преступную сферу [4, С. 32]. Не остаются в стороне от изучения этих аспектов и уголовно-правовые науки.

Особо значимую роль феномена высоких технологий в криминалистической науке подчеркивает в своих трудах А. М. Кустов [6, С. 123].

Научная школа профессора Л. В. Бертовского на протяжении пяти лет активно обсуждает на различных научных мероприятиях методологические особенности интеграции высоких технологий в современное правовое поле, а также воздействие высокотехнологичного права на систему правового

регулирования и теоретико-практические аспекты интегрирования высокотехнологичного права в науку криминалистики.

Полагаем, что в течение всего жизненного цикла криминалистической науки осуществлялось поэтапное совершенствование методов фиксации следов преступной деятельности.

Развитие информационных технологий привело ученых-криминалистов на новый уровень записи, обработки и хранения криминалистически значимых объектов и следов. Используемую субъектами поисково-познавательной деятельности цифровую фотосъемку стремительно вытесняет метод трехмерной фиксации, делающий сбор данных более быстрым и полным и позволяющий конструировать модели, которые полностью сохраняют пространственные характеристики исследуемых предметов.

Отметим, что в настоящее время применяются 2 технологии трехмерной фиксации: лазерное сканирование и фотограмметрия. Первая помогает достигать хорошей точности, при этом требует применения дорогостоящего оборудования. Фотограмметрия, напротив, позволяет получить трехмерные изображения исследуемых объектов без специального оборудования и навыков, таким образом, метод фотограмметрии является более доступным, менее финансово затратным.

«Сама по себе фотограмметрия, – по мнению И. И. Галайда, – представляет собой научно-техническую дисциплину, занимающуюся определением формы, размеров, положения и иных характеристик объектов по их фотографиям» [3]. «Трехмерные изображения – 3D-модели, – пишет А. М. Берлянт, – это графические модели, создающие зрительный эффект объемности, глубины пространства» [2, С. 76].

Построение 3D-моделей фотограмметрическим методом базируется на определении размеров тех или иных объектов по стереопарам.

Известны два способа использования фотограмметрии – фотографирование с использованием зеркального фотоаппарата и при помощи беспилотного летательного аппарата. В первом случае необходимо выполнить большое количество фотоснимков, с наложением 2/3 объекта съемки на предыдущее изображение, таким образом, чтобы не допускать смещения фотокамеры относительно продольной линии съемки, либо использовать несколько фотоаппаратов, закрепленных на установке. Допускается одновременное использование такого количества фотоаппаратов, которое позволит одновременно зафиксировать объект со всех ракурсов. Во втором случае необходимо осуществлять съемку таким образом, чтобы в дальнейшем при выгрузке фотоматериала обеспечить не менее 60% перекрытия изображений между соседними кадрами. Уровень технического исполнения фотофиксации с применением метода фотограмметрии при беспилотном обследовании криминалистически значимых объектов варьирует от начального, который основан на беспилотной съемке в режиме ручного управления следователем или специалистом, до высокотехнологичного, базирующегося на

автоматических полетных миссиях, фотограмметрических и геоинформационных технологиях.

Полагаем, что высокотехнологичный метод фотограмметрии способен помочь лицу, осуществляющему поисково-познавательную деятельность, в расследовании преступлений различных категорий, в том числе, преступлений, совершаемых в экологической сфере.

Отметим, что О. Г. Костюченко в своих трудах всесторонне изучил возможности применения беспилотных летальных аппаратов при производстве высокотехнологичной операции «Осмотр места происшествия» [5, С. 2–5]. Д.В. Бахтеев также подчеркивал важность применения дронов при исследовании имеющих большую протяженность открытых мест происшествий, в том числе, техногенных и экологических катастроф [1, С. 3–4].

Личный опыт автора статьи по рассмотрению дел о преступлениях, совершаемых в экологической сфере, вынуждает с прискорбием констатировать катастрофическое отставание в техническом обеспечении работников следствия. Так, при расследовании дел о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 260 УК РФ (незаконная рубка леса в крупном размере), а также ч. 2 ст. 247 УК РФ (транспортировка химических веществ с нарушением установленных правил, если эти деяния повлекли загрязнение окружающей среды) следователями при производстве осмотра места происшествия не использовались беспилотные летательные аппараты и не применялся метод фотограмметрии [7, 8], однако его применение помогло бы по результатам проведения следственного осмотра более быстро и правильно построить и проверить жизнеспособность выдвигаемых криминалистических версий, более наглядно и информативно представить в материалы дела весь объем следовой картины, избежать последующего противодействия со стороны подсудимых и защитников при рассмотрении дел в суде.

Изученные судом в ходе судебного следствия протоколы проверки показаний на месте также позволяют выдвинуть гипотезу о возможности эффективного использования фотограмметрии при осуществлении названного следственного действия. Анализ изученных уголовных дел свидетельствует о том, что использование следователем при проверке показаний метода фотограмметрии явилось бы более наглядным и информативным дополнением к протоколу следственного действия и способствовало бы более эффективному познанию обстановки совершения преступления в условиях труднодоступного лесного массива, водного объекта либо горной местности.

Таким образом, оптимизация процесса фиксации следов и последующей обработки полученных данных служит важным критерием всестороннего познания следовой картины, а фотограмметрия как высокотехнологичный, не требующий значительных финансовых и временных затрат метод, представляется весьма перспективным для развития криминалистического моделирования при расследовании преступлений, совершаемых в экологической сфере.

Список литературы

1. Бахтеев, Д. В. Об интеграции современных технологий в следственную деятельность / Д. В. Бахтеев // ГлаголЪ правосудия. – 2022. – № 1(27). – С. 2–5.
2. Берлянт, А. М. Теория геоизображений / А.М. Берлянт. – М.: ГЕОС, 2006. – 262 с.
3. Галайда, И. И. Фотограмметрия как эффективный метод фотофиксации больших объектов под водой в сложных условиях // Вопросы подводной археологии. – 2019. – № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fotogrammetriya-kak-effektivnyy-metod-fotofiksatsii-bolshih-obektov-pod-vodoy-v-slozhnyh-usloviyah> (дата обращения: 16.06.2024).
4. Жевлаков, Э. Н. Экологические и альтернативно-экологические преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных систем / Э.Н. Жевлаков // Уголовное право. – 2024. – № 6. – С. 32-38.
5. Костюченко, О. Г. Криминалистические аспекты применения беспилотного летательного аппарата (БПЛА) // Российский следователь. – 2023. – № 10. – С. 2-5.
6. Кустов, А. М. Использование искусственного интеллекта при производстве процессуальных действий / А. М. Кустов // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы: материалы III Международной межвузовской научно-практической конференции (24–25 февраля 2022 года, Москва – Красноярск) / Национальный исследовательский университет «Московской институт электронной техники»; Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск, 2022. – С. 122–128.
7. Архив Кежемского районного суда Красноярского края // Уголовные дела № 1-1/2023, № 1-7/2023.
8. Архив Кежемского районного суда Красноярского края // Уголовное дело № 1-6/2022.

УНИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Горбань Елена Георгиевна, кандидат юридических наук
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
e-mail: gordan-1972@mail.ru

Русаков Алексей Геннадьевич, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
e-mail: rusalger@mail.ru

Аннотация: В настоящей работе рассматриваются современное состояние и тенденции унификации доказательств в российском судопроизводстве, выдвигаются актуальные вопросы унификации доказательств, намечаются пути их разрешения для оптимизации судопроизводства на основе универсальной системы унифицированных доказательств.

Ключевые слова: российское судопроизводство. унификация доказательств, универсальная система унифицированных доказательств.

Ряд видных российских ученых-процессуалистов используют унифицированный подход при разработке ответов на актуальные вопросы совершенствования российского уголовного и гражданского процессов [1,2,4,8-10].

Однако, в центре данных исследований, в основном, расположены отдельные сходные процессуальные институты. Межотраслевому институту судебных доказательств, по мнению авторов статьи, уделяется недостаточно внимания [5-7]. Полагаем недопустимым положение, при котором в нормах процессуальных кодексов нет единообразного закрепления термина доказательства; в статье 74 УПК РФ, думается, данный термин трактуется чрезмерно широко - как «любые сведения...»; перечень источников доказательств не является единообразным, консультация (заключение) специалиста нормами гражданского процессуального законодательства не рассматривается в качестве доказательства; электронно-цифровые доказательства не предусмотрены процессуальным законодательством в качестве самостоятельного вида доказательств, гражданское процессуальное право относит их к письменным доказательствам, уголовно-процессуальное - к иным документам; отсутствуют единые требования к содержанию заключения эксперта (экспертов); полностью не разрешены вопросы легитимации досудебных материалов (в том числе - полученных по результатам административного расследования и результатов ОРМ), существуют также многие иные противоречия и несоответствия современным требованиям судопроизводства.

В условиях построения цифрового общества, цифровой экономики и цифровизации правосудия, полагаем, признак допустимости доказательств приобретает кардинально новое качество, сочетающее в своем содержании элементы электронно-цифровой визуализации, надлежащего использования управомоченными законом субъектами доказывания правил формирования, исследования и оценки доказательств (в том числе- электронно-цифровых доказательств).

Особое значение в связи с этим приобретает доказательственная «цепочка»: доказательства как информация – правовая доказательственная технология- носитель доказательственной информации, следование которой позволит обеспечить допустимость доказательств с позиций допустимого источника и допустимого порядка формирования и использования доказательств управомоченными лицами в процессе доказывания обстоятельств юридических дел.

В предлагаемой доказательственной технологии находят свое отражение качественные признаки судебных доказательств (такие, как: объективность, системность, универсальность и другие), общие принципы построения универсального межотраслевого института судебных доказательств (а именно: законности, детерминизма, верификации высокотехнологичности и других) [5-7].

Авторы статьи полагают, что современной тенденцией выступает теоретическое обоснование указанных положений и их дальнейшая разработка позволят создать основания для создания учения об универсальной (унифицированной) системе судебных доказательств, возможности использования которой на различных стадиях всех видов судопроизводства для достижения целей и задач правосудия, обеспечения надлежащего участия его субъектов в доказывании юридических дел безграничны.

Применение универсальной системы унифицированных доказательств позволит обеспечить всем участникам судопроизводства равные возможности надлежащего участия по доказыванию обстоятельств юридических дел в различных видах российского судопроизводства.

Поэтому, в первую очередь следует разработать Стандарты доказательств в российском судопроизводстве; в том числе - стандарт электронно-цифровых доказательств и их носителей. Во-вторых, на основании положений данных Стандартов надлежит сформулировать Правила формирования и использования доказательств. В-третьих, указанные нормы подлежат закреплению в федеральном законе «О судебных доказательствах», в нормах которого необходимо предусмотреть раздел «Допустимость доказательств».

Эти мероприятия позволят сформировать единое для системы российского судопроизводства понимание, толкование и применении норм закона о судебных доказательствах и доказывании, максимально снизить ошибки правоприменителей, повысить оперативность и эффективность российского правосудия.

Список литературы

1. Громошина, Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: автореферат дисс. на соискание степени доктора юрид. наук / Н.А. Громошина. – Москва, 2010. – 50 с.
2. Гусева, И.И. Унифицированный/дифференцированный подход к структуре уголовного процесса Российской Федерации: автореферат дисс. на соискание степени канд. юрид. наук / И.И. Гусева. – Владимир, 2004. – 32 с.
3. Медведева, Е.В. Тенденции дифференциации и унификации в упрощенных производствах цивилистического процесса / Е.В. Медведева [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-differentsiatsii-i-unifikatsii-v-uproschyonnyh-proizvodstvah-tsivilisticheskogo-protsessa> (Дата обращения: 24.02.2022).
4. Рожкова, М.А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / М.А. Рожкова, М.Е. Глазкова, М.А. Савина. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2019. – 304 с.
5. Русаков, А. Г. Концепция унификации доказательств / А. Г. Русаков // Актуальные вопросы российского судопроизводства: доказывание с использованием современных технологий: материалы Всеросс. (национальной) научно-практич. конф. (Красноярск, 21 октября 2022 г.). – Красноярск: Изд-во Красноярского ГАУ, 2022. – С. 107-111.
6. Русаков. А.Г. К вопросу о теории унификации доказательств в контексте цифровизации судопроизводства /А.Г.Русаков [Электронный ресурс] // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48421658> (Дата обращения: 18.11.2024).
7. Русаков. А.Г. Унификация доказательств: обратной дороги не т/ А. Г. Русаков // Высокотехнологичное право: точка бифуркации: материалы VI междунар. научно-практич. конф. (Москва-Красноярск, 24 февраля 2024 г.). – в трех частях. -Москва: МИЭТ, 2024.Ч.2. – С.102-108.
8. Смирнова, Л.Е. Унификация в уголовном праве: автореферат дисс. на соискание степени канд. юрид. наук / Л.Е. Смирнова. – Казань, 2006. – 27 с.
10. Шарипова, А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: автореф. дисс. ... д. ю. н. / А.Р. Шарипова. – Нижний Новгород, 2022. – 62 с.

ВСТУПИВШИЙ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПРИГОВОР СУДА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ – ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ДОКАЗЫВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛУ

Дадаян Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: dadaelena.lena@mail.ru

Аннотация: Процесс доказывания отдельных фактических обстоятельств по гражданским и арбитражным делам может быть несколько упрощен, если имеется вступивший в законную силу приговор суда, указывающий на то, что оспариваемые в арбитражном или гражданском процессе действия (сделки) были совершены конкретным лицом, а также причина (мотив) совершения таких действий (сделок). Безусловно, в каждом конкретном случае установленным приговором суда обстоятельствам дается оценка не только лицами, участвующими в деле, но и судом. Отсюда, установленные приговором суда обстоятельства могут не доказываться той стороной, которая на них ссылается при условии, что они являются допустимыми, относимыми, и достаточными для установления наличия или отсутствия обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле.

Ключевые слова: приговор, земельный участок, финансовое состояние, банкротство, должник, доказывание, доказательства, признание сделки недействительной.

В силу части 4 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации одним из оснований, освобождающих от доказывания, является вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу, который обязателен для арбитражного суда по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом. Вместе с тем другие доказательства, полученные в уголовно-процессуальном порядке, могут быть использованы в арбитражном процессе для установления наличия или отсутствия обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, при условии их относимости и допустимости (часть 1 статьи 64, статьи 67 и 68 АПК РФ) [2].

Рассмотрим на примере конкретного арбитражного дела, в котором заявитель основывал свои требования, в том числе и на обстоятельствах, установленных приговором суда, вступившим в законную силу.

Так, конкурсный управляющий ООО «ЕС» (должник) просил суд признать недействительной сделку по отчуждению должником земельного участка, указывая, что земельный участок был отчужден контролирующим должника лицам в условиях наличия многомиллионной задолженности

должника перед кредиторами и в отсутствии доказательств поступления на расчетный счет должника денежных средств [3].

Конкурсный управляющий ходатайствовал перед судом о приобщении к материалам арбитражного дела приговора суда, вступившего в законную силу в отношении руководителя должника, являющегося одновременно учредителем должника.

Так, гражданин Г. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Как было установлено вступившим в законную силу приговором суда в отношении гражданина Г.С.А. (стр.46 Приговора) «При заключении сделки купли-продажи земельного участка площадью 499 552 кв.м. Г.С.А. осознавал, что у Общества имеется большая кредиторская задолженность и отрицательное финансовое состояние, однако понимал, что это наиболее ликвидное имущество, на которое будет наложено взыскание в случае предъявления в судебном порядке исковых требований, но действовал так поскольку планировал закончить строительство коттеджного поселка новой организацией, не обременённой задолженностью, с привлечением инвестора Б.А.И. и иных инвесторов. Осознает, что при совершении указанной сделки купли - продажи, совершил неправомерные действия при банкротстве, которыми в настоящее время кредиторам Общества причинен ущерб, в связи с остановкой деятельности предприятия и его банкротством».

Таким образом, сделки совершались в условиях наличия неисполненных обязательств должника перед добросовестными кредиторами, что свидетельствует о заблаговременном выводе ликвидных активов должника, в целях недопущения включения спорного имущества в конкурсную массу должника.

«В период совершения сделки у ООО «ЕС» имелась значительная кредиторская задолженность. Отчуждение Земельного участка площадью 499 522 кв.м, кадастровый номер: 24:11:0210304:871, по договору купли-продажи № 357 было осуществлено вопреки законным интересам Общества с целью извлечения выгод учредителей и в целях невозможности обращения взыскания ООО «ЕС». Данная сделка была экономически не целесообразна, повлекла выбытие основных средств общества, повлекла неисполнение обязательств ООО «ЕС» и причинение существенного вреда кредиторам» (стр.15 Приговора) [1].

Отметим, что в деле о признании сделки по отчуждению земельного участка конкурсный управляющий не стал делать акцент только на приговоре суда. Так, конкурсный управляющий приводил иные убедительные доказательства относительно того, что сделка по отчуждению земельного участка, совершена должником по существенно заниженной стоимости при наличии кредиторской задолженности в сумме 14 557 250,75 руб. на момент совершения сделки.

По данному делу были проведены три оценочных экспертизы рыночной стоимости земельного участка, согласно которым был сделан вывод, что рыночная стоимость отчужденного должником земельного участка ниже кадастровой стоимости более чем в пять раз. Заключение сделки привело к выводу из активов (оборота) юридического лица 59,89% основных средств, повлекло не возможность последнего осуществить строительство в коттеджном поселке «ЕС» и исполнить обязательство перед дольщиками, что привело к несостоятельности (банкротству) ООО «ЕС».

Таким образом, проанализировав материалы арбитражного дела, можно сделать вполне очевидный вывод, что конкурсный управляющий не просил суд освободить его от доказывания оснований признания совершенной сделки недействительной по банкротному законодательству. Но вместе с тем, те обстоятельства, которые были установлены приговором суда по уголовному делу, только усилили правовую позицию конкурсного управляющего и задали правильный вектор, способствующий установлению всех фактических обстоятельств дела, которые имели место быть на момент отчуждения должником земельных участков заинтересованным лицам.

Список литературы

1. Дело № А33-7330/2018// <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 07.11.2024).

2. Приговор Железнодорожного районного суда по уголовному делу № 1-9/2020 (№11701040048050228) от 19.08.2020// Из арбитражного дела № А33-7330/2018// <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 07.11.2024).

3. Определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2011 № 273-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Амрита» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений статей 39, 146, 167 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Информационно-поисковая система «Консультант плюс».

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ОСУЖДЕННЫХ ПРЕСТАРЕЛОГО ВОЗРАСТА

Заборовская Юлия Михайловна, соискатель
Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия
e-mail: dum333@bk.ru

Аннотация: Автором проанализированы нормы современного и советского уголовно-исполнительного законодательства, регулирующего вопросы и порядок освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы осужденных престарелого возраста. Сделан вывод о возможности использования данного опыта и закрепления его в Приказе Минюста России от 29.11.2023 № 350.

Ключевые слова: исправительные учреждения, освобождение от отбывания наказания, престарелые осужденные, осужденные пенсионеры, воспитательная работа.

Рассмотрение особенностей освобождения от отбывания наказания различных категорий осужденных является весьма актуальным направлением в современном пенитенциарном и уголовном праве. Достижение престарелого возраста (70 лет и старше) не является основанием ни для освобождения от отбывания лишения свободы, ни для замены наказания более мягким видом наказания. Общие основания освобождения перечислены в ст. 172 УИК РФ (отбытие срока наказания, отмена приговора суда, условно-досрочное освобождение, замена наказания более мягким, помилование, амнистия, тяжелая болезнь или инвалидность), однако данный перечень является открытым [5].

При освобождении в связи с отбытием срока наказания пожилому осужденному выдаются его документы, например паспорт [3]. Трудовая книжка заполняется, если лицо было трудоустроено в исправительном учреждении. Она играет большую роль в подтверждении трудового стажа для назначения пенсии по старости. Если пожилому осужденному была назначена пенсия по старости в период отбывания наказания, то ему также выдается пенсионное удостоверение.

Административный надзор за пожилыми осужденными также не устанавливается, однако у некоторых из них может отсутствовать жилье и отсутствовать родные и близкие члены семьи, которые могут о них позаботиться. В связи с этим велик риск бродяжничества и совершения повторного преступления. При отсутствии родственников пожилые осужденные вправе написать ходатайство о помещении их в дома-интернаты для пенсионеров. Согласно проведенному нами опросу более половины

осужденных хотят вернуться домой, увидеть родителей и детей. Они рассчитывают на поддержку родственников, оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве после освобождения. Более 80% опрошенных пожилых осужденных собираются вернуться на прежнее место жительства, лишь 14% указали, что планируют жить после освобождения в доме-интернате для пенсионеров.

Большинство пожилых осужденных к труду относятся добросовестно, получают профессию в исправительном учреждении. Необходимо выделить и тех, кто получает пенсию по старости, и не привлекается администрацией исправительного учреждения к обязательному труду.

Более половины пожилых осужденных совершили преступление в состоянии алкогольного или наркотического опьянения в жилом помещении, чаще всего дома. В действующем законодательстве как на региональном, так и на федеральном уровне необходимо предусмотреть принятие программ, направленных на профилактику противоправного поведения среди лиц, освободившихся из исправительных учреждений.

Исправление осужденных и их возвращение в общество в статусе полезного члена общества является большой государственной задачей. Подготовка к освобождению в связи с отбытием срока наказания проходит по двум направлениям: 1) подготовка необходимых документов; 2) подготовка самого осужденного к освобождению. В качестве отдельного направления П.Е. Подымов указывает на необходимость проведения мероприятий, направленных на временное обеспечение работой освобождаемого (временное трудоустройство) [4, с. 14]. Обеспечение работой и жильем – это те условия, которые напрямую влияют на снижение риска совершить повторное преступление. Так, например, ст. 61 Положения об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах устанавливала, что лица, освобождаемые из колоний и тюрем должны быть обеспечены работой с учетом имеющихся у них специальностей исполнительными комитетами местных Советов депутатов трудящихся не позднее 2-недельного срока со дня обращения их за содействием в трудоустройстве [2]. Еще одной из особенностей была возможность передачи под опеку или попечительство освобождаемых нетрудоспособных инвалидов и лиц престарелого возраста [2]. Придавая большое значение трудоустройству освобожденных как завершающему этапу в комплексе воспитательных мероприятий на региональные и местные органы власти СССР была возложена обязанность в трудоустройстве таких лиц. Для оказания материальной помощи в исправительно-трудовых колониях был создан фонд помощи освобожденным, образуемый из отчислений 1% от фонда заработка, начисляемого заключенным. Каждый освобождаемый вправе был обратиться с заявлением об оказании ему материальной помощи. Начальник исправительно-трудового учреждения на основании беседы с освобождаемым принимал решение об оказании материальной помощи в случае недостатка средств на путь следования и на период трудоустройства (2 недели) с учетом имеющихся личных сбережений в размере до 25 рублей. Накопленный

советский опыт в организации освобождения от отбывания наказания достаточно интересен и не утратил своей актуальности. В основе этого опыта как указывал П.Е. Подымов «лежит вера в человека, желание помочь бывшим правонарушителям найти правильную дорогу в жизни» [4, с. 23].

Одной из особенностей освобождения лиц престарелого возраста было направление начальником исправительного учреждения ходатайства за 3 месяца до освобождения в адрес исполкома местных Советов трудящихся об обеспечении помещением нуждающихся в дома престарелых и инвалидов с целью своевременного освобождения заключенного [4, с. 24].

Еще одной из особенностей было то, что в колонию приходило подтверждение о трудоустройстве осужденного. Советские органы милиции оказывали освобожденным активную помощь в трудовом и бытовом устройстве, в прописке. Все освободившиеся сужденные подлежали регистрации в отделе милиции, участковые милиционеры осуществляли за ними наблюдение, напоминали о необходимости быстрее устройства на работу., проводили беседы с теми, кто медлил с устройством на работу. Имея активную связь со всеми предприятиями городской отдел милиции оказывал активную помощь освободившимся в трудоустройстве, почти все осужденные находили работу (99%) [4, с. 25].

В отношении неоднократно судимых лиц вполне целесообразным является трудоустройство на производственный сектор исправительного учреждения или на предприятия, расположенные в районе колонии. Работники исправительных учреждений могли посещать таких лиц дома или на производстве и интересоваться их жизнью. В свою очередь осужденному предоставлялась возможность выступить перед заключенными, рассказать о том, как он трудится, обзавелся семьей. Действительно, воспитательная работа после освобождения не должна быть построена от случая к случаю. Участие общественности играет большую роль в профилактике рецидива [6, с. 237].

В рамках условно-досрочного освобождения (ст. 53 УК РСФСР 1960 года) суд передавал освобождающееся лицо под наблюдение трудовому коллективу в течение неотбытой части назначенного судом срока наказания с целью проведения с ним воспитательной работы.

Изложенное позволяет сделать вывод, что после освобождения от отбывания наказания воспитательная работа с такими лицами носила обязательный характер и была возложена или на начальника отряда (в течение двух недель с целью получения документов, подтверждающих трудоустройство) или на органы милиции (с целью оказания помощи в трудовом и бытовом устройстве) или на коллектив трудящихся (с целью оказания положительного примера) или на органы опеки и дома престарелых или на производства, которые брали шефство над исправительными учреждениями.

Таким образом, процесс освобождения в советский период включал в себя несколько этапов: 1) подготовка документов. 2) проезд к месту жительства освободившегося лица, 3) бытовое и трудовое обустройство освободившегося

лица, 4) воспитательная работа начальника отряда или трудового коллектива и контроль милиции и начальника отряда после освобождения.

В настоящее время Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 [3] содержит иной порядок подготовки к освобождению от отбывания наказания в виде лишения свободы, который направлен на адаптацию престарелого осужденного после освобождения и заключается в проведении занятий по подготовке к освобождению осужденных к лишению свободы, а также составлении индивидуальной программы, возможности помещения престарелого осужденного по его просьбе в стационарную организацию социального обслуживания. Отличительной особенностью является составление индивидуальной программы, если в отношении лица будет установлена необходимость применения постпенитенциарной пробаии. Однако накопленный в советский период опыт освобождения из исправительных учреждений может быть использован и в настоящее время путем внесения соответствующих изменений в отечественное пенитенциарное законодательство.

Список литературы

1. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения 04.11.2024).

2. Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД РСФСР, утверждённое Указом Президиума Верховного Совета РСФСР №154/3 от 9 сентября 1961 года– Текст: электронный // URL:https://e-ecolog.ru/docs/79a2iti2Gk-tExk1At0_H?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

3. Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробаии в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробаии в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463279/ (дата обращения 04.11.2024).

4. Подымов, П.Е. Освобождение лишенных свободы и их трудовое устройство / П.Е. Подымов. – М.: Типография ИМ. Воровского, 1963. – 32 с.

5. Тепляшин П.В. Освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с их участием в специальной военной операции: правовые возможности и законотворческие перспективы / П.В. Тепляшин, С.А. Ступина // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2022. – № 4 (26). – С. 152-159.

6. Ткачевский, Ю.М. Освобождение от отбывания наказания / Ю.М. Ткачевский. – М.: Юридическая литература, 1970. – 240 с.

КОМПЕТЕНЦИИ СОВЕЩАТЕЛЬНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Игнатенко Владимир Александрович, преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: ignatenko.well@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются компетенции системы совещательно-консультативных органов, функционирующих при Федеральной службе исполнения наказаний. Исследование основано на анализе исторических и современных нормативных актов, регламентирующих деятельность совещательно-консультативных органов при пенитенциарных учреждениях государства. Автор делает вывод, что данная общественная структура является не только эффективным инструментом контроля общества за государством, но и способствует совершенствованию институтов гражданского общества, необходимых для построения правового государства.

Ключевые слова: государство, общество, власть, общественный контроль, компетенции, пенитенциарные учреждения, Общественная палата РФ, общественные советы, совещательно-консультативные органы.

Любое общество по мере своего развития создает внутри себя социальный институт организации политической власти, именуемый «государством», который способен урегулировать возникающие в обществе противоречия путем применения мер убеждения и принуждения к конкретным членам общества. [1, с. 38-113]

При этом государство обладает исключительной «монополией на применение силы в обществе» [3, с. 32], в том числе, посредством системы пенитенциарных учреждений, необходимых как для изоляции отдельных членов общества, обвиняемых в совершении уголовно наказуемых деяний, так и для осужденных к наказаниям, связанным с лишением свободы на определенный срок или к пожизненному лишению свободы.

Термин «пенитенциарий» имеет латинское происхождение. Его этимологией является понятие *poenitentiarius*, означающий «покаянный, исправительный», что, в контексте юриспруденции, относится к тюрьмам, либо к исправительным учреждениям «тюремного типа» [5, с. 579].

В Российской Федерации государственная пенитенциарная система, включающая в себя все следственные изоляторы и исправительных учреждений, находится в ведомственном подчинении Федеральной службы исполнения наказания.

В свою очередь, *Федеральная служба исполнения наказаний* (ФСИН России) является «федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим... функции по контролю и надзору в сфере исполнения

уголовных наказаний в отношении сужденных, функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, подсудимых, находящихся под стражей» и др. [13]

Однако, деятельность любого государственного органа, и, приоритетно, органа, наделенного функциями по применению насилия, невозможно без сформированного механизма системы контроля общества за его деятельностью и деятельностью его должностных лиц.

Данной проблеме посвящено значительное количество научных трудов исследователей, поднимающих проблемы по взаимодействию органов государственной пенитенциарной системы и общественных институтов. К ним можно отнести таких исследователей как В.В. Гриб [2], Н.В. Ольховник [11], П.В. Тепляшин, И.В. Тепляшин [15], М.В. Щербина [16] и др.

Предметом данного исследования является рассмотрение компетенций совещательно-консультативных органов, по осуществлению общественного контроля пенитенциарной системы государства.

Прежде всего, следует отметить, что под «компетенцией» понимается «круг полномочий, прав какого-либо учреждения, государственного органа или должностного лица» [5, с. 379].

История контроля общества за пенитенциарной системой государства берет свое начало с 1802 г., в связи с созданием императором Александром I *Человеколюбивого общества*, члены которого с 1816 г., могли посещать и опекать заключенных в тюрьмах.

Однако, в дальнейшем, функции Человеколюбивого общества были ограничены следующими компетенциями: «а) воспитание и обучение сирот и бедных детей; б) призрение дряхлых и вообще не способных к труду; в) временная помощь нуждающимся пищей, одеждою, даровым или дешевым помещением; г) медицинская помощь».

С 1819 г. контрольные функции общества за пенитенциарной системой переходят к *Обществу попечительному о тюрьмах*, просуществовавшему в Российской империи вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

Общество попечительное о тюрьмах включало в себя «комитеты мужские и дамские в столицах и губернских городах и отделения комитетов в уездных городах» [12, столбцы 1934, 2866-2867].

Кроме этого, Законом Российской империи от 30 мая 1884 г., предусматривалось создание *наблюдательных комиссий мест лишения свободы*, занимающих «промежуточное место между администрацией тюрьмы и благотворительными организациями», а с 1885 г. – «о создании при тюрьмах *наблюдательно-попечительских комиссий (комитетов) для осуществления контроля*» общества за содержанием осужденных [4].

Так, наблюдательные комиссии являлись активными субъектами общественного контроля пенитенциарной системы и элементом системы совещательно-консультативных органов XIX века.

Члены наблюдательных комиссий, имели право беспрепятственно посещать поднадзорное исправительное учреждение без специального

разрешения в любое время суток, ... следили за улучшением санитарно-бытовых условий и культурного обслуживания осужденных, за своевременным и объективным рассмотрением администрацией исправительного учреждения жалоб осужденных», рассмотрение вопросов «применения к осужденным условно-досрочного освобождения» [6, с. 105].

На настоящем историческом этапе развития российского общества при Федеральных органах исполнения наказаний активно функционирует целостная система совещательно-консультативных органов, одновременно являющихся общественным институтом и субъектом общественного контроля в рамках существующего правового поля.

Так, наиболее эффективным институтом общественного контроля за уголовно-исправительной системой Российской Федерации является система *общественных советов*.

Правовым основанием для создания общественных советов явилось положение статьи 20 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации», регламентирующее как «участие членов Общественной палаты в формировании общественных советов при федеральных органах исполнительной власти», так и участие в их работе [7].

Правовой статус общественных советов при структурах Федеральной службы исполнения наказаний установлен Правительством Российской Федерации [9].

Более детально правовое положение и компетенции общественных советов при федеральных органах исполнительной власти регламентируется Стандартом их деятельности (Типовым положением).

Согласно указанному документу, общественные советы призваны обеспечивать «учет потребностей и интересов граждан Российской Федерации и прав общественных объединений... в сфере деятельности федерального органа исполнительной власти», а также осуществлять контроль общества «за деятельностью соответствующего федерального органа исполнительной власти» (пункт 1.2).

Помимо этого, Типовое положение определяет, что «общественные советы являются постоянно действующими совещательно-консультативными органами общественного контроля» (пункт 1.3).

В компетенции общественных советов входят следующие правомочия:

- производить рассмотрение проектов «общественно значимых нормативных правовых актов и иных документов» (пункт 2.2.1);
- производить мониторинг «качества оказания государственных услуг» (пункт 2.2.2);
- производить антикоррупционную работу, оценивать «эффективность государственных закупок» и кадровой работы (пункт 2.2.3);
- «принимать участие в работе аттестационных и конкурсных комиссий по замещению должностей» (пункт 2.2.4);

- производить рассмотрение ежегодных планов «деятельности федерального органа исполнительной власти» и публичных отчетов «по их исполнению» (пункт 2.3.1);
- принимать участие «в подготовке докладов о результатах контрольной деятельности» (пункт 2.3.2);
- принимать участие «в публичном обсуждении концепции открытости федерального органа исполнительной власти» (пункт 2.3.3);
- «проводить слушания по приоритетным направлениям деятельности федерального органа исполнительной власти» (пункт 2.3.4) и др. [14]

Первый Общественный совет при ФСИН России был создан в 2007 г. [10]

Новый этап в области общественного контроля начался в 2008 г., толчком для него послужил Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [8].

В настоящее время правовая политика российского государства по развитию законодательства в сфере пенитенциарной системы и совершенствования институтов общественного контроля, продолжается.

При этом следует отметить, что начатая более чем за 200 лет назад деятельность совещательно-консультативных органов по контролю общества за пенитенциарной системой государства, еще проходит период своего становления и совершенствования.

Кроме этого, важно констатировать, что данная деятельность системы совещательно-консультативных органов является не только эффективным инструментом контроля общества за государством, но и способствуют совершенствованию институтов гражданского общества, необходимых для построения правового государства.

Список литературы

1. Алексеев, С.С. Теория государства и права: Учебник для вузов / Алексеев, С.С., Архипов, С.И., Игнатенко, Г.В. / под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. – М.: Изд-во НОРМА, 2000. – 616 с.
2. Гриб, В.В. Историко-правовые этапы развития общественного контроля в дореволюционной России и СССР / В.В. Гриб // История государства и права. – 2015. – № 20. – С. 3-10.
3. Иванов, А.А. Теория государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.А. Иванов; под ред. В.П. Малахова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 351 с.
4. Кораблин, К.К. Тюремная реформа в России и международное пенитенциарное сотрудничество (вторая половина XIX в. – начало XX в.) / К.К. Кораблин // Актуальные проблемы современного права: Сборник науч. трудов. – Хабаровск: изд. Тихоокеанский государственный университет, 2016. – С. 307-320.
5. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2009. – 944 с.

6. Матвеев, А.П. Теоретические и организационно-правовые аспекты взаимодействия уголовно-исполнительной системы с общественными объединениями: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. Рязань, 2005. – 221 с.

7. Об Общественной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 25. – Ст. 4442.

8. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ // Российская газета. 2008. – 10 июня.

9. О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам, а также федеральных службах и федеральных агентствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.2005 № 481 (ред. от 25.06.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 26. – Ст. 3458.

10. О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказания по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы: Приказ ФСИН России от 26.01.2007 № 32 // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2007. – № 9. – С. 32-36.

11. Ольховник, Н.В. Взаимодействие общественных советов с помощниками начальников территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний по защите прав человека / Н.В. Ольховник // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 405. – С. 173-177.

12. Павленков, Ф. Энциклопедический словарь / Ф. Павленков. – 5-е изд. – С.-Петербург. Изд. дела «Трудь», 1913. – 3104 столбца.

13. Положение о Федеральной службе исполнения наказаний: Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314 (ред. от 05.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 2. – Ст. 399.

14. Стандарт деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (Типовое положение): решение совета Общественной палаты Российской Федерации от 05.07.2018 № 55-С (ред. от 16.06.2023) // Общественная палата Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL:<http://www.oprf.ru> (дата обращения: 18.10.2024).

15. Тепляшин, П.В. Основы и перспективы общественного контроля в пенитенциарной системе современной России / П.В. Тепляшин, И.В. Тепляшин // Социология, философия права в системе противодействия преступности: материалы Всероссийской научно практической конференции (г. Красноярск, 22 ноября 2018 г.). – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – С. 200-203.

16. Щербина, М.В. Общественные советы при органах исполнительной власти: социальная экспертиза и контроль / М.В. Щербина // Власть. – 2015. – № 3. – С. 129-133.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СРОКОВ ДАВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Кондрашин Павел Викторович, кандидат юридических наук
АНО ВО СИБУП, г. Красноярск, Россия
e-mail: pkondrashin78@mail.ru

Аннотация: Истечение установленного ст. 78 УК РФ срока давности привлечения к уголовной ответственности влечет принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В теории и практике возникают проблемы по применению указанных положений уголовного и уголовно-процессуального законов, в частности необходимо ли получение согласия лица, в отношении которого проводится доследственная проверка, на принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела по данному основанию. В данной статье предложим решение указанных вопросов.

Ключевые слова: доследственная проверка, отказ в возбуждении уголовного дела, стадия возбуждения уголовного дела, уголовное преследование, привлечение к уголовной ответственности, сроки давности.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства состоит, в том числе и в защите личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод.

Хотелось бы остановиться на реализации прав лиц при применении сроков давности уголовного преследования, в частности на стадии возбуждения уголовного дела.

Так, согласно п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по различным основаниям, в том числе в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

В соответствии с ч. 2 ст. 27 УПК РФ прекращение уголовного преследования по основаниям, в том числе указанным в пункте 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.

Применение указанных норм вызывает различные точки зрения, а также различную судебную практику.

По одному из мнений, если трактовать буквально, ст. 27 УПК РФ подлежит применению только при возникновении оснований прекращения уголовного преследования после возбуждения дела. Решение о возбуждении уголовного дела, принятое по истечении срока давности уголовного преследования, должно быть отменено как противоречащее закону со всеми

вытекающими из этого последствиями. Это решение при таких условиях следует расценивать как искусственно созданное условие для получения согласия подозреваемого (обвиняемого) на прекращение преследования по нереабилитирующим основаниям [1].

Так, постановлением Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 05 декабря 2019 года отказано в удовлетворении жалобы Х.А.В. в порядке ст. 125 УПК РФ на незаконность возбуждения трех уголовных дел о преступлениях, срок давности привлечения к уголовной ответственности по которым истек еще до принятия решения о возбуждении уголовных дел. Апелляционным постановлением Верховного суда Республики Башкортостан от 29 января 2020 года это постановление суда оставлено без изменения. Однако, определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2021 года оба судебных постановления были отменены с указанием на то, что суды первой и апелляционной инстанций, рассматривая жалобу Х.А.В., исходили из положений ч. 2 ст. 27 УПК РФ, обязывающей получить согласие на прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности от подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, то есть лица, в отношении которого уголовное дело уже возбуждено, в рассматриваемом же случае нет ни обвиняемого, ни подозреваемого [2].

Рассматривая проблему применения сроков давности уголовного преследования, необходимо вникнуть в вопрос о самом уголовном преследовании.

Хотелось бы отметить, что его целью является изобличение лица в совершении преступления. Об этом говорится в п. 55 ст. 5 УПК РФ. Увеличение в настоящее время перечня следственных и иных процессуальных действий, проводимых при доследственной проверке согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ и затрагивающих права лиц, допуск к участию защитника с момента начала осуществления этих действий, свидетельствует о том, что уголовное преследование проверяемого лица начинается уже с этого момента еще на стадии возбуждения уголовного дела [3].

Конституционный Суд РФ также предлагает расширительно толковать понятие «уголовное преследование», при этом он не ограничивается формально-документально оформленным статусом лица как участника уголовного судопроизводства, а руководствуется основными характеристиками, присущими его положению [4].

При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него [5].

Таким образом, уголовное преследование возможно и при проверке сообщения о преступлении. Отказ же в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков уголовного преследования можно расценивать как прекращение преследования лица, в отношении которого проводилась эта проверка.

Конституционный Суд РФ также указал, что «прекращение дела за истечением сроков давности возможно лишь в том случае, если будут обеспечены гарантируемые Конституцией Российской Федерации права участников уголовного судопроизводства, что предполагает, в частности, необходимость получения согласия подозреваемого (обвиняемого) на прекращение уголовного дела. Эти требования в полной мере распространяются и на стадию доследственной проверки при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела» [6].

При этом в случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении лица за истечением срока давности его уголовного преследования необходимо получение его согласия на вынесение такого решения, как и при прекращении уголовного дела по этим же основаниям в отношении лица, которые имеют статус подозреваемого и обвиняемого. Ведь в случае согласия с этим основанием, которое является нереабилитирующим, данное лицо сознательно допускает в отношении себя возможные связанные с таким решением негативные последствия [7]. Ведь согласно п. 40 Приказа «О едином учете преступлений» учету подлежат все лица, в отношении которых вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям [8]. В связи с этим решение об отказе в возбуждении уголовного дела будет иметь неблагоприятные правовые последствия для лица, в отношении которого оно принято.

Помимо этого, нельзя оставить без внимания и тот факт, что лицо при согласии на отказ в возбуждении уголовного дела по такому основанию, несмотря на возможные последствия, ожидает, что в дальнейшем не будет привлечено в уголовный процесс с какими-либо ограничениями в правах и свободах.

Также продолжение уголовного преследования, в том числе по возбужденному уголовному делу, в связи с возражением лица на отказ в возбуждении дела после истечения срока давности предполагает «устранение сомнений в его виновности, защиту его прав, выяснение обстоятельств исходя из доводов против подозрения или обвинения, разрешение ходатайств, в том числе о назначении экспертиз, о следственных действиях, на проведении которых настаивает сторона защиты. Иное приводило бы к тому, что доводы данного лица остались бы без внимания, а его права – без защиты» [9].

С учетом этих положений складывается и судебная практика.

Так, доводы жалобы о том то, что при возбуждении уголовных дел не были должным образом учтены положения ст. 78 УК РФ о сроках давности уголовного преследования и требования ст. 24 УПК РФ, регламентирующие основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела, судом первой инстанции были отвергнуты как несостоятельные. Наличие такой гарантии прав личности, как получение от заинтересованного лица согласия на отказ в возбуждении против него уголовного дела за истечением срока давности уголовного преследования, с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ является обязательным. В ходе доследственной

проверки орган предварительного расследования разъяснял М. последствия отказа в возбуждении уголовного дела за истечением срока давности. М. возражал против вынесения в отношении него постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности. При таких обстоятельствах, судом первой инстанции сделан правильный вывод, что у органов предварительного расследования не было законных оснований для вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности [10].

С учетом изложенного, можно сделать вывод, что при решении вопроса в рамках ст. 145 УПК РФ необходимо разъяснять лицу, в отношении которого имеется подозрение в совершении преступления и ведутся проверочные мероприятия, последствия вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Отсутствие согласия на принятие такого решения должно расцениваться как основание для возбуждения уголовного дела, что как отмечалось выше способствует защите и реализации прав указанных лиц.

Список литературы

1. Лазарева В.А. Уголовно-процессуальные последствия истечения срока давности уголовного преследования / В.А. Лазарева // Мировой судья. – 2022. – № 3. – С. 14-21.

2. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2021 года № 77-2263/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Овсянников И.В. Возобновление уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела // Современное право. 2024. № 5. С. 90-92.

4. Жамкова О.Е. Обеспечение прав лиц при отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования / О.Е. Жамкова, Н.В. Григорьева // Современное право. – 2024. – № 3. – С. 124-127.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Конституционного Суда РФ от 05 июня 2014 года № 1309-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Майоровой Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью четвертой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 2022 года № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского»; Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2022 года № 2665-О «Об отказе в

принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кашликова Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 24, 27, 51 и 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 года «О едином учете преступлений» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2023 года № 1774-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Петренко Марины Александровны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Апелляционное постановление Курского областного суда от 22 июня 2022 года по делу № 22к-877/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.1

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ НАДЛЕЖАЩЕГО УЧАСТИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Курбатова Светлана Михайловна, доктор юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет
e-mail: ksm-2024@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен ряд аспектов, связанных с неурегулированностью участия в российском уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями. Отмечена необходимость совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства с учетом норм международного права и современного понимания сущности социального правового государства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, участники уголовного судопроизводства, лица с ограниченными возможностями, компенсаторный подход, компенсаторный механизм.

Провозглашение во второй статье Конституции Российской Федерации [1] каждого человека, его прав и свобод высшей ценностью в российском обществе и государстве является основой для формирования и развития всей правовой системы, в том числе уголовного судопроизводства.

Гуманистические идеи, заложенные законодателем в содержание Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в общем и целом, находят свое отражение в принципах и назначении уголовного

судопроизводства, основаниях избрания и применения мер уголовно-процессуального принуждения, требованиях к производству следственных и иных процессуальных действий, и в самом порядке уголовного судопроизводства, который направлен на обеспечение справедливого и гуманного правосудия.

Однако следует принимать во внимание, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [2] был разработан почти 25 лет назад, и объективно не может системно учитывать современные представления о человеке, основанные на концепции социального правового государства и отраженные в нормах международного права, когда человек, как участник правоотношений, рассматривается не только как носитель прав и обязанностей, но и как представитель определенных групп населения, в том числе – социально уязвимых, что оказывает влияние на возможность участия в правоотношениях..

Применительно к уголовному судопроизводству это обуславливает постановку вопроса о том, насколько его участники из числа физических лиц обладают равными личностными способностями для возможности самостоятельно в полной мере осуществлять принадлежащие им процессуальные права и обязанности, если у них имеются обстоятельства социально значимого характера: болезнь, возраст, неграмотность, невладение языком, на котором ведется производство, и так далее.

Так, согласно официальным данным [3], в настоящее время в России проживает около 146 млн чел. Из них порядка 32 млн чел. – это лица от 60 лет и старше; 31 млн чел. – несовершеннолетние (в т. ч. в возрасте до 7 лет – 14 млн чел.); инвалидность имеют 11 млн чел.; страдают психическими расстройствами и нуждаются в медицинской помощи более 5 млн чел. (по неофициальным данным – гораздо больше); уровень образования 9 классов имеется у 13 млн чел., 5 классов – у 11 млн чел., не имеют образования – 1 млн чел., неграмотных – 0,3 млн чел.; иностранцев, проживающих в России, насчитывается свыше 16 млн чел. И так далее.

В среднем, исходя из статистики последних пяти лет, в России ежегодно регистрируется около 2 млн преступлений, 610 тыс. чел. осуждаются за преступления, примерно в 8 тыс. случаев судьями принимаются решения о назначении принудительных мер медицинского характера, более 10 млн чел. участвуют в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевших и свидетелей.

Тем самым следует говорить не о вероятности, а о вполне реальной закономерности фактов вовлечения в уголовное судопроизводство лиц, у которых имеются личностные особенности, влияющие на их возможность участия в качестве обвиняемых, потерпевших и свидетелей.

И если несовершеннолетние и душевнобольные (невменяемые) уже не один век выделяются и рассматриваются как особые участники российского уголовного судопроизводства, нуждающиеся в повышенном внимании к ним со стороны государства, и в предоставлении им различных дополнительных правовых гарантий, то до сих пор отечественной уголовно-процессуальной наукой не выработана, а в уголовно-процессуальном законе не отражена концепция,

учитывающая особенности процессуального участия социально уязвимых групп населения в целом.

При том, что на международном уровне принят и действует целый ряд международных актов как универсального, так и регионального уровней, в которых отражена так называемая концепция уязвимости, положенная в основу выделения категории «лица с ограниченными возможностями»

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации данные лица не выделены в отдельную группу участников уголовного судопроизводства, не определен их процессуальный статус, законодательно не предусмотрены особенности производства следственных и иных процессуальных действий с их участием и так далее.

Все это создает повышенные риски нарушения процессуальных прав таких участников уголовного судопроизводства и не соответствует положениям современного международного права.

Решение поднимаемой проблемы видится в системе комплекса мер теоретического, законодательного и правоприменительного характера, в числе которых:

1) разработка подхода, направленного на обеспечение надлежащего участия в уголовном судопроизводстве таких лиц; подхода, направленного на «выравнивание» их процессуального положения в уголовном судопроизводстве по отношению к другим его участникам (*компенсаторный подход*);

2) реализация его в механизме, направленном на обеспечение надлежащего участия лиц с ограниченными возможностями (*компенсаторный механизм*) [4];

3) развитие в отдельных направлениях уголовной политики государства [5];

4) применение во всех видах судопроизводства и в иных юридических процедурах (*концепция компенсаторности*).

Это будет способствовать развитию как самого процессуального института участников уголовного судопроизводства, так и в целом уголовного судопроизводства в целях реального достижения его назначения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // СПС Консультант Плюс.

3. Росстат: Официальный сайт [Электронный ресурс] <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 18.09.2024).

4. Курбатова, С. М. Участие в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Курбатова Светлана Михайловна. М., 2024. – 548 с.

5. Бертовский, Л. В. Защита прав и законных интересов участников судопроизводства как элемент уголовной политики государства / Л. В. Бертовский // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2020. – № 4(6). – С. 81-84.

УДК 343.14

НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ И ОБВИНЕНИЯ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВОЗМОЖНЫХ ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ

Майко Дарья Петровна, адвокат, аспирант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: Elenakrs@bk.ru

Научный руководитель: **Бертовский Лев Владимирович**

доктор юридических наук, профессор

Национальный исследовательский университет «Московский институт
электронной техники», Москва, Россия

email: bgl1980@yandex.ru

Аннотация: В Российской Федерации последние десятилетия особенно остро стоит проблема неравенства стороны защиты и обвинения. Нельзя говорить о равных возможностях адвоката и органов предварительного расследования в части собирания доказательств. В целях обеспечения прав подозреваемых (обвиняемых), считаем необходимым внесение изменений в отечественный уголовный процесс, а именно расширить полномочия защитника.

Ключевые слова: неравенство стороны защиты и обвинения, предложения по расширению прав адвоката.

Досудебная стадия включает возбуждение уголовного, предварительное расследование (следствие, дознание). Целью предварительного расследования выступает выяснение обстоятельств, изложенных в статье 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1].

Положения частей 1, 3 статьи 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержат информацию о том, что судопроизводство должно осуществляться на основе состязательности и равенства сторон. Несмотря на законодательное закрепление данных условий, на наш взгляд, вышеуказанные принципы не реализуются в полной мере на практике.

Согласно статистике Управления судебного департамента Красноярского края процент оправдательных приговоров составляет менее 0.4%, что явно свидетельствует о наличии обвинительного уклона в Российской Федерации [2]. Одной из причин обвинительного уклона (который не меняется в течении

многих десятилетий), кажется, выступает неравенство сторон в отечественном уголовном процессе.

За последние несколько лет нами множество раз исследовались вопросы доказательственного значения информации, которую представляет сторона защиты (в том числе, протоколы опросов физических лиц, ответы на адвокатские запросы и т.д.) и был обоснован вывод о том, что судебные органы склонны в большей степени верить сведениям, собранным обвинением в ходе предварительного расследования [3].

Решение проблемы, нами видится во внесении изменений в отечественное уголовно-процессуальное законодательство в части расширения полномочий адвоката по собиранию доказательств:

- наделение адвоката правом по проведению ряда следственных действий, в том числе по проведению допросов, перед проведением которого лицо будет предупреждаться об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. На наш взгляд, доказательственное значение опроса существенно меньше чем у допроса. Кроме того, в настоящее время опрос может проводиться только по добровольному согласию лица, и в случае нежелания отвечать на поставленные вопросы, защитник не вправе его принудить к даче показаний (исходя из вышеуказанных положений нельзя говорить о реальном осуществлении принципа равенства сторон);

- наделение защитника полномочием по проведению адвокатского эксперимента (по аналогии со следственным экспериментом, который проводит сторона обвинения). Целесообразным будет наделить адвоката данным правом при условии обязательного участия лица, обладающего специальными познаниями в данной сфере (специалиста, эксперта);

В целом, на наш взгляд, реализация положений отечественного уголовного процесса не соответствует его декларированным статьям, что приводит к невозможности оказания квалифицированной юридической помощи, и как следствие, нарушение конституционного права на защиту [4].

Считаем необходимым реформирование уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части расширения прав адвокатов в целях реализации принципа состязательности и равенства сторон.

Список литературы

1. Итоги работы районных, городских судов Красноярского края за 12 мес. 2023 г. URL: <https://usd.krk.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=147> (дата обращения: 24.09.2024)

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 22.09.2024).

3. Майко, Д. П. Обеспечение защитником прав личности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / Д. П. Майко // Теоретические основы

правовой политики в современной России. Участие общественности : Материалы II Национальной (всероссийской) научно-практической конференции, Красноярск, 27 октября 2023 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2024. – С. 217-220.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.)– Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 22.09.2024).

УДК 343.1

МОДЕЛИ УСТРОЙСТВА ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И МЕСТО ПРОКУРОРА В НИХ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Мартынюк Михаил Викторович, адвокат

Межрегиональная коллегия адвокатов «Генеральная правовая группа»

Красноярск, Россия

e-mail: mmv1988@inbox.ru

Научный руководитель: **Бертовский Лев Владимирович**

доктор юридических наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия

Аннотация: В статье автор исследует существующие в мире модели досудебного уголовного процесса, роль и место прокурора в данных моделях, соотносит данные модели с досудебным уголовным процессом, существующим на сегодняшний день в России. Автор со ссылкой на международный исторический опыт доказывает недостаточность полномочий у российского прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса, указывает на необходимость проведения законодательных реформ с учетом имеющегося международного опыта и заимствования российской модели.

Ключевые слова: прокурор, дознаватель, судебный следователь, модель досудебного уголовного процесса, уголовный процесс, доказывание.

Изучение истории развития российского уголовного процесса и роли прокурора в нем показывает, что место прокурора в процессе и его статус во многом зависят от избранной законодателем модели устройства уголовного судопроизводства.

Размышляя о развитии уголовно-процессуального права Ю.А. Цветков приходит к выводу о том, что уголовный процесс прodelывает колебательные движения в закрытом пространстве, где пространство определяется двумя

составляющими: эффективностью познания и защитой прав личности, вовлеченной в уголовный процесс. Чем выше поднимается эффективность познания, тем больше снижается защита прав личности, и наоборот [1].

На сегодняшний день науке известно три основные модели: германская, французская и американская (английская). Некоторые авторы именуют данные модели как основные морфологические архетипы или формы процесса [2].

А.Л. Оболкина и ряд иных авторов предлагают другую классификацию данных моделей, а именно: англосаксонскую или англо-американскую, и континентальную или романо-германскую [3].

Данные модели в разном свете представляют роль прокурора в досудебном уголовном процессе, как и различен в них объем полномочий прокурора и делегированные ему законодателем функции.

Французская модель уголовного судопроизводства предусматривала две самостоятельные и отличные друг от друга формы досудебного разбирательства: дознание и предварительное судебное следствие.

Дознание во Франции представляло собой автономную стадию уголовного судопроизводства. Судебное следствие же представляло собой полноценную процедуру досудебного разбирательства. Примечательно, что следственный судья не обладает полномочием по собственной инициативе возбудить производство предварительного следствия без полученного на то требования прокурора. И, рассматривая вопрос о том, выносить ли требование о возбуждении публичного иска, прокурор проводит процесс дознания для разрешения указанного вопроса.

Также следует обратить внимание на то, что при принятии решения о возбуждении публичного иска, прокурор руководствуется принципом целесообразности. В истории имели место случаи, когда французским прокурором при наличии доказанного факта совершения преступления выносились решения о невозбуждении уголовного преследования по мотиву нецелесообразности указанного действия.

Как отмечает Е.А. Мельников, принципы целесообразности и законности в уголовном судопроизводстве при оценке прокурором собранных полицией доказательств тесно взаимосвязаны между собой [4]. С одной стороны прокурор обеспечивает неукоснительное исполнение требований закона, с другой – исключает факты формального уголовного преследования при малозначительности.

Объем полномочий и процессуальная роль французского прокурора при дознании и предварительном судебном следствии также отличаются. Если до вынесения требования о возбуждении публичного иска прокурор дает оценку собранным по делу доказательствам, принимает решение на основании их достаточности, то есть фактически прокурор является субъектом доказывания, то после возбуждения публичного иска прокурор во Франции уже не наделяется полномочиями по сбору и оценке доказательств.

После возбуждения предварительного следствия прокурор только наделен полномочием заявлять перед следственным судьей ходатайства по

сбору доказательств, проведению следственных действий. Но согласно ст. 41 УПК Франции данные ходатайства уже могут носить лишь обвинительный уклон, так как по уголовно-процессуальному законодательству Франции на прокуроре лежит только обвинительная функция.

По французской модели предварительного расследования прокурор не осуществляет надзорных полномочий за следственным судьей. Следственный судья является самостоятельным субъектом досудебного разбирательства и самостоятельно определяет ход и результаты предварительного судебного следствия. Полномочиями по даче следственному судье обязательных для исполнения указаний прокурор не наделен.

По результатам предварительного судебного следствия следственный судья передает материалы дела со всеми собранными доказательствами прокурору, который знакомится с ними и вправе вынести требование о принятии одного из следующих решений: 1 - о направлении дела в суд, 2 – о его прекращении.

Примечательно, что требование прокурора для следственного судьи не является обязательным и носит рекомендательный характер, то есть вопреки требованию о прекращении уголовного дела следственный судья вправе передать дело в суд и наоборот. За прокурором остается лишь правомочие обжаловать действия судебного следователя в вышестоящую следственную камеру апелляционного суда. Подобный законодательный подход объясняется тем, что во французской модели уголовного судопроизводства судебная и обвинительная функция разграничены [5].

С учетом этого, можно сделать вывод, что во французской модели досудебного уголовного судопроизводства прокурор хоть и принимает участие в процессе доказывания, но не является основным участником данного процесса. Прокурор лишен полномочий по сбору и проверке доказательств, не определяет ход и направление уголовного судопроизводства, не принимает конечное решение о судьбе уголовного дела. В этой связи построенная на основе французской модели российская система уголовного судопроизводства 1864 года выглядит более полноценной и гармоничной, так как в российской системе досудебного уголовного производства прокурор, как представитель обвинительной функции был наделен полномочиями по определению судьбы дела.

Анализируя германскую модель необходимо отметить, что до судебной реформы 1974 года ФРГ также использовала французскую модель, однако при проведении реформы от данной модели отказалась, начав выстраивать собственную.

В настоящее время по германской модели предварительного расследования прокурор является полноценным хозяином на досудебной стадии процесса. По общему правилу предварительное расследование в форме дознания проводится полицией, при этом вопросы привлечения в качестве обвиняемого разрешаются прокурором, в руках которого сосредоточены

полномочия по руководству расследованием, а дознаватели, проводящие расследование, подчинены прокурору.

Сбором доказательств по уголовному делу занимаются дознаватели, которые делают это по указанию прокурора в заданном им направлении. При этом, у прокурора в соответствии со ст. 161 УПК ФРГ сохраняется право осуществлять процесс доказывания самостоятельно и напрямую.

Прокурор наделен как широкими полномочиями по распоряжению обвинением, в том числе по прекращению уголовного дела, так и полномочиями по формулированию и изменению обвинения, направлению дела в суд [6].

Обязанность доказывания на досудебной стадии уголовного процесса лежит на прокуроре, как на главе обвинительной стороны. Но при этом, прокурор обязан собирать не только обвинительные, но и оправдывающие обвиняемого доказательства, то есть прокурор в германской модели ориентирован законом на установление объективной истины, что прямо закреплено в ч. 2 ст. 160 УПК ФРГ.

Германская модель досудебного уголовного производства в последствии была взята за основу в других европейских странах, в частности в Австрии и Швейцарии. Например, в Австрии в настоящее время, как и в Германии предварительное расследование производится полицией в форме дознания. При этом весь этот процесс проходит под началом и руководством прокурора. Аналогичным образом и в Швейцарии после реформы 2007 года должности следственных судей были упразднены, предварительное расследование передано в руки прокурору.

Таким образом, прокуратура как в Австрии, так и в Швейцарии стала главным органом в досудебном уголовном производстве, на что указывает объем переданных прокурору полномочий и закреплённый в доктрине статус «госпожи» досудебного производства [7].

В этой связи есть основания утверждать, что общеевропейские тенденции в досудебном уголовном производстве заключаются в усилении роли прокурора в уголовном процессе. Такие страны как Германия, Австрия, Швейцария сделали осознанный выбор в сторону расширения полномочий прокурора в досудебном уголовном процессе.

Американская модель досудебного производства построена на основе слабого прокурора. В данной модели полиция является независимой и осуществляет предварительное расследование самостоятельно. Более того, прокурор не является должностным лицом, осуществляющим надзор за данной деятельностью полиции.

Фактически прокурор вступает в процесс лишь после передачи ему уголовного дела полицией. На данном этапе у прокурора появляются широкие полномочия по распоряжению судьбой уголовного дела. Определяя судьбу уголовного дела, прокурор руководствуется принципом целесообразности уголовного преследования, и только на этом основании может не передавать уголовное дело в суд.

Также прокурор становится полноценным субъектом доказывания. Получая уголовное дело, прокурор оценивает обоснованность и полноту собранных полицией доказательств, их достаточность для дальнейшего осуществления уголовного преследования в суде. Если же данных доказательств окажется недостаточно, то прокурор вправе осуществить сбор дополнительных доказательств самостоятельно.

В случае признания обвиняемым своей вины прокурор в досудебном уголовном процессе США и вовсе может не заниматься процессом сбора доказательств виновности. По общему правилу обязанность доказывания виновности лежит на прокуроре только в случае непризнания обвиняемым своей вины в совершении преступления.

Англосаксонская традиция отводит своеобразную роль доказательственному праву, не относя его ни к материальному, ни к процессуальному праву. Процесс доказывания представляет собой самостоятельную дисциплину, объединяющую под своим началом уголовно-процессуальные и гражданско-процессуальные положения [8].

Даже не смотря на существование в США Федеральных правил о доказательствах Соединенных Штатов Америки процесс доказывания там можно именовать как процесс без истины и доказательств. Американская модель досудебного производства наделяет прокурора ролью некоего «фильтра», промежуточного этапа между полицией и судом, призванного отсеивать лишнее от этапа судебного разбирательства.

В американской модели прокурор выступает элементом судебной системы, является исключительно обвинителем, так как не связан обязанностью установления объективной истины по делу, а нацелен на сбор исключительно обвинительных доказательств.

Анализ перечисленных моделей досудебного уголовного производства приводит к выводам о том, что современная российская модель по способу организации предварительного расследования и роли основных участников в нем имеет больше общего с германской моделью.

Предварительное расследование в России схоже с дознанием в германской модели, так как и следствие и дознание в России имеет самостоятельную полицейскую, а не судебную природу, институционально отделено от судебной системы.

При этом в германской модели дознание, будучи отделенным от судебной системы, проводится под началом и пристальным надзором прокурора, который наделен достаточным объемом полномочий для своевременного и эффективного реагирования. Такой же объем полномочий и роль были у российского прокурора вплоть до 2007 года.

Однако законодательные изменения 2007 года видоизменили данную существовавшую в России модель до неузнаваемости. Фактически современная российская модель досудебного уголовного производства не может быть отнесена ни к одной из вышеперечисленных.

В настоящее время полицейская природа предварительного расследования в России остается неизменной, тогда как прокурор лишился большинства полномочий. В условиях богатого российского, а также европейского опыта использования досудебной уголовно-процессуальной модели, а также общеевропейских тенденций усиления роли прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса, избранный российским законодателем в 2007 году путь по ограничению полномочий прокурора видится нелогичным, идет в разрез как российскому, так и европейскому опыту.

Безусловно, идеальной модели организации досудебного уголовного производства не бывает, однако в силу фактически существующей в России германской модели досудебного производства, «полицейской» природы органов предварительного расследования, полноценное существование данной модели без сильного прокурора невозможно.

Упразднение следственных структур или их переподчинение прокурору не требуется. Достаточно лишь вернуть прокурору полномочия, которые наделили бы его возможностью оперативно реагировать и устранять нарушения, устранили бы ненужную дифференциацию и разный объем полномочий по надзору за следствием и дознанием.

Расширение объема полномочий и усиление роли прокурора не скажутся на балансе интересов прокурора и руководителя следственного органа, ни приведут к снижению значимости ведомственного контроля. Мнение о том, что увеличение роли прокурорского надзора прямо влечет за собой сужение ведомственного контроля, видится ошибочным, так как одно ни коим образом не определяет и не исключает другое.

Список литературы

1. Цветков, Ю.А. Диалектика уголовного процесса / Ю.А. Цветков // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. г. Санкт-Петербург, 28 – 29 июня 2014 года. – СПб, 2015. – С. 131 – 142.
2. Смирнов, А.В. Модели уголовного процесса / А.В. Смирнов. – СПб. : Наука, 2000.
3. Оболкина, А.Л. Модели предварительного производства по уголовным делам (сравнительно-правовой анализ) : дис. канд. юрид. наук / А.Л. Оболкина. – Омск, 2005.
4. Мельников, Е.А. Уголовное преследование в системе разделения властей (досудебное производство) / Е.А. Мельников. – М. : Юрлитинформ, 2019.
5. Головкин, Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л.В. Головкин. – М.: СПАРК, 1995.

6. Мельников, Е.А. Уголовное преследование в системе разделения властей (досудебное производство) / Е.А. Мельников. – М. : Юрлитинформ, 2019.

7. Трефилов, А.А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии 2007 года : дис. канд. юрид. наук / А.А. Трефилов. – М., 2014.

8. Головкин, Л.В. Курс уголовного процесса. 2-е издание / Л.В. Головкин. – М.: Статут, 2017.

УДК 343.1

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕРЫ ВЗЫСКАНИЯ ОРГАНАМИ СЛОВЕСНОЙ РАСПРАВЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XIX ВЕКЕ

Наумкина Валентина Владимировна, доктор юридических наук, доцент
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия
e-mail: naumkina_vv@khsu.ru

Аннотация: в статье рассматриваются основные критерии определения меры взыскания органами словесной расправы. Словесная расправа принимала решения на основе обычного права. В качестве основного критерия учитывалась репутация личности и его социальная ценность. Мера взыскания всегда принималась индивидуально исходя из данных критериев.

Ключевые слова: словесная расправа, обычное право, инородцы, традиционное судопроизводство, Восточная Сибирь.

Вплоть до советского периода на территории Восточной Сибири функционировали суды словесной расправы. Суды словесной расправы имели три степени (уровня). В качестве третьего уровня выступала земская полиция. Первый и второй уровень (Родовое управление и Инородная управа) формировались самостоятельно инородцами и работали на основе норм обычного права. Земская полиция рассматривала только жалобы. Родовой уровень и инородная управа выступали в качестве первой инстанций. Фактически жалобы поступали крайне резко, поскольку решения родовых органов принимались как справедливые и обоснованные.

Разграничение властных полномочий в области обеспечения общественного порядка не предусматривалось. Словесная расправа выполняла функции следствия, судопроизводства и исполнения наказания. Основным назначением расправы было «прекращении частных между инородцами несогласий и в примирении спорящихся на основании степных законов и обычаев» [9, п.223]. Таким образом, цель была не наказать, а используя любые инструменты предотвратить разногласия в обществе. Суровые условия

проживания, и необходимость коллективного труда требовали консолидации общества, поэтому расправа принимала решения с целью померить стороны.

При расследовании правонарушения и определении вины использовалась несколько видов доказательства [4, с.135-136]. Но не смотря на наличии различных доказательств, наиболее значимым доводами была репутация истца и ответчика (и их семей) и социальная значимость участников разбирательства. По оценке современника Д. Лаппо «преступником признавался тот, кого общественное мнение признает заведомо лихим человеком» [3, с.67]. Термин «лихой человек» часто используется в архивных документах в качестве обоснования приговора [6]. К лихим относились люди: 1) с плохой репутацией, ранее совершавшие противоправные деяния; 2) из семьи с плохой репутацией; 3) из семьи, которая имеет долги по ранее принятым искам. Семья предпринимала все усилия для сохранения репутации.

Кроме репутации имела значение «социальная ценность» участников разбирательства. Социальная ценность учитывалась у разных народов [1, с.35; 2, с.104]. Например, в проекте Свода Степных законов были указаны разные меры ответственности для должностных лиц (в зависимости от уровня должности) и инородцев без должности [8]. Кроме того, мера наказания зависела от того, кому был нанесен ущерб.

Словесная расправа использовала принцип коллективизма (круговой поруки) и могла привлечь к ответственности не только ответчика, но и членов его семьи. Например, привлечь к ответственности детей или жену [Рязановский В.А, С.61], или свидетеля, который скрыл информацию [5, с.4]. Возможное привлечение к ответственности членов семьи обеспечивало воспитательное воздействие на инородцев.

Таким образом, при определении взыскания отсутствовала связь между деянием и наказанием. Тяжесть наказания зависела от положения человека в обществе и его репутации. На репутацию личности влиял статус и репутация семьи инородца.

Список литературы

1. Алборова, А.Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX века: дис. ... канд. юрид. наук / А.Г. Алборова. – Нижегородский гос. ун-т. им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2007. – 210 с.

2. Коновалова, А.С. Обычное право в российской правовой жизни: дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Коновалова. – Моск. Институт МВД РФ. – Москва, 2005. -173с.

3. Лаппо, Д. Е. Преступления и наказания по степному праву сибирских кочевых инородцев (Минусинские татары) / Д.Е. Лаппо // Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского императорского Русского Географического Общества. – Красноярск: Енисейская губернская типография. 1906. С.17-73.

4. Наумкина, В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири / В. В. Наумкина. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2021. – 223 с.

5. О законах некоторых Восточных Сибирских инородцев // Сибирский вестник. - 1823. Ч.1. - С.1-12.

6. Обычное право России: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты / Р. Л. Хачатуров, Р. О. Авакян, Т. М. Айтберов [и др.]. – Москва: Издательство "Юрлитинформ", 2019. – 472 с.

7. Рязановский, В.А. Обычное право монгольских племен (монголов, бурят, калмыков). Ч.2. – Харбин, 1924. -139с.

8. Свод степных законов, 1836 - Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. СПб., 1836

9. Устав об управлении инородцев от 1822г. // ПСЗРИ с 1649г. – Т.38. – 1822-1823. – СПб., 1830. – № 29126.

УДК 343.1

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧАСТИЯ ИНОСТРАННЫХ АДВОКАТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА КАК ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Петухов Евгений Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
e-mail: petuchove@mail.ru

Суханова Лидия Геннадьевна, старший преподаватель
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
e-mail: lida.suxanova.89@mail.ru

Аннотация: Проанализированы нормативные правовые акты национального законодательства Казахстана и России, их двусторонние договоры, конвенции, положениями которых регулируются вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства с участием представителей адвокатского сообщества. На основе их анализа и с учетом потребностей практики сформулированы предложения по дальнейшему совершенствованию правовой основы участия адвокатов в уголовном судопроизводстве, осуществляемом на территориях приграничных государств - Казахстана и России

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, иностранный адвокат, правовое обеспечение

В современных условиях развития мировых правоотношений создаются серьезные предпосылки для выхода адвокатов Российской Федерации (далее

РФ) на международный уровень в ходе осуществления своей профессиональной деятельности [1].

Интернационализация социально-экономических отношений затрагивает современную жизнь общества во всех областях, в том числе и адвокатскую деятельность. Выходя за пределы юрисдикции одного государства, она приобретает трансграничный характер. Законодательство РФ и стран СНГ, исторически ориентировано на внутригосударственный характер адвокатской деятельности и не имеет экстерриториального действия. За пределами государства, в котором адвокат получил свой правовой статус, он может совершать юридические действия только в пределах, установленных правом государства, на территории которого действует как иностранный адвокат. При этом правовые режимы деятельности адвокатов, установленные национальным законодательством государств, далеко не идентичны по своему содержанию. В частности, это подтверждают результаты изучения положений законодательства приграничных регионов – РФ и Республики Казахстан (далее РК).

Действующие в этой сфере нормативные правовые акты и соглашения по своему содержанию не безупречны. Зачастую они противоречивы, их толкование порой вызывают трудности, что приводит к неоднозначности их смыслового значения и как следствие затрудняет правоприменительный процесс. В итоге, в полной мере не обеспечивается реализации прав иностранными адвокатами.

Задачей настоящего исследования являлся анализ форм участия иностранных адвокатов в ходе осуществления уголовного судопроизводства на территориях приграничных регионов, а также анализ правовой основы, обеспечивающей их адвокатскую деятельность в названной сфере и поиск путей их совершенствования в части повышения эффективности регулирования возникающих отношений.

В ходе работы над статьей авторами были проанализированы результаты ранее проведенных исследований по проблемам деятельности иностранных адвокатов в уголовном судопроизводстве РФ и других стран. Наиболее значимыми из них являются: докторская диссертация Волеводз А.Г.; кандидатские диссертации Давыдова М.В., Михайленко К.Е. и Воскобитовой М.Р. Изучены и другие научные труды, и аналитические документы российских и зарубежных ученых, адвокатских сообществ по исследуемой тематике.

При проведении исследования формально-юридический метод позволил изучить положения нормативных документов – ЕврАзЭС, СНГ, международных договоров, актов международных организаций, нормативных правовых актов РФ и РК.

Сравнительно-правовой метод исследования позволил провести сравнительный анализ этих юридических документов и выработать предложения по их совершенствованию. Социологические методы были использованы для сбора эмпирического материала и обоснования выводов исследования. Методы моделирования и прогнозирования способствовали

разработке мер по дальнейшему развитию форм участия иностранных адвокатов в уголовном судопроизводстве, осуществляемого в приграничных регионах.

На основе исторически сложившихся прочных связей, традиций доброго общения и дружбы между РФ и РК заключен целый ряд международных договоров, соглашений и иных актов.

Начало было положено 25 мая 1992 года, когда между РФ и РК был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи [2].

В дальнейшем, в целях реализации положений названного Договора РФ и РК подписали Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. В РФ Конвенция вступила в силу 10.12.1994 г., а в РК - 19.05.1994 г.

В ст. 8 Конвенции допускается при исполнении поручения об оказании правовой помощи запрашиваемому учреждению применять законодательство своей страны. По просьбе запрашивающего учреждения оно может применить и процессуальные нормы запрашивающей Договаривающейся Стороны, если только они не противоречат законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны [3]. Полагаем, что исполнение данных поручений в полной мере распространяется и на Адвокатские сообщества РФ и РК, хотя конкретно в названных двусторонних актах положений, регулирующих порядке их взаимодействия нет.

В ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 г. говорится о том, что допускается оказание адвокатами иностранного государства юридической помощи на территории Российской Федерации по вопросам права данного иностранного государства. Однако, адвокаты иностранных государств не допускаются к оказанию юридической помощи на территории Российской Федерации по вопросам, связанным с государственной тайной Российской Федерации. И особо подчеркивается, что адвокаты иностранных государств, осуществляющие адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации, регистрируются федеральным органом исполнительной власти в области юстиции в специальном реестре. Без регистрации в указанном реестре осуществление адвокатской деятельности адвокатами иностранных государств на территории Российской Федерации запрещается [4].

Ст. 46 Закона «Об адвокатской деятельности и юридической помощи РК» от 05.07.2018 г. устанавливает, как удостоверяются полномочия иностранного адвоката, осуществляющего свою деятельность на основании соответствующего международного договора, ратифицированного Республикой Казахстан. Из этого следует, что законодательство РК допускает участие, а значит и деятельность иностранных адвокатов, но оговаривает, что такая деятельность должна осуществляться на основании международного договора, ратифицированного РК.

В этой же статье закона регулируется вопрос осуществления адвокатской деятельности адвокатами РК за его пределами, и указывается, что адвокат

имеет право заниматься адвокатской деятельностью на всей территории РК, а также за ее пределами, если это необходимо для выполнения принятого поручения и не противоречит законодательству соответствующих государств и международным договорам, ратифицированным РК [5].

Вопрос взаимного признания адвокатского статуса обсуждался в рамках ЕврАзЭС. На мероприятии, которое состоялось в Душанбе в сентябре 2011 года, было принято решение поработать над проектом соглашения о сотрудничестве министерств в сфере адвокатуры и адвокатской деятельности. Соглашение в итоге было подписано 21 сентября 2012 года. Однако принятие данного соглашения не сняло все проблемы, возникающие на пути реализации иностранными адвокатами своих прав. Данным соглашением определены лишь направления и принципы взаимодействия в сфере адвокатуры и адвокатской деятельности [6]. В частности, принятый акт не урегулировал вопросы, касающиеся взаимодействия адвокатов РФ и РК при осуществлении ими своей профессиональной деятельности, выполнения ими поручений и т.д.

В последние годы, отмечается активное развитие форм взаимодействия адвокатских сообществ государств, адвокатских образований государств, огромное значение приобретают такие формы как: международно-практические конференции, онлайн-семинары, повышение квалификации российских адвокатов за рубежом, международный научный обмен, подготовка аналитических материалов по регулированию адвокатской деятельности в зарубежных странах, консолидация сил адвокатских объединений из стран СНГ и Балтии [7].

Так, в мае 2016 года в г. Санкт-Петербурге на Международном Юридическом Форуме принята Хартия основополагающих принципов адвокатской деятельности, одними из участников которой стали РФ и РК. Хартия провозгласила основополагающие принципы адвокатской профессии, обязательство государств в их реализации в национальном законодательстве, во взаимной поддержке и намерении объединить свои усилия на благо адвокатуры и во имя защиты прав человека [8].

Однако, одного только упоминания в международных и национальных актах о том, что допускается осуществление адвокатами адвокатской деятельности на территории государств друг друга, указание на взаимодействие адвокатских сообществ государств, не решает трудности, проблемы, ограничения, с которыми сталкиваются адвокаты РФ и РК.

Подтверждение этому мы находим в правоприменительном процессе. Так, адвокат РК в 2017 году, оказывая юридическую помощь гражданам Казахстана в российском уголовном судопроизводстве, столкнулась с ограничением своих прав как адвоката, и вовсе выведением ее из круга участников уголовного судопроизводства, поскольку, суд посчитал что она незаконно осуществляет адвокатскую деятельность на территории РФ, при этом отправив дело на доследование. И это несмотря на то, что адвокат РК зарегистрировалась в специальном реестре адвокатов, который ведется

Минюстом РФ, получила свидетельство и собиралась законными средствами и методами осуществлять свою деятельность [9].

Изучение вышеуказанных нормативных правовых актов, иных документов и практики их применения позволило выявить направления для развития международного и национального законодательства, посвященного деятельности, осуществляемой адвокатами иностранных государств.

Достаточно дискуссионным является вопрос о пределах адвокатской деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве. На этой основе остается не разрешенным вопрос о нормативной регламентации прав адвоката-защитника по уголовному делу на совершение действий, не противоречащих законодательству и в зарубежных государствах.

В ряде криминалистических исследованиях объем предоставленных конкретному лицу прав, полномочий принято называть «нормативной моделью профессиональной деятельности лица», которую трудно установить. Ю.П. Гармаев объясняет это тем, что данная модель, полномочия адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве регулируются нормами различных отраслей законодательства, включая конституционное, международное, уголовно-процессуальное, а также законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре. Он, верно, указывает на то, что деятельность защитника в уголовном судопроизводстве по-прежнему регулируется только в наиболее общих чертах, во многом без конкретизации полномочий, ответственности, без четкого определения критериев законности, допустимости, этичности действий адвоката в уголовном процессе [10]. Данная проблема требует своего разрешения.

В большинстве государств бывшего СССР (России, Азербайджане, Казахстане, Таджикистане, Латвии и др.), законодателем предусмотрено, что права адвоката-защитника формально не ограничиваются, он в праве совершать любые действия, в том числе использовать средства и способы защиты, не запрещенные законодательством. По УПК РК можно выделить свыше десятка прямо предусмотренных в его положениях профессиональных прав адвоката-защитника, которые прямо не закреплены в законодательстве РФ и которые ему не противоречат, а значит, они могут быть реализованы отечественными адвокатами-защитниками в рамках осуществления профессиональной деятельности на территории РК. В РФ их тоже можно адвокатам взять на «вооружение» [11].

Среди специалистов, занимающихся рассматриваемой проблематикой наибольшее внимание, вызывает проблема, связанная с недостаточной разработанностью механизмов реализации прав адвокатов, осуществляющих адвокатскую деятельность на территории другого государства. В частности, большая часть положений рассмотренных выше международных актов, соглашений, нормативных правовых актов РФ и РК, касающихся деятельности иностранных адвокатов имеют декларативный характер.

Позитивная работа в данном направлении ведется. В декабре 2017 года прошел третий ежегодный форум адвокатов Казахстана, на котором

обсуждался проект Модельного закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» для стран СНГ. Проект устанавливает основные принципы деятельности адвокатуры; определяет правовую основу адвокатской деятельности, а также права и обязанности адвоката; регулируют другие вопросы, связанные с деятельностью адвоката [12]. Однако, в настоящее время документ не принят, и его предложения так и остаются на уровне проекта и его обсуждений. В том же 2017 году, для обсуждения на Общественном совете при Министерстве юстиции РФ внесен законопроект, предлагающий внести изменения в Закон об Адвокатуре РФ в части регулирования участия иностранных адвокатов в оказании юридической помощи на территории России. Разработанный проект устанавливает требования к иностранным адвокатам [13]. Однако, указанные предложения до настоящего времени не внесены в действующее законодательство об Адвокатуре РФ, а значит проблемы в деятельности адвокатов иностранных государств остаются. Вопросы адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве гораздо обширнее, и изложенные нормы не охватывают всего многообразия этой работы.

Так в среде адвокатов широко обсуждается необходимость осуществления гармонизации законодательства стран – членов СНГ, разработки специального федерального закона о деятельности иностранных адвокатов на территории РФ и проекта типового соглашения между ФПА и иностранными саморегулируемыми организациями. При разработке этих актов следует исходить из необходимости разрешительного порядка допуска иностранного адвоката к осуществлению деятельности на территории РФ на постоянной основе, периодического подтверждения статуса иностранца (не реже чем раз в два года) и ряда других требований [14].

Наши выводы о путях совершенствования правовой основы исследуемой сферы международного сотрудничества опираются на потребности современных адвокатских сообществ государств по обеспечению прав граждан получение квалифицированной юридической помощи и дополняют результаты ранее проведенных исследований. На наш взгляд, на уровне Общего закона в сфере адвокатуры для стран СНГ, законодательства об Адвокатуре РФ, подзаконных актов, необходимо:

- определить требования, предъявляемые к адвокатам иностранных государств – субъектам приграничного сотрудничества в сфере адвокатуры и адвокатской деятельности;
- закрепить условия оказания юридической помощи адвокатами иностранных государств на территории РФ и стран СНГ;
- конкретизировать права и обязанности адвокатов иностранных государств;
- урегулировать правила поведения адвокатов иностранных государств на территории РФ;
- установить положения о порядке и основаниях привлечения адвокатов иностранных государств к дисциплинарной ответственности;

- разработать аналитические материалы по способам, средствам деятельности адвокатов иностранных государств.

В заключение можно отметить следующее.

По темпам правовых реформ РК занимает одно из первых мест среди бывших советских республик. Новые кодексы и законы чаще всего концептуально совпадают с соответствующим российским законодательством, поскольку при их создании в качестве основы используются общие модельные акты. В то же время развитие казахстанской правовой системы на современном этапе носит самостоятельный и достаточно творческий, оригинальный характер. С другой стороны, проблемы современной адвокатуры РК схожи с проблемами, характерными для российской адвокатуры. Следовательно, необходимо принимать во внимание опыт данного государства в решении конкретных вопросов в сфере адвокатуры и осуществления адвокатской деятельности.

Объем полномочий адвокатов РФ и адвокатов РК значительно отличается. Объем полномочий адвокатов РК достаточно широк и разнообразен в сравнении с правами российских адвокатов. В связи с этим, остро встает вопрос об унификации статуса адвокатов иностранных государств.

Дальнейшее развитие межгосударственного приграничного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства с участием адвокатского сообщества возможно только путем надлежащего его единообразного правового обеспечения.

Предложенные нами направления по совершенствованию правовой основы международного сотрудничества в сфере обеспечения деятельности иностранных адвокатов в уголовном судопроизводстве могут быть использованы в нормотворческой деятельности законодательных и правоохранительных органов приграничных государств, а также деятельности адвокатских сообществ.

Список литературы

1. Юзефович, Ж.Ю. Проблематика определения правового положения иностранного адвоката при осуществлении адвокатской деятельности на территории РФ / Ж.Ю. Юзефович, А.С. Бурлаченко, А.В. Морковкин // Вестник МФЮА. – 2017. – № 4. – С. 183-189.

2. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией от 25 мая 1992 г. [Электронный ресурс] https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1007137 (Обращение: 01.10.2024).

3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. // СПС КонсультантПлюс.

4. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 г. (с изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс.

5. Закон «Об адвокатской деятельности и юридической помощи Республики Казахстан» от 05 июля 2018 г. [Электронный ресурс] https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33024087 (Обращение: 03.10.2024).

6. Соглашение о сотрудничестве министерств юстиции государств - членов Евразийского экономического сообщества в сфере адвокатуры и адвокатской деятельности от 21 сентября 2012 г. [Электронный ресурс] <http://evrazes.com> (Обращение: 09.10.2024).

7. Отчет Федеральной палаты адвокатов за 2015-2017 годы [Электронный ресурс] https://fparf.ru/documents/council_documents/council_reports/37679 (Обращение: 25.09.2024).

8. Хартия основополагающих принципов адвокатской деятельности от 19 мая 2016 г. [Электронный ресурс] <http://base.garant.ru/71493338/> (Обращение: 21.09.2024).

9. Петухов, Е.Н. Статус иностранного адвоката на территории Российской Федерации / Е.Н. Петухов // Сборник научных статей. – Барнаул: Изд. Группа «Си-пресс», 2016. – С. 241-247.

10. Гармаев, Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве: практическое пособие / Ю.П. Гармаев. – Иркутск: ИПКПР ГП РФ, 2005. – 395 с.

11. Оленев, А.Б. Нормативная регламентация профессионального права адвоката-защитника по уголовному делу на совершение действий, не противоречащих законодательству в зарубежных государствах / А.Б. Оленев // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 3 (34). – С. 65-73.

12. Проект Модельного закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» для стран СНГ [Электронный ресурс] <http://advokatura.kz/o-proektah-kontseptsii-regulirovaniya-rynka-professionalnoj-yuridicheskoy-pomoshhi-v-rossii-i-modelnogo-zakona-ob-advokatskoj-deyatelnosti-i-advokature-dlya-stran-sng/> (Обращение: 19.09.2024).

13. Проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 2 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

14. Дёмин, А. 2008. Адвокат – профессия интернациональная / А. Дёмин // Адвокатская газета, выпуск № 12, 18 июня 2008 года.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рыжков Сергей Александрович, адвокат
Палата адвокатов Самарской области, Самара, Россия
Рыжкова Инна Александровна, кандидат юридических наук
Москва, Россия
e-mail: g8937072000@gmail.com

Аннотация: Актуальность темы обусловлена тем, что развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) происходит очень стремительно, и они находят применение в различных сферах, включая и правоохранительную деятельность. Внедрение ИИ в процесс производства следственных действий позволит повысить эффективность расследования преступлений. Но у субъектов поисково-познавательной деятельности появляются новые вопросы и опасения. Целью настоящей статьи является анализ современного использования ИИ при производстве следственных действий, выявление спорных аспектов и разработка рекомендаций по применению ИИ при расследовании уголовных дел, ориентированных на защиту прав личности.

Ключевые слова: искусственный интеллект при производстве следственных действий, тактика следственных действий, обеспечение прав личности.

В ходе изучения применения ИИ в уголовном судопроизводстве особое внимание следует уделить различию между традиционными методами обработки информации и возможностями, предоставляемыми ИИ и проанализировать, и предотвратить риски, связанные с ошибочными выводами ИИ, проблемами конфиденциальности и этическими вопросами.

Определения ИИ в своей работе дает А.Г. Соломатина [6, с. 99]. ИИ – это - цифровое воспроизведение процессов сознательной деятельности человека в части творческой обработки и рассуждений на основе нетривиально формализуемой информации в условиях временных и ресурсных ограничений неопределенности и неполноты исходных данных, создающее кибернетические объекты, способные самостоятельно ставить цели и их достигать с качеством не ниже среднего специалиста, способное в перспективе заменить существующие виды деятельности и профессии [3, с. 8]

Развитие ИИ в различных областях является приоритетной задачей для большинства стран. Наша страна - не исключение и ИИ отнесен к основным направлениям развития, так Указом Президента РФ утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [8].

В исследованиях процессуалистов ИИ рассматривается с точки зрения его влияния на следственную практику и обсуждаются технические аспекты применения ИИ в расследовании преступлений [2,5].

Современная наука активно изучает возможности использования ИИ в следственной практике. Основное использование ИИ можно разделить на блоки:

- анализ больших объемов данных и автоматизация обработки отчетов и документов со сбором нужной информации. ИИ способен на обработку огромного объема информации. Например, при расследовании экономических преступлений или преступлений в области компьютерной информации. ИИ собирает информацию из различных источников, включая социальные сети и базы данных, анализирует ее быстрее, чем человек.

- идентификация лиц и объектов. ИИ точно распознает лица и объекты с фотографий и видеозаписей, или же быстро сопоставит лицо преступника с базами данных.

В настоящее время официальных систем ИИ, специально разработанных для проведения допросов свидетелей нет, но существуют технологии ИИ, которые могут помочь в оценке достоверности показаний, проанализировав речь и мимику людей с целью выявления признаков стресса, лжи или неуверенности (Facial recognition и emotion detection (Система распознавания лиц и эмоций); Speech analysis (Анализ речи)).

Используя ИИ-системы можно предугадать поведение преступника на основе анализа его прошлых действий и принять меры для профилактики и предотвращения преступлений. ИИ может дать рекомендации по проведению следственных действий: на основании собранных данных система может предложить наиболее эффективные способы сбора доказательств.

Кроме того, ученые обращают внимание на потенциал, которым обладает технология искусственного интеллекта в области профилактики и выявления преступлений [7].

Основным опасением при использовании ИИ в уголовно-процессуальной деятельности является соответствие последствий данного использования принципами уголовного судопроизводства. ИИ может способствовать дегуманизации уголовного процесса, так как он может анализировать только факты, не обладая эмоциями. Но самой опасной угрозой может стать выход из-под человеческого контроля ИИ, поэтому в настоящее время во многих странах имеются Протоколы по использованию ИИ. Прежде, чем аврально расширять возможности ИИ и развивать его, необходимо изобрести системы сдерживания, которыми может управлять только человек.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в ч. 1 ст. 17 УПК РФ говорит о внутреннем убеждении субъектов поисково-познавательной деятельности, которое основывается на совокупности доказательств [9].

Сложно сказать, справедливее ли человеческие решения, основанные на эмоциях, опыте и мировоззрении или же решения ИИ, исключая субъективизм. Ученые говорят о необходимости обеспечения прав и законных

интересов участников досудебного и судебного производства в условиях применения ИИ [1, с. 110].

О.В. Мичурина пишет о том, что следователь (дознатель), судья оценивают доказательства на основе внутреннего убеждения, но оно основано на изучении совокупности всех доказательств, имеющихся в уголовном деле. И только, признав, что необходимые следственные действия произведены и объем доказательств достаточен для обоснования вывода субъекты поисково-познавательной деятельности составляют итоговое процессуальное решение [4].

Проанализировав мнения ученых по поводу использования ИИ в уголовном судопроизводстве, склоняемся к мнению, что на настоящем этапе ИИ следует использовать только, как инструмент, облегчающий деятельность субъектов поисково-познавательной деятельности.

Современные научные разработки в области использования ИИ в следственной практике открывают широкие возможности для улучшения качества и скорости расследования преступлений [10]. Однако следует помнить, что внедрение этих технологий должно сопровождаться строгим соблюдением правовых норм и защитой прав граждан.

Тема использования искусственного интеллекта (ИИ) в следственных действиях является актуальной и привлекает внимание многих исследователей.

Резюмируя, мы решили узнать мнение ИИ о том, что он думает о расследовании им уголовных дел вместо человека? Ответ ИИ: «ведение предварительного расследования требует не только технических знаний, но и понимания правовых норм, моральных принципов и человеческого поведения. Поэтому на данный момент полный переход к автоматизированному ведению расследований невозможен без участия человека».

Тем не менее, ИИ может значительно облегчить работу следователей, предоставляя им инструменты для анализа больших объемов информации, прогнозирования возможных сценариев развития событий и выявления скрытых связей между данными. Это позволяет ускорить процесс расследования и повысить его эффективность.

Список литературы

1. Григорьева, Н.В., Угольников Н.В. Современные проблемы соблюдения прав участников уголовного судопроизводства / Н.В. Григорьева, Н.В. Угольникова // Вестник Московского университета МВД России, 2020. – №3. – С.110.
2. Гусарова, Н.Ф. Введение в теорию искусственного интеллекта / Н.Ф. Гусарова. – СПб: Университет ИТМО, 2018.
3. Иванов, И.И. Применение искусственного интеллекта в следственной деятельности: правовые и технические аспекты / И.И. Иванов, А.П. Сидоров // Право и информационные технологии. – 2020. – №2. С. 126.

4. Мичурина, О.В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства / О.В. Мичурина // Вестник Московского университета МВД России, 2020. – №3. – С. 65.

5. Кустов, А. М. Использование искусственного интеллекта при производстве процессуальных действий / А. М. Кустов // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы : Материалы III Международной межвузовской научно-практической конференции, Москва-Красноярск, 24–25 февраля 2022 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. – С. 122-128.

6. Соломатина А.Г. Допустимость использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве / А.Г. Соломатина // Вестник Московского университета МВД России, 2020. – № 3. – С. 99.

7. Спиридонов, М. С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании// Journal of Digital Technologies and Law, 1(2), 481–497. - Текст: электронный // Система Гарант: – URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.20> (дата обращения 05.11.2024).

8. Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы, утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 – Текст: электронный // Система Гарант: – URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения 05.11.2024).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 09.11.2024).

10. Бертовский, Л. В. Криминалистический рендеринг: основные положения / Л. В. Бертовский, И. А. Кучерков, А. Л. Лисовецкий // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7(86). – С. 250-253.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Савченко Давид Вагеевич, магистрант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: david.savchenko.00@mail.ru

Непомнящий Александр Андреевич, магистрант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: neplea@mail.ru

Научный руководитель: **Курбатова Светлана Михайловна**

доктор юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: ksm-2024@mail.ru

Аннотация: Анализируется процессуальное положение прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса. Выдвинуты предложения по изменению действующего законодательства, которые, на взгляд авторов, поспособствуют устранению коллизий между определенными нормами УПК РФ. Отмечен ряд проблем, с которыми сталкиваются прокуроры по уголовным делам общественной значимости, сделаны предложения возможного их решения.

Ключевые слова: Прокурор, уголовный процесс, досудебное производство, доказательство, собрание доказательств, субъекты собрания доказательств, процессуальные полномочия, уголовное преследование, уголовное дело, повышенное общественное влияние, СМИ, общественный резонанс, прокурорская деятельность.

В науке уголовного процесса нет общего мнения относительно понятия, структуры и субъектов доказывания. В настоящее время остаются спорными вопросы толкования законодательного закрепления собрания доказательств как элемента доказывания и понятие субъектов доказательственной деятельности.

Собрание доказательств в уголовном процессе регулируется статьёй 86. УПК РФ, где указано следующее: «собрание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ» [1]. То есть доказательство будет допустимым лишь в том случае, если оно получено субъектом, занимающим процессуальное положение, дающее ему право на собрание доказательств, и если совершенные им действия не выходят за пределы его полномочий [2, с. 147].

Очевидно, что собирание доказательств как первичный элемент и как самостоятельный этап процесса доказывания имеет важное значение для установления события преступления при расследовании уголовного дела, ведь оно является «подспорьем» для принятия законного и справедливого решения в суде. Как уже отмечалось ранее, в научной литературе нет единого мнения. В большинстве источников встречается следующее: «собирание доказательств» отождествляют с термином «проверка доказательств» или считают «способом проверки доказательств» [3, с. 2.]. Например, по мнению одного из авторов «собирание доказательств – это комплекс осуществляемых субъектом доказывания операций, дающих ему возможность выявить носителей искомой информации, воспринять ее и преобразовать в надлежащую процессуальную форму, т.е. в форму показаний, заключений эксперта и т.д.» [4, с. 34]. Важно отметить, что в настоящее время этой точки зрения придерживается большинство авторов.

Прокурор является субъектом, реализующим свои полномочия в части обеспечения интересов государства по успешному раскрытию и расследованию преступлений. Согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен: осуществлять в пределах компетенции уголовное преследование; осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и следствия. В связи с этим большинство исследователей содержание уголовного преследования на досудебных стадиях определяют как обвинительную деятельность, включающую в себе комплекс действий, направленных в том числе и на собирание доказательств. В качестве одного из элементов уголовного преследования можно выделить производство следственных действий, направленных на собирание в отношении конкретного лица обвинительных доказательств. Аналогичной точки зрения придерживаются другие авторы [5].

Однако перечень способов установления прокурором события преступления и осуществления доказывания причастности лица к совершению преступления в УПК РФ четко не регламентируется, что также порождает научную дискуссию. Подводя итог данной проблемы, подчеркнем, что рассмотренный вопрос приводит учёных-процессуалистов к сомнениям касательно статуса прокурора как субъекта собирания доказательств на досудебных стадиях уголовного процесса. Мы уверены, что законодателю следует как можно быстрее разрешить этот вопрос т.к. от этого зависит правильность рассмотрения уголовных дел.

Далее рассмотрим проблематику участия прокурора в уголовных делах с общественной значимостью. Участие прокурора в таких делах представляет собой важный аспект правоприменения, который требует особого внимания со стороны исследователей, практиков и законодателей. В условиях современного общества, характеризующегося высоким уровнем общественного контроля и активным участием граждан в правовых процессах, роль прокурорского работника становится всё более значимой. Прокурор, действующий в качестве представителя государства, обеспечивает защиту общественных интересов и

прав граждан, что особенно актуально в делах, затрагивающих широкие слои населения и вызывающих резонанс в обществе. Однако участие прокурора в таких делах сопряжено с рядом проблем и вызовов, которые могут негативно повлиять на эффективность уголовного преследования и правосудия в целом. Политическое давление, недостаток времени, сложные условия надзора и необходимость обеспечения независимости прокурора – лишь некоторые из факторов, оказывающих влияние на его работу.

Эти проблемы требуют глубокого анализа и выработки рекомендаций для повышения качества, и справедливости уголовного судопроизводства [6]. Немаловажное и порой негативное влияние на прокурорскую деятельность по резонансным уголовным делам, в частности, оказывают средства массовой информации. СМИ способны формировать общественное мнение, которое может оказать давление на прокуратуру и суд. Если журналисты активно продвигают определенную «верную» точку зрения или представляют обвиняемого в негативном свете, это может привести к предвзятости как со стороны прокуратуры, так и со стороны присяжных. Кроме того, публикация средствами массовой информации непроверенной или конфиденциальной информации может нарушить ход расследования. Утечка данных о процессе, свидетелях или доказательствах может повлиять на справедливость разбирательства и поставить под угрозу безопасность участников дела. Стоит помнить и о том, что в тот момент, когда дело приобретает широкий общественный резонанс, обвиняемые или их семьи могут стать объектами угроз и преследований со стороны общественности, что также может повлиять на справедливость процесса.

Чтобы минимизировать влияние СМИ на беспристрастное государственное обвинение в делах с повышенным общественным вниманием, стоит рассмотреть несколько стратегий и подходов: 1. Важно, чтобы прокуроры и другие представители правоохранительных органов четко понимали, что они могут и не обязаны обсуждать с журналистами. Создание внутренней политики по взаимодействию со СМИ поможет сохранить профессионализм и защитить процессуальные интересы. 2. Необходимо повышать квалификацию работников прокуратуры, а именно проводить лекции для всех прокуроров по вопросам взаимодействия со СМИ. Это поможет прокурорским работникам эффективнее общаться с журналистами и справляться с давлением со стороны прессы, сохраняя при этом фокус на своих профессиональных обязанностях. 3. В Генеральной прокуратуре РФ и прокуратурах субъектов России требуется создать отделы по связям с общественностью и СМИ, в которых могли бы осуществлять свою деятельность не только прокуроры, но и специалисты. Это позволит централизовать информацию и минимизировать риск утечек или недопонимания. Вместе с тем ч. 2 ст. 241 УПК РФ определяет перечень случаев, когда закрытое судебное разбирательство допускается на основании определения или постановления суда, вследствие чего мы считаем разумным добавить пункт, который закрепляет, что «рассматриваются уголовные дела, имеющие повышенное общественное внимание». Без сомнения, законодателям

потребуется разработать критерии того, в каких случаях уголовное дело обладает повышенным общественным вниманием. Предложенные нами меры могут помочь сбалансировать запрос общества в получении достоверной информации, позволят минимизировать возможное негативное влияние со стороны СМИ в деятельность прокуратуры и поспособствуют улучшению обеспечения справедливого и объективного уголовного правосудия в целом.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.) // СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «Консультант Плюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 03.11.2024).

2. Толмосов, В. И. Собираение доказательств правомочным субъектом — гарантия признания полученного доказательства допустимым / В.И. Толмосов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2007. – № 1. – С. 147.

3. Шинкарук В. М. Прокурор как субъект соби́рания доказательств в досудебном уголовном производстве России: проблемы теории и законодательства / В.М. Шинкарук, Д. Г. Каххоров // Вестник Воронежского института МВД России. Право – 2017. – С. 2.

4. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. // Норма, 2009. – С. 34.

5. Картохина О. А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел. // дис: канд. юрид. наук. — СПб –2003. – С. 244.

6. Бертовский, Л. В. Методика расследования и прокурорского надзора по делам об убийствах, совершенных с применением взрывных устройств: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бертовский Лев Владимирович. – Москва, 1999. – 165 с.

ОДОРОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Саражакова Ирина Михайловна, кандидат биологических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: kkafedry@mail.ru

Аннотация. Дана характеристика одорологии и одорологической экспертизы. Представлены роль и значение одорологии для расследования преступлений. Определены некоторые тенденции дальнейшего развития одорологии и применения в криминалистике.

Ключевые слова: одорология, одорологическая экспертиза, криминалистика, предварительное расследование

Одорология — это метод и направление научного исследования, которые основаны на том, что у каждого человека есть свой собственный запах и его может различать мощное собачье обоняние (которое может быть в 200-10 000 раз более чувствительным, чем у человека). Таким образом, одорология – это или наука о запахах и метод идентификации специально обученными собаками человеческих запахов. Одорологическая экспертиза – это исследование запахов, которое проводится в качестве одного из видов криминалистических экспертиз. Наиболее эффективные результаты дает использование специальных служебных собак. Принцип основан на том, что различия в качественном и количественном составе веществ, обуславливающих запах человека или животного, определяют его индивидуальность. Человеческие запахи могут состоять из следов, собранных от предмета, к которому кто-то прикоснулся, или от запаха, полученного непосредственно от человека.

Поэтому вполне закономерным стал факт применения одорологии в криминалистике и при расследовании преступлений. Например, во Франции данный метод с 2003 года используется в полицейских расследованиях для установления факта присутствия лица на месте преступления. Там, для успешной реализации метода одорологии, в Отделе технической и научной полиции (DTSP, Ecully) были специально обучены немецкие и бельгийские овчарки. Во время базовой дрессировки их обучали устанавливать связь между двумя запахами одного и того же человека, выполняя все более сложные задачи. К концу обучения собаки могут выполнять упражнения на идентификацию, во время которых они нюхают эталонный человеческий запах, а затем сравнивают его с пятью различными человеческими запахами, одним из которых является эталонный запах. Когда собака сопоставляет запах в банке с эталонным (который она показывает, ложась перед правильной банкой), она вознаграждается лакомством или игрой. Анализ данных, полученных с 13 собаками DTSP с 2003 года, позволил отметить, что для стабильных

результатов и эффективных показателей собакам необходимо 24 месяца регулярных тренировок: в среднем через два года собакам удавалось распознать два запаха от одного и того же человека в 85% случаев. Остальные 15% случаев, в которых совпадение не было получено, были в основном результатом плохого отбора проб запаха, а не плохого распознавания. По окончании базовой дрессировки собаки участвуют в расследовании уголовных делах, получая тем самым, непрерывную дрессировку на протяжении всей жизни. При этом на практике каждый идентификационный тест проводится как минимум двумя собаками. Кроме того, каждая собака проводит как минимум два теста с одной и той же панелью запахов: собранный запах представляется либо в виде образца, который нужно понюхать в начале задания, либо в одной из баночек, которые собака нюхает последовательно. В период с 2003 по 2016 год одорология во Франции была использована в 522 случаях и помогла раскрыть 162 преступления [1].

«Одорология имеет огромное значение в раскрытии преступлений, т.к. она начала использоваться сравнительно недавно и уже дает положительные результаты. Данная методика позволяет сформировать у собак стереотип рабочего поведения. Собак учат:

1. Нюхать предложенный им образец с запахом (в течение одной минуты) и запоминать его.
2. Отыскивать источник запаха в выборочном ряду объектов. После запоминания запаха происходит последующая выборка, то есть сравнение его с информацией о данном запахе, извлеченным из его памяти.
3. Принимать специальную позу, которая сигнализирует обнаружение искомого запаха» [2].

Если оценивать перспективы развития данного научного и прикладного криминалистического направления, то уже сейчас подобны исследования проводятся все чаще (особенно в сравнении, например, с десятилетней давностью). «Выступая как один их видов доказательств, заключение эксперта по одорологическому исследованию оценивается наряду с другими доказательствами и, можно предположить, уже в обозримом будущем будет играть в уголовно-процессуальном доказывании все более важную роль» [2].

Список литературы

1. Научное обоснование судебной одорологии [Электронный ресурс] <https://phys.org/news/2016-02-forensic-odorology-scientifically-validated.html> (дата обращения: 20.10.2024).
2. Терентьева, Я. О. Роль и значение одорологической экспертизы в раскрытии и расследовании преступлений / Я. О. Терентьева // Молодёжь Сибири - науке России : Международная научно-практическая конференция, Красноярск, 24–25 апреля 2014 года. – Красноярск: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Сибирский институт бизнеса, управления и психологии", 2014. – С. 405-407.

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТИ АВТОРА ДОКУМЕНТА ПО ПРИЗНАКАМ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Селезнев Виктор Михайлович, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: svit1017@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы о возможности использования специальных знаний для решения задач диагностики и идентификации автора документа в рамках судебно-автороведческой экспертизы, которая базируется на методиках анализа общих и частных признаков письменной речи и криминалистического исследования. Это объясняется недостаточной разработанностью теоретических положений судебно-автороведческой экспертизы и, как следствие, невысокой эффективностью рекомендованных методов исследования, повышенной их сложностью, требующих углубленной специальной подготовки в области общего и прикладного языкознания и математической статистики.

Ключевые слова: судебно-автороведческая экспертиза, следователь, эксперт, специальные знания, следственные действия, криминалистическая диагностика, идентификация, документ, письменная речь.

При раскрытии и расследовании многих преступлений в качестве вещественных доказательств выступают различные документы с рукописными или текстами, выполненными знакопечатающими устройствами, по которым требуется установить данные о личности их автора по признакам письменной речи. Как правило, необходимость в такого рода диагностических исследованиях возникает с целью розыска либо сужения круга проверяемых или подозреваемых лиц. Обычно подобные ситуации складываются в случаях, когда автор и исполнитель рукописного текста – разные лица, когда о предполагаемом авторе следствие не располагает какой-либо информацией, а также, если текст выполнен с изменением почерка, отпечатан на пишущей машинке и т. д.

Задачи диагностики и идентификации автора документа в настоящее время решаются в рамках судебно-автороведческой экспертизы, которая базируется на методиках анализа общих и частных признаков письменной речи и ее криминалистического исследования. Особые трудности при решении диагностических задач по признакам письменной речи возникают при исследовании текстов среднего и малого объемов. Возможности решения таких задач в этих случаях снижаются из-за плохой выраженности признаков, невысокой их идентификационной и диагностической значимости. Неясен пока вопрос, как нужно поступать эксперту, если в документе содержатся элементы, характеризующие различные стилистические манеры письменной речи. Нет

научно обоснованных данных, которые позволили бы решать в этом случае вопрос, является ли автором такого документа один человек, изменявший в ходе его составления признаки письменной речи, или же в составлении документа принимало участие несколько лиц с различными навыками письменной речи, что и нашло отражение в элементах различных стилей. К числу сложных относится и исследование текстов, которые подвергались редактированию самим автором или другим лицом.

Все это, наряду с отсутствием рекомендаций для сотрудников следственных аппаратов и судов по оценке заключения автороведческой экспертизы, отбору образцов для сравнительного исследования, привело к тому, что возможности установления данных об авторе документа по признакам его письменной речи практически не используются. В то же время в тексте документа с признаками письменной речи содержится существенная для раскрытия и расследования уголовного дела информация. Тут могут быть данные, свидетельствующие о возрасте, образовании, профессии, национальности, половой принадлежности, психофизиологическом и эмоциональном состоянии автора документа и т. д. Установить эти данные можно по признакам письменной речи – языковым средствам, использованным в тексте документа и отражающим сформировавшиеся индивидуальные навыки изложения мыслей в письменном виде. Достаточно сказать, что уровень интеллектуального развития и образования автора проявляется прежде всего в степени владения навыками письменной речи. Высокая степень орфографической и стилистической грамотности, логическая стройность изложения, богатый словарный запас, умелое использование синонимических средств языка и т. п. свидетельствуют о достаточно высоком уровне языковой культуры.

Содержание документа, характер аргументации суждений, его композиционное строение также в определенной мере свидетельствуют об уровне общей культуры. Об эрудиции автора можно судить по использованию экспрессивно-выразительных средств языка: сравнений, метафор, инверсий, пословиц и поговорок, крылатых выражений, цитируемых высказываний известных ученых, поэтов, писателей, политических деятелей и т. д.

О профессии или роде деятельности автора можно судить по элементам профессиональной лексики, специальной терминологии, профессионального жаргона. Важно отметить, что использование совокупности признаков письменной речи и почерка возможно лишь при условии совпадения личности автора и исполнителя. При этом учитываются не только состав и частота встречаемости специальной лексики и терминологии, но и правильность употребления таких слов в данном контексте и т. д.

В этой связи необходимо отметить, что при изучении лексики документа большое значение имеют не только анализ частоты встречаемости отдельных слов и выражений, их стилистической окраски, использование синонимических возможностей индивидуального словаря (пассивного и активного), но и правильность употребления значений многозначных слов, семантическая

сочетаемость слов, наличие или отсутствие стилистических неточностей (тавтология, паронимия и др.).

Для решения идентификационных задач необходимо исследовать особенности употребления вводных слов и конструкций, выражающих отношение автора к содержанию сообщения («как представляется», «как мне кажется», «считаю» и т. д.). Анализ таких вводных конструкций может дать информацию и для решения некоторых диагностических задач, например, для установления некоторых психологических данных об авторе (категоричности в суждениях, склонности к вынесению волевых решений и т. д.).

Приведенные соображения указывают на принципиальную возможность диагностического исследования текста документа для получения по признакам письменной речи сведений о личности автора. Изучение практики производства судебно-автороведческой экспертизы, а также анализ рекомендованных методов исследования, описанных в ряде научных работ [1,2,4], показали, что наиболее перспективным представляется использование лингвистической статистики, методов стилистического и грамматического анализа текстов при ориентации исследования с использованием компьютерных технологий [3].

Целесообразно детально проанализировать существующие общие частные методики диагностики и идентификации автора по признакам письменной речи с целью совершенствования классификации признаков письменной речи, изучения их устойчивости, идентификационной и диагностической значимости и выявления группы наиболее информативных признаков для решения конкретных диагностических задач.

Одной из важных проблем при исследовании содержательной части документа является установление личностных свойств человека. На Западе проблема отражения личности в языке начала активно изучаться в 40-х гг. XX в. Еще в 1942 г. Sanford [6] предположил, что речевое поведение является надежным источником сведений о личностных свойствах человека. С тех пор накоплено много эмпирических данных, однако связь между языковыми характеристиками и личностными свойствами только начинает получать свое теоретическое обоснование. В последние годы в американской лингвистике и психологии все больше исследований доказывают, что анализ использования местоимений, предлогов, союзов и др. позволяет получить достаточно информации об авторе текста. Так, находясь в депрессии или в сложной ситуации, люди используют больше местоимений (особенно первого лица единственного числа), меньше артиклей и больше модальных глаголов в настоящем времени [5]

Необходимо исследовать возможные ситуации, связанные со степенью участия одного или нескольких авторов в составлении документа. Требуется решения вопрос: как определить, выполнен ли текст в процессе свободного письма или в нем имеются признаки надиктовки. Обычно искажение достигается снижением уровня владения письменной речью, степени грамотности, уменьшением относительного объема словарного запаса, употреблением бессвязных конструкций, диалектологических особенностей,

использованием элементов просторечия, стилистически сниженных лексических единиц и т. д.

Диагностическое исследование признаков письменной речи имеет значение и для решения распространенного в традиционной почерковедческой экспертизе вопроса о том, является ли автор и исполнитель одним лицом. В этом случае эксперт сравнивает результаты диагностического исследования по признакам письменной речи с имеющимися данными о предполагаемом авторе или исполнителе документа. На практике может возникнуть необходимость в отборе образцов свободного письма предполагаемого автора и исполнителя. Существующие методики отбора сравнительного материала не всегда позволяют добиться степени выраженности тех или иных признаков письменной речи и требуют совершенствования.

На основании вышесказанного имеется необходимость провести исследование с целью моделирования свойств личности по признакам письменной речи (аналогично тому, как моделируют свойства личности по почерку). Для этого необходимо проведение экспериментов по установлению соответствующих корреляций, определить диагностическую информативность признаков письменной речи, упорядочить и систематизировать имеющиеся классификации признаков письменной речи и привести их в соответствие с диагностическими задачами криминалистического исследования текста документов. Кроме того, особую важность представляет определение оптимального набора диагностических признаков, необходимого и достаточного для достоверного вывода при исследовании текстов малого объема.

В этой связи в первую очередь планируется подготовить для сотрудников оперативно-розыскных, следственных и экспертных подразделений органов внутренних дел указание, в котором будут содержаться основные положения методики криминалистической диагностики личности автора по признакам письменной речи (на примерах наиболее типичных ситуаций из практики, особенно по текстам малого и среднего объема, с изменением почерка и т. д.), процессуальные правила и методические рекомендации по отбору сравнительных образцов письменной речи предполагаемого автора, их оформлению, а также будут изложены принципы оценки заключения эксперта-автороведа следователем и судом; освещены некоторые вопросы, касающиеся подготовки экспертных кадров. В последующем имеется необходимость разработки методического пособия для экспертов по диагностическому исследованию текста.

Список литературы

1. Ароцкер, Л. Е. Об использовании лингвистической статистики для установления автора анонимного письма / Л.Е. Ароцкер, В.К. Войнов // Криминалистическая и судебная экспертиза. - 1966.- Вып.3, Киев, 1966. - С. 141-151.

2. Белов, В.Н. Криминалистическая экспертиза авторства текста: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Белов Валентин Николаевич. – Москва, 1973. – 16 с.

3. Вул, С.М. Экспериментальное исследование количественных характеристик текстов с помощью электронно-вычислительной техники в целях установления авторства / С.М. Вул - Текст непосредственный // Криминалистическая и судебная экспертиза.- Вып.11, Киев, 1975.- С.204-212.

4. Грановский, Г. Л. Использование признаков письменной речи в криминалистической экспертизе / Г.Л. Грановский. – Библиотека эксперта. – Москва, 1976. - 30 с.

5. Литвинова, Т.А. Установление характеристик (профилирование) автора письменного текста / Т. А. Литвинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012 [Электронный ресурс] <http://www.gramota.net/materials/2/2012/2/> (дата обращения 03.11.2024).

6. Sanford, F. H. Speech and Personality / F. H.Sanford. Psychol. Bull. 1942. 39:811-45.

УДК 343.3

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Серeda Ольга Викторовна, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: o.v.sereda@mail.ru

Аннотация. Представлена взаимосвязь между преступлениями в сфере лесопромышленного комплекса, указана важная роль показаний свидетеля при расследовании данной категории уголовных дел. Также автор предлагает некоторые тактические приемы, которые могут быть использованы при допросе свидетелей по коррупционным преступлениям в указанной сфере.

Ключевые слова: лесопромышленный комплекс, преступления в сфере лесопромышленного комплекса, коррупционные преступления в сфере лесопромышленного комплекса, незаконная рубка лесных насаждений, допрос свидетеля, тактика допроса.

Коррупционные преступления в сфере лесопромышленного комплекса (далее по тексту – ЛПК) являются одними из наиболее опасных в данной сфере в связи с тем, что являются «сопутствующими», а зачастую «предваряющими» или «способствующими» для незаконной рубки лесных насаждений, и, как правило, в особо крупном размере.

Ранее, в своих научных работах, мы приводили классификацию преступлений в сфере лесопромышленного комплекса, где «основными» были обозначены составы ст. 260 УК – «Незаконная рубка лесных насаждений», а одной из групп «сопутствующих», как раз, коррупционные, поэтому, при рассмотрении тактики различных следственных действий по расследованию преступлений в сфере ЛПК необходимо рассматривать тактику проведения этого следственного действия не только для коррупционного, но и для его неотъемлемого спутника – «основного» преступления [1].

При изучении уголовных дел о преступлениях в сфере ЛПК нами было установлено, что во всех присутствует такое следственное действие, как «допрос свидетелей». Конечно же, это абсолютно логично, т.к. при совершении, что незаконной рубки, что коррупционных преступлений, в процессе участвует люди, а при производстве незаконной рубки лесных насаждений многие из участвующих в процессе не посвящены в преступный умысел обвиняемого, либо скрывают это, а значит, допрашиваются по делу в качестве свидетелей.

Например, согласно приговора Сухобузимского районного суда Красноярского края № 1-1/2023 в отношении гр.ФИО3 и гр.ФИО2, обвиняемых в совершении пяти эпизодов преступления по ч.3 ст.260 УК РФ - незаконная рубка лесных насаждений, с использованием своего служебного положения, группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере, были допрошены более 40 лиц в качестве свидетелей, что позволило установить порядок производства незаконных рубок в рамках проведения законной заготовки древесины и ее объем, а также порядок применения служебного положения при совершении преступления и сокрытия его следов. Ущерб, причиненный данным преступлением, составил более 18,7 млн. рублей, однако суд первой инстанции обвиняемых оправдал и признал за ними право на реабилитацию [2].

Однако, помимо позитивного примера, есть масса негативных, когда лица говорят о том, что информация о преступлении им неизвестна, и что свидетелями они не являются (информация по результатам интервьюирования сотрудников правоохранительных органов в период с 2022 по 2024 гг.).

Проанализировав материалы некоторых уголовных дел, где свидетели крайне мало сообщали информации о преступлении, мы пришли к выводу о необходимости более глубокого исследования вопроса проведения допроса свидетелей, с выделением особенностей проведения данного следственного действия для указанного рода преступлений, для повышения его результативности в вопросе получения необходимых доказательств по делу.

Для этого нами был проведен анализ групп свидетелей, которые привлекаются по данным категориям дел. За основу примем классификацию, представленную в докторской диссертации М.А. Васильевой, где она подробно описала выделенные ею группы свидетелей по экологическим преступлениям, связанным с изъятием ресурсов, к которым относится, в том числе, незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ):

- очевидцы преступления;
- сотрудники контролирующих органов, осведомленные о преступлении; лица способствующие совершению преступления, но не осведомленные о его преступном характере;
- приобретатели незаконно добытых ресурсов;
- родственники и иные лица из окружения преступника [3].

При исследовании материалов уголовных дел по ч.3 ст.260 УК РФ – незаконная рубка лесных насаждений, совершенная в особо крупном размере с использованием своего служебного положения (данный состав отнесен к разряду коррупционных [4]), мы пришли к выводу, что следователи не всегда анализируют «особую роль» некоторых свидетелей из группы - «лиц, способствующих совершению преступления, но не осведомленных о его преступном характере» (для краткости, далее – «способствующие лица»). Мы уже указывали, что нередки случаи, когда «способствующие лица» на самом деле являются соучастниками преступления, а не свидетелями. Однако не всегда есть возможность их привлечения к уголовному преследованию, в связи с тем, что обвиняемый их «выгораживает» своими показаниями о «неосведомленности» его преступного намерения. Ранее мы уже затрагивали этот вопрос в части не привлечения таких лиц к уголовной ответственности в составе организованной группы [5].

Соответственно, для увеличения эффективности расследования указанного вида коррупционного преступления, рассмотрим следующую тактику проведения допроса данных лиц.

1. Перед проведением допроса свидетеля, как и при проведении любого следственного действия, необходимо изучить материалы уголовного дела, особо внимание при этом стоит уделить взаимоотношениям подозреваемого/обвиняемого лица и свидетеля. Стоит изучить не только возможные прямые контакты, но и косвенные, через детей, близких лиц, родственников, соседей, сослуживцев [6].

2. При проведении первого допроса необходимо уважительно относиться к допрашиваемому лицу.

3. На стадии свободного рассказа, если свидетель отклоняется от описания ситуации, не прерывать его, дать возможность расслабиться и рассказать больше, зачастую это может дать некоторые «зацепки» в будущем. При согласии лица, целесообразно проводить аудиозапись разговора.

4. Учитывая специфику отношений в сфере ЛПК, необходимо задавать вопросы о том, чем свидетель зарабатывает на жизнь, знает ли он сам порядок проведения законной рубки деревьев, участвовал ли ранее в рубках на данной территории и под чьим руководством [7].

5. Очень важно в процессе задавания вопросов свидетелю выяснить авторитет подозреваемого/обвиняемого, учитывая коррупционную составляющую в квалификации преступлений.

6. Учитывая, что случайная осведомленность лица в части коррупционной составляющей преступления в сфере ЛПК, как правило,

исключена, необходимо проверять достоверность показаний свидетеля, в том числе, и повторным задавание вопросов с изменением их формулировки.

7. В завершающей стадии допроса, к каким бы результатам он не привел, следователю необходимо сохранить дружескую атмосферу общения.

Список литературы

1. Середа, О. В. Понятие коррупционного преступления в сфере лесопромышленного комплекса / О. В. Середа // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 6(234). – С. 467-470.

2. Приговор Сухобузимского районного суда (Красноярский край) № 1-1/2023 (1-2/2022, 1-70/2021) от 10 июля 2023 г. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 31.10.2024).

3. Васильева, М. А. Концептуальные основы методики расследования экологических преступлений : дисс. ... д-ра юрид. наук / Васильева Мария Александровна, 2022. – 519 с.

4. Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности // Справочная правовая система Консультант Плюс. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483902/1ff26a26ef4e0493e7fd0c911461e97ca14695f/ (дата обращения 31.10.2024).

5. Середа, О. В. К вопросу об организованной преступной деятельности лиц, совершающих преступления в сфере лесопромышленного комплекса / О. В. Середа // Актуальные проблемы частно-правовых и публично-правовых отношений в сфере рационального использования и охраны окружающей среды : материалы региональной (межвузовской) научно-практической конференции, Красноярск, 24–25 ноября 2022 года / Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. – С. 46-49.

6. Киселев, А. С. Особенности тактики допроса обвиняемых при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации / А. С. Киселев, К. А. Горбунова // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. №2 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-taktiki-doprosa-obvinyaemyh-pri-rassledovanii-prestupleniy-v-sfere-kompyuternoy-informatsii> (дата обращения: 31.10.2024).

7. Середа, О. В. Некоторые аспекты тактических приемов проведения допроса при расследовании коррупционных преступлений в сфере лесопромышленного комплекса / О. В. Середа // Теоретические основы правовой политики в современной России. Участие общественности : Материалы II Национальной (всероссийской) научно-практической

конференции, Красноярск, 27 октября 2023 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2024. – С. 302-305.

УДК 343.846

СОБЛЮДЕНИЕ ОСУЖДЕННЫМИ КУЛЬТУРНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ КАК ОДНО ИЗ ФАКТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Серен-Чимит Кежик Кирович

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

e-mail: kezhik83@inbox.ru

Аннотация: В условиях совершенствования пенитенциарной пробации условно-досрочное освобождение лиц, отбывающих лишение свободы, становится объектом пристального внимания ученых и работников уголовно-исполнительной системы, поскольку положительное решение данного вопроса – это, безусловно, показатель комплексной деятельности, направленной на исправление осужденных и подготовку их к освобождению из исправительных учреждений. Воспитательная работа с осужденными к лишению свободы в Республике Тыва – одном из южных регионов Сибирского федерального округа – включает в себя проведение культурно-просветительских мероприятий видными представителями культуры, искусства, спорта и религиозной организации. Взаимодействие субъектов пробации в национальной республике направлено на развитие духовных, культурных ценностей осужденных, однако, как показывает судебная практика, соблюдение им культурных и национальных традиций в полной мере не учитывается при решении вопроса о возможности освобождения от наказания.

Ключевые слова: исправительное учреждение, осужденные к лишению свободы, условно-досрочное освобождение, характеристика, соблюдение культурных и национальных традиций.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Для достижения названных целей федеральный законодатель предусмотрел условно-досрочное освобождение лиц, отбывающих содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, как один действенных инструментов определения исправления данного контингента.

Безусловно, вопрос об освобождении от отбывания наказания ставится в зависимости от фактического отбытия осужденными установленного законом срока наказания, определяемого по категории преступлений – характеру и степени общественной опасности деяний.

Лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания.

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, устанавливающим порядок уголовного судопроизводства, к исключительной компетенции суда отнесено рассмотрение и разрешение ходатайства об условно-досрочном освобождении осужденного от дальнейшего отбывания такого анализируемого вида наказания, как лишение свободы.

Судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Таким образом, судья при рассмотрении ходатайства осужденного и (или) представления учреждения, исполняющего наказание, в соответствии со статьями 397 и 399 УПК РФ оценивает представленные сведения в их совокупности и выносит соответствующее постановление об условно-досрочном освобождении или отказе в удовлетворении ходатайства (представления).

Как показывает судебная практика, к выводу о том, что для своего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, суд приходит, в частности, на основе характеристики, выданной исправительным учреждением, исполняющим наказание.

Иными словами, одним из основных доказательств исправления осужденного является его характеристика, выданная начальником отряда, непосредственно работающим с ним и оценивающим поведение: соблюдение установленного порядка исполнения и отбывания наказания (режима), отношение к воспитательной работе, общественно полезному труду, получению общего образования, профессионального обучения. Кстати, в специальных исследованиях предлагается крайне перспективная методика конкурсного отбора осужденных к условно-досрочному освобождению [2].

Однако, несмотря на практическое применение средств исправления осужденных, при оценке всех характеризующих сведений за весь период отбывания наказания отдельно не учитывается соблюдение им культурных и национальных традиций, что также является обстоятельством, учитываемым при решении вопроса об освобождении от наказания.

Уголовно-исполнительное законодательство России в категоричной форме предлагает формулировку исправления осужденных (ч. 1 ст. 9 УИК РФ)

– это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Если обратимся к опыту проводимой воспитательной работы с осужденными к лишению свободы в Республике Тыва – одном из южных регионов Сибирского федерального округа, то следует отметить, что в рамках соглашения о сотрудничестве между Управлением Федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Тыва и Министерством культуры Республики Тыва и реализации регионального проекта «Чоннун сулдези» (Дух народа) видные представители культуры, искусства, спорта и религиозной организации в исправительных учреждениях периодически проводят творческие встречи (концерты), лекции, беседы в целях популяризации тувинской национальной культуры (обычаев, традиций), мастер-классы по тувинскому горловому пению (музыкальной терапии) «Хоомей». При этом данные субъекты пробации приняли во внимание, что подавляющее большинство осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях УФСИН России по Республике Тыва, являются представителями тувинского этноса. Уникальность проводимой работы состоит в развитии духовных, культурных ценностей осужденных.

В последнем случае, в преддверии Дня народного единства, 2 ноября 2024 года, среди исправительных учреждений республики проведен конкурс стендов по основам знаний о традиционных для России религиях, а также среди осужденных состоялась викторина по знанию основ христианства, ислама, иудаизма и буддизма.

Очевидно, что информация об активном участии осужденных в проведении мероприятий должна содержаться в их личных делах, а также учитываться при решении вопроса о возможности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

На успешно применяемом опыте воспитательного воздействия наиболее правильным является полное отражение оценки соблюдения осужденным культурных и национальных традиций как одного из фактических оснований условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, поскольку это относится к приведенным выше обязательным требованиям закона.

Кызылский городской суд Республики Тыва, освобождая осужденного Т. от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы, пришел к выводу об отсутствии необходимости дальнейшего отбывания наказания на основе характеристики о том, что данное лицо положительно реагирует на меры воспитательного характера, принимает участие в общественной жизни отряда и колонии, содержит в чистоте и опрятности спальные принадлежности и место, вежлив в общении с представителями администрации колонии. Материалы дела не содержат других сведений о соблюдении осужденным традиций человеческого общежития [1].

Анализ судебных дел названной категории, относящихся к подсудности данного базового суда республики, юрисдикция которого распространяется на

4 исправительных учреждения (всего в регионе – 5), показывает, что характеристики по содержанию чаще всего идентичны.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что в исправительных учреждениях УФСИН России по Республике Тыва проводится комплекс разноплановых культурно-просветительских мероприятий, направленных на воспитание осужденных к лишению свободы. Их уникальность состоит в проведении видными представителями культуры, искусства, спорта и религиозной организации пробационной работы, направленной на развитие духовных и культурных ценностей лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию. Однако соблюдение осужденными культурных и национальных традиций как одно из фактических оснований условно-досрочного освобождения от отбывания наказания чаще всего не находит своего отражения в характеристиках и иных оцениваемых судом доказательствах. В этой связи формирование у осужденных уважительного отношения к традициям человеческого общежития, наряду с иными обстоятельствами, при решении возможности освобождения от наказания заслуживает самого пристального внимания ученых и работников уголовно-исполнительной системы в условиях совершенствования пенитенциарной пробации.

Список литературы

1. Судебное дело № 4/1-392/2017 по ходатайству осужденного Т. об условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы. // Архив Кызылского городского суда Республики Тыва.

2. Тепляшин, П.В. Многокритериальный подход при конкурсном отборе осужденных к условно-досрочному освобождению / П.В. Тепляшин // Пролог: журнал о праве. – 2014. – Том 2. № 4. – С. 37-44.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ ЗА ПРЕДНАМЕРЕННОЕ И ФИКТИВНОЕ БАНКРОТСТВО

Сторожева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: storanya@yandex.ru

Аннотация: В статье поднимаются вопросы уголовной ответственности, лиц за преднамеренное и фиктивное банкротство. Автор останавливается на основных признаках преднамеренного и фиктивного банкротства, определяя вид наказания. Отдельно выделяет проблемы привлечения лиц, к уголовной ответственности в случае выявления признаков преднамеренного и фиктивного банкротства по итогам проведенного финансового анализа должника.

Ключевые слова: банкротство, должник, руководитель должника, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, преступление, уголовная ответственность, арбитражный управляющий.

Тема банкротства является актуальной для исследования, так как институт банкротства — это сложный процесс, который возникает в результате неэффективного управления, экономических факторов, включая экономические факторы и другие, и внешние обстоятельства.

Согласно статистике Судебного департамента при ВС РФ за 2023 год, из совокупного долга всех банкротов в завершенных делах требования кредиторов были удовлетворены лишь на 105,62 млрд. рублей (2,34%). Юридические лица–банкроты вернули кредиторам 76,65 млрд. рублей из долга в 3,98 трлн. рублей [1].

Следует остановиться на таком отдельном аспекте банкротства, как преднамеренное и фиктивное банкротство. Это прежде всего связано с задолженностью банкротов-юридических лиц, которая по данным Судебного департамента ВС РФ увеличилась в 2,34 раза - с 1,67 трлн. рублей в 2022 году до 3,98 трлн. рублей по итогам 2023 [1].

Самыми активными инициаторами по делам о банкротстве выступают кредиторы, по статистике это боле 55% от других заявителей (уполномоченных органов и самих должников).

Как отмечают авторы Л.А. Тутукова, М.Р. Дзагоева: «негативное воздействие макроэкономической динамики и ряда эндогенных факторов способствует повышению рисков банкротств, в том числе и незаконных» [2]. С этим стоит согласиться, так как на сегодняшний день существует проблема привлечения к уголовной ответственности за преднамеренное и фиктивное банкротство.

Обратимся к основаниям привлечения к уголовной ответственности лиц, закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Так, преднамеренное банкротство это совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб, наказывается штрафом (ст. 196 УК РФ) [3].

Поэтому преднамеренное банкротство – это ситуация, когда должник осознанно создает условия для своего банкротства с целью избежать долговых обязательств или получить какие-либо преимущества. Это может включать в себя манипуляции с активами, укрытие информации о финансовом состоянии компании и другие действия, направленные на обман кредиторов.

Фиктивное банкротство это заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб наказывается штрафом (ст. 197 УК РФ) [3].

Фиктивное банкротство, в свою очередь, подразумевает создание видимости банкротства, когда должник не имеет реальных оснований для признания себя несостоятельным. В этом случае руководитель может использовать банкротство как инструмент для манипуляции с кредиторами или для получения финансовых выгод.

Так можно говорить, что руководитель должника может быть привлечен к уголовной ответственности за следующие действия:

- уклонение от исполнения обязательств перед кредиторами;
- сокрытие или искажение информации о финансовом состоянии должника;
- перевод активов должника в собственность третьих лиц с целью избежать удовлетворения требований кредиторов.

Конечно, одной из главных проблем в делах о преднамеренном и фиктивном банкротстве является необходимость доказательства умысла (вины) со стороны руководителя. Доказать, что действия руководителя были направлены на создание условий для банкротства, может быть сложно.

Л.А. Тутукова, М.Р. Дзгоева отмечают, что «в правоприменительной практике руководители, стремясь избежать уголовной ответственности, ссылаются на недостаточную оценку рыночной ситуации и допущение профессиональных просчетов, что может привести к постановлению судом оправдательного приговора» [2].

Другие авторы, М.Р. Дзгоева, М.П. Мартиросова, Н.Ю. Каркусов, полагают, что «определенные трудности возникают при доказывании причинно-следственной связи между созданием или увеличением финансовой несостоятельности и причинением крупного ущерба» [4].

Одной из проблем доказывания вины (умысла) руководителя должника

является то, что способы обнаружения и реагирования на признаки преднамеренного или фиктивного банкротства являются не доработанными. Это прежде всего связано с тем, что вину должен доказать арбитражный управляющий, назначенный судом в процедуру. Арбитражный управляющий должен выявить признаки преднамеренного или фиктивного банкротства и по имеющимся данным передать материалы для возбуждения и предварительного расследования уголовного дела.

На данном этапе определения соответствующих признаков преднамеренного и фиктивного банкротства у арбитражного управляющего могут возникнуть трудности, так как он может не иметь соответствующего образования. Однако, если все-таки при финансовом анализе должника арбитражный управляющий установит соответствующие признаки, то он обязан направить частное определение о выявленных фактах в органы внутренних дел для их проверки и принятия соответствующего процессуального решения.

Также необходимо отметить, что не только арбитражный управляющий может обратиться с частным определением, но и кредиторы играют важную роль в процессе выявления преднамеренного и фиктивного банкротства. Они могут инициировать судебные разбирательства и обращаться в правоохранительные органы с жалобами на действия должника.

Как полагает А.А. Макаров: «необходимо более четко определить объект правонарушений при банкротстве, преднамеренном и фиктивном банкротстве. Здесь очень важен учет гражданского законодательства, которое непосредственно определяет общественные отношения, складывающиеся в связи с несостоятельностью (банкротством), и определяет тот круг законных интересов участников данных отношений, который необходимо защищать» [5].

Таким образом, преднамеренное и фиктивное банкротство — это уголовные правонарушения, которые наносят ущерб кредиторам и экономике в целом. Уголовная ответственность руководителей за такие действия служит важным инструментом для защиты интересов кредиторов и поддержания стабильности на рынке. Однако, для эффективного применения закона необходимо разработать новые методики расследования, которые позволят усовершенствовать механизм расследования и доказательств.

Список литературы

1. Судебная статистика по опубликованным данным Судебного департамента при Верховном суде // <https://fedresurs.ru/news/16ebef70-49cd-4e6b-8f84-691963b99a9e> (дата обращения 02.11.2024).

2. Тутукова, Л.А. Преднамеренное и фиктивное банкротство: актуальные проблемы уголовной ответственности / Л.А. Тутукова, М. Р. Дзагоева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2019. – № 1. – С. 107-109.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Консультант Плюс: Законодательство.

4. Дзагоева, М.Р. Налоговое администрирование в России на современном этапе / М.Р. Дзагоева, М.П. Мартиросова, Н.Ю. Каркусов // Актуальные направления и перспективы развития национальной экономики: сборник научных трудов по материалам Международной конференции. 2018. С. 48–53.

5. Макаров, А.В. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за криминальные банкротства / А.В. Макаров // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 3-4(25-26). – С. 378-380.

УДК 340.5*342.7

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВ ДЛЯ ОТРАСЛИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

Фастович Галина Геннадьевна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

e-mail: fastovich-85@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы формирования кадрового резерва для отрасли уголовного судопроизводства как одного из факторов функционирования государственного механизма. Автор исследования проводит анализ событий, с которым государство столкнулось за последние несколько лет и приходит к выводу, что формирование кадрового резерва специалистов уголовно-правового и криминалистического цикла является стратегическим вектором деятельности органов государственной власти. В ходе научного исследования конкретные формы позитивного взаимодействия молодежи и органов государственной власти происходит формирование вовлеченности молодых специалистов в профессиональную деятельность.

Ключевые слова: кадровый резерв, уголовное судопроизводство, органы государственной власти, стратегия информационной безопасности, государственная идеология.

Проблема оптимизации российского государственного механизма напрямую зависит от жизнедеятельности общества, позиции и интересов граждан. Вопросы укрепления основ правовой государственности, усиления правовых начал публичной власти, формирования государственно-частного партнерства в России стоят в настоящее время наиболее остро. В этом плане о важной роли эффективной и слаженной работы государственных органов в своем ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин «необходимо выработать новые подходы в работе органов государства, России необходимо стабильное законодательство, а гражданам понятные правила». Однако, следует

заметить, что развитие государства, его основных правовых начал невозможно без кодифицированного содержания критериев эффективной деятельности отдельных звеньев государственного механизма и учета состояния таких правовых институтов, как: правовая культура человека, правовая инициатива личности, организационно-правовые возможности участия граждан в управлении делами государства, охрана прав, свобод и законных интересов человека и гражданина [1].

Современные условия государственного и общественного устройства Российской Федерации диктуют необходимость формирования устойчивого государственного механизма. В свою очередь, переходные процессы в политической и экономической сферах, в области национально-государственных отношений вызывают необходимость проведения системного исследования правовых основ функционирования государственной власти и состояния развития гражданского общества. Немаловажное значение приобретают вопросы организации и функционирования государственного механизма и его совершенствования с целью максимального эффективного функционирования органов государственной власти в разрезе патриотического воспитания современной молодежи [2]. В этой связи перед теорией права и государства неизбежно встают вопросы о том, что представляет собой эффективное действие государственного механизма? Какими основными принципами функционирования должно обладать современное состояние государственного механизма? Какова его роль в укреплении основ правового государства и место выпуск квалифицированных кадров в современной системе образования?

Образование — это не просто формальный процесс получения знаний, в современном мире оно становится основой для развития личности и общества. Важность образования трудно переоценить, поскольку оно затрагивает все аспекты нашей жизни: от личностного роста до экономического прогресса и социальной справедливости [3]. Образование и подготовка кадров для агропромышленного комплекса — это не только способ получения знаний, но и мощный инструмент для личностного, социального и экономического развития. Инвестирование в образование и повышение его качества является одним из самых важных шагов для создания устойчивого и справедливого будущего для всех. Образование и высококвалифицированные кадры в отрасли уголовного судопроизводства — это ключ к улучшению качества жизни и функционирования эффективного государственного механизма.

Главная задача высшего образования заключается в комплексной подготовке студентов к жизни и работе в современном мире. Это требует интеграции теоретических знаний, практических навыков и развития личных качеств, необходимых для успешной карьеры и активного участия в жизни общества [3].

Правительством Российской Федерации утверждена Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы, определяющая основные направления образования и науки. На современном

историческом этапе российское общество испытывает наибольшую трансформацию, происходящую с момента изменения его политической системы в 90-х гг. XX века. Данная трансформация происходит во всех сферах жизни общества, к которым традиционно относятся административно-политическая, экономическая и социально-культурная сферы

Актуализирует тему качественное понимание сущности государственного механизма. В юридической науке сложилось представление о государственном механизме – как системе государственных органов, дополненной так называемыми материальными придатками, к числу которых необходимо отнести армию, органы исполнения наказания и прочие органы. В исследовании такое представление о государственном механизме рассматривается в качестве традиционного (классического) понимания правовой природы государственной власти [5]. В условиях внутригосударственных преобразований и гармонизации национального права государственный механизм, как и любое другое явление, развивается, меняет отдельные свойства, природу своего существования и решения публичных задач и функций [6].

Свойство эффективности в деятельности государственного механизма играет решающую роль во всем обществе, находится в тесной связи с эффективностью правоохранительной деятельности государства, поскольку характеризует основополагающие принципы государственного управления, выступает важным средством системного взаимодействия всех звеньев, упрочения и развития экономической основы государства как необходимого условия его демократической природы [7]. Кроме того, научный поиск эффективности государственного механизма позволяет выявить обновленные качества уголовно-правовой и правоохранительной деятельности государства, рационального использования организационно-управленческого потенциала российского общества в становлении и укреплении правопорядка и законности на соответствующей территории страны.

Список литературы:

1. Фастович, Г.Г. Содержание публичной власти: конституционно-правовой аспект / Г.Г. Фастович, А.Ю. Письменных // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 2 (194). – С. 167–169.

2. Лукьяненко, К. Т. Технологии противодействия мобилизации протестной активности населения: проблемы и перспективы в условиях проведения Специальной военной операции / К. Т. Лукьяненко // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. Т. 13. – № 2. – С. 121–127.

3. Тарасов, Д. А. Специальная военная операция: новые социальные группы и требования к системе их социальной защиты / Д. А. Тарасов // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы. Материалы Всероссийской научной конференции. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 1853–1854.

4. Мартьянов, Д. С. Трансформация виртуальной публичной сферы в условиях Специальной военной операции / Д. С. Мартьянов // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2022. – Т. 23. – № 3. – С. 20–32.

5. Смирнов, В. А. Гражданские установки российских студентов в контексте Специальной военной операции / В. А. Смирнов // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32. – № 8-9. – С. 9–23.

6. Фастович, Г.Г. Качественное состояние гражданского общества как условие формирования эффективного сильного государства / Г.Г. Фастович // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 1 (181). – С. 46–48.

7. Ваторогин, А. С., Тепляков И.И. Молодежный экстремизм в России в контексте Специальной военной операции / А. С. Ваторгин, И. И. Тепляков // Образование и право. – 2022. – № 8. – С. 133–139.

УДК 343.983

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ ст. 297 УК РФ

Харевин Денис Дмитриевич, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: expertus.2014@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности назначения и проведения судебно-лингвистических экспертиз, по преступлениям, предусмотренным ст. 297 УК РФ.

Ключевые слова: криминалистика, судебные экспертизы, лингвистическая экспертиза, оскорбление, судебная система

Авторитет судебной системы, а также честь и достоинство лиц, участвующих в отправлении правосудия, являются залогом стабильной работы судебной системы, поэтому преступления, связанные с отправлением правосудия наносят большой вред правильной работе всей судебной системе в целом. Так неуважение к суду является тем основанием, которое подрывает авторитет всей судебной системе, поскольку данное проявление неуважительности зачастую выражается в оскорблении участников судебного заседания и отрицательно сказывается на ходе процессуальной деятельности и лишает судебный процесс самой сути правосудия, которую он призван выполнять.

Зачастую судебные приставы, призванные обеспечивать установленный порядок деятельности судов в полной мере не обладают достаточной квалификацией по юридическим вопросам, что в большинстве случаев

приводит к тому, что имеющиеся факты какого состава преступления как оскорблении участников судебного заседания остаются латентными и не становятся основаниями для возбуждения уголовных дел. Именно для предотвращения таких случаев дознавателю необходимо назначить судебно-лингвистическую экспертизу, в задачу которой будет входить выявление оснований, по которым можно будет судить, подпадают ли деяния лица под состав конкретного преступления. Вот почему разработка и совершенствование методик проведения судебно-лингвистических экспертиз имеет немаловажное значение при разрешении вопросов связанных со ст. 297 УК РФ, ведь зачастую очень трудно дать правовую оценку тем основаниям, на которых будет строиться доказательственная база, ведь проблема «оскорбительности» в уголовном праве до сих пор остаётся дискуссионным вопросом. В связи с этим, судебно-лингвистические экспертизы имеют огромное значение при расследовании преступлений против правосудия.

Как справедливо отметил А.Р. Белкин, основной задачей судебно-лингвистических экспертиз, в случаях, предусмотренных ст. 297 УК РФ, будет являться извлечение и перекодирование в доступную для субъекта доказывания и участников процесса доказательственную информацию и создание новых доказательств по делу [2].

Для уяснения понятие «оскорбления», как уголовно-правовой составляющей ст. 297 УК РФ, в первую очередь мы должны дать характеристику данному явлению. В данном случае под «оскорблением» понимается унижение чести и достоинства другого лица, выраженного в неприличной форме. Однако уголовный закон не дает определения чести и достоинства личности, что в свою очередь приводит к тому, что правоприменитель зачастую дает определение одного понятия через другое, что вызывает некий дисбаланс.

Одной из причин низкой результативности при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 297 УК РФ, можно считать проблемы, возникающие при назначении и проведении судебно-лингвистических экспертиз. Во-первых, это обусловлено тем, что не всегда дознаватель имеет возможность корректно составить вопросы эксперту, так как не имеет достаточной осведомленности в тонкостях экспертизы. А во-вторых, большая загруженность экспертов не всегда позволяет провести экспертизу в короткие сроки, что приводит к увеличению сроков расследования уголовного дела.

При решении вопроса о том, имеет ли место унижение чести и достоинства личности в уголовно-правовом смысле, необходимо иметь в виду, что формулировка закона относит неприличие не только к внешней стороне поведения, но и к содержанию действий, слов, составляющих оскорбление. Ведь следует учитывать, то, что высказывания типа «дурак», «дебил», «ничтожество», «пустое место», в отношении судей и участников уголовного судопроизводства, в виду особой важности судебной власти, признаются оскорблениями, несмотря на то, что в иных условиях, данные выражения не могут считаться оскорблением [1].

Попробуем разобраться, в каких случаях дознаватель принимает решение о назначении судебно-лингвистической экспертизы, и с какими трудностями он при этом может столкнуться.

Рассмотрим такой пример из судебной практики: во время предварительного слушания уголовного дела в районном суде, гражданин М. умышленно, в неприличной форме унизил честь и достоинство участника судебного разбирательства – потерпевшего Ч., а также председательствующего по делу судьи К., высказав в их адрес оскорбительные выражения, сопровождаемые нецензурными словами. После объявления состава суда и участников судебного разбирательства М. обратился к судье со словами: «Эй, ты, кто ты такой, предъяви свои документы, что ты здесь делаешь?» и высказал в адрес потерпевшей Ч. фразу: «Что ты, дура, сюда припёрлась», сопровождаемую нецензурными словами. Перед дознавателем возникает вопрос: является ли высказывания М. в адрес судьи и потерпевшей оскорблением? Для этого дознаватель выносит постановление о назначении судебно-лингвистической экспертизы с целью квалификации данных высказываний. При этом важнейшим этапом назначения экспертизы будет являться формулировка вопросов к эксперту, поскольку зачастую неправильная постановка вопросов приводит к тому, что заключение эксперта окажется заведомо непригодным для дальнейшего судебного разбирательства.

В таких случаях, отмечает А.Н. Сперанская, при назначении лингвистической экспертизы и постановки вопросов перед экспертом необходимо обращать внимание особенности сферы общения, речевые роли участников, общую лингвистическую ситуацию и языковой контекст [5, с. 89.]. Так, среди типичных и основных вопросов, которые необходимо ставить перед экспертом-лингвистом, Е.Р. Россинская называет следующие вопросы:

1. Относятся ли данные слова и выражения к конкретному лицу?;
2. Нарушает ли использование данных слов и выражений в рассматриваемом случае коммуникативные нормы, т.е. являются ли данные слова и выражения в указанном контексте неприличными?;
3. Содержится ли в высказываниях, осознанная авторская установка на оскорбление участников судебного разбирательства?;
4. Содержатся ли в предложении (цитате) слова, словосочетания или фразы, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?;
5. Носят ли высказывания, относящиеся к участнику судебного разбирательства, оскорбительный характер?;
6. Имеется ли в высказываниях отрицательная оценка личности участника судебного разбирательства, подрывающая его престиж в глазах окружающих? Если имеется, то выражена ли такая отрицательная оценка в циничной, неприличной форме, противоречащей правилам поведения, принятым в общества? [4].

При этом, на практике, нередко случаи, когда дознаватель вносит в экспертное задание заранее ошибочные вопросы экспертное задание, такие как «Является ли данная фраза оскорбительной?» или «Порочит ли данная фраза

честь, достоинство и деловую репутацию истца?». Такие вопросы фактически ставят эксперта в роль судьи, перекладывая на него вынесения решения по делу, несмотря на то, что основная задача эксперта в данном случае заключается в прояснении некоторых значимых для дела моментов.

Так, при проведении лингвистической экспертизы, эксперту необходимо учитывать то, что при выборе конкретных методов исследования они должны опираться на научные подходы и принципы, такие как наглядность доводов, аргументированность выводов и надёжность научной обоснованности результатов экспертного исследования.

Среди теоретических проблем, которые возникают на стадии проведения лингвистической экспертизы можно назвать следующие основные проблемы:

- Отсутствие единой техники проведения лингвистической экспертизы, что в свою очередь зачастую может привести к субъективной тенденциозности выводов эксперта;
- Отсутствие чётко закреплённого профильного терминологического аппарата;
- Отсутствие теоретически осмысленной вопросно-ответной процедуры судебной (лингвистической) экспертизы;
- Неполнота методик перевода семантического значения диспозитивной нормы на язык экспертизы [3, с. 45].

Можно отметить, что проблема диагностики оскорбления заключается в том, что социальная оценка такого речевого акта как оскорбление логически непростая, поскольку достаточно трудно соотнести его с семантическим содержанием диспозиции уголовно-правовой нормы.

Проведя комплексную судебно-лингвистическую экспертизу, эксперт выдает экспертное заключение, которое будет выступать доказательством в судебном разбирательстве. Однако сложность проведения данного вида экспертиз и неоднозначность его выводов, из-за разнообразного количества методик и семантических конструкций говорит нам о необходимости совершенствования методов, а также выработки единой методики проведения данного вида исследования.

Так, проведение судебно-лингвистической экспертизы, как на досудебной, так и судебной стадии рассмотрения дела, позволяет выявить в действиях лица состав преступления и дать научно-логическое обоснование его действиям. Однако проблемы, с которыми сталкивается правоприменитель при квалификации состава ст. 297 УК РФ позволяет сделать вывод, что, несмотря на то, что судебно-лингвистическая экспертиза и дает ответы на интересующие по делу вопросы, методика ее проведения требует коренных изменений и совершенствований с целью лучшего ее применения. Для этого необходимо провести в уголовном законе четкие критерий «оскорбительности», так как, несмотря на лингвистическое учение и комплексный подход к социальной и речевой оценке высказываний выводы экспертов-лингвистов зачастую спорны и зависят от различной контекстной интерпретации.

Список литературы

1. Определения Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 19.01.2009 № 38-О08-39. [Электронный ресурс]: URL:<https://dogovor-urist.ru> (дата обращения: 04.10.2024).
2. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве в 2 ч.: Часть 2. Учебное пособие для вузов / А. Р. Белкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 294 с.
3. Кусов, Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: решение проблемы «неприличная форма» / Г. В. Кусов // Российский судья. – 2013. – №5. – С. 43–48.
4. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография / Е.Р. Россинская. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА–М, 2024. – 576 с.
5. Сперанская, А.Н. Оскорбление словом в обыденном и правовом сознании носителей русского языка / А.Н. Сперанская // ЮРИСЛИНГВИСТИКА: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. I: Проблемы и перспективы. – Барнаул: Алт. гос. ун-т., 1999. – 86–94 с.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ МЕХАНИЗМА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Червяков Михаил Эдуардович, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: mc256gt@gmail.com

Аннотация: В статье предпринята попытка уточнить последовательность развития механизма дорожно-транспортного происшествия с учетом изменений в терминологии, применяемой в настоящее время в судебной автотехнической экспертизе.

Ключевые слова: механизм, дорожно-транспортное происшествие, опасность для движения, аварийная ситуация, судебная автотехническая экспертиза.

Познание механизма дорожно-транспортного происшествия относится к числу ключевых задач, решаемых в ходе установления обстоятельств взаимодействия участников дорожного движения. Изучение отдельных стадий развития механизма ДТП происшествия (далее также - ДТП)¹ позволяет правильно определить конкретное лицо, создавшее своими действиями

¹ В соответствии с пунктом 1.2. Правил дорожного движения дорожно-транспортное происшествие – это событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства или с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения грузы либо причинен иной материальный ущерб [1].

(бездействием) опасную ситуацию на дороге, и в случае если таким лицом является водитель транспортного средства – ответить на вопрос, имелась ли у него техническая возможность предотвратить ДТП.

Наличие или отсутствие технической возможности предотвратить дорожно-транспортное происшествие в совокупности другими данными по делу, становится основой для вывода о наличии или отсутствии вины в действиях водителя транспортного средства (далее также - ТС), а значит и наличии основания для привлечения его к ответственности совершение дорожно-транспортного преступления или административного проступка¹.

В этой связи, анализ структуры механизма ДТП, формирование четкого представления о его составных частях – стадиях и этапах – позволяет понять общие закономерности развития событий, происходящими со всеми участниками дорожного движения в ситуации, когда такие события приводят к аварии на транспорте.

Следует отметить, что система действующих в РФ правовых актов содержит легальное определение механизма ДТП. Существенные признаки понятия приводятся в нормативно-техническом документе - Национальном стандарте Российской Федерации «ГОСТ Р 59857-2021 Автомобильные транспортные средства. Автотехническая и автотовароведческая экспертиза. Термины и определения» (далее также – ГОСТ 2021) [4].

Пункт 101 ГОСТ 2021 говорит, что механизм ДТП – это «взаимосвязь причин, условий возникновения ДТП, и факторов, определяющих их появление». Как следует из содержания п. 120 ГОСТ 2021 причина ДТП – это обстоятельство (совокупность обстоятельств), с неизбежностью вызывающее(ая) возникновение ДТП (неисправность транспортного средства, дефекты дорог и дорожных обустройств, неправильные действия лиц по управлению транспортным средством и т.д.).

Из приведенных определений следует, что механизм ДТП – это некая система, объединяющая в себе причину (необходимое условие) возникновения ДТП, совокупность условий, влияющих на появление причины, а также факторы, воздействующие на формирование причин и условий, то есть своего рода «причины причин». Нормодатель особо подчеркивает, что механизм находит свое выражение во взаимосвязях всех перечисленных элементов, то есть такого рода существовании объектов, при котором изменение в положении и состоянии одного объекта или явления приводит к изменению в положении и состоянии другого объекта².

¹ Если действия лица, управляющего механическим транспортным средством, повлекли за собой причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, данное лицо привлекается к ответственности по ст. 12.24 КоАП РФ [2]; более тяжкие последствия (тяжкий вред здоровью, смерть одного человека, двух или более лиц) влекут уголовную ответственность по соответствующей части ст. 264 УК РФ [3]. Во всех случаях ответственность наступает при условии, что лицо, управляющее транспортным средством, нарушило Правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

² В примечании определению понятия «причина ДТП» содержится также разграничение компетенции сведущего лица и инициатора применения специальных знаний в вопросе познания механизма дорожно-транспортного происшествия и установления его причины. Авторы ГОСТ 2021 отмечают, что установление причины ДТП, а значит, исследование технической стороны его механизма входит в компетенцию эксперта-автотехника и устанавливается при производстве судебной автотехнической экспертизы. В свою очередь,

Принимая во внимание, что возникновение и реализации причины – это всегда процесс, мы можем заключить, что механизм ДТП – это то же процесс, определенная развертывающаяся во времени последовательность событий, закономерно приводящая к причинению вреда личности и имуществу участников дорожного движения. Как и любой другой процесс, механизм ДТП имеет начало и конец, следовательно, в нем можно выделить как минимум две стадии, или фазы последовательного развития. При более внимательном анализе окажется, что реальных стадий развития механизма ДТП несколько больше – об этом можно судить, изучая соответствующую специальную литературу.

Известный российский криминалист Валентин Егорович Корноухов, обобщая в начале 2000-х годов литературные источники в области теории и практики судебной автотехнической экспертизы, выделил следующие стадии механизма дорожно-транспортного происшествия:

1) исходная – характеризуется уравниваемостью связей между всеми элементами и составными частями явления, называемого «дорожным движением»;

2) начальная – возникает с момента появления в обстановке фактора, нарушающего равновесие;

3) аварийная, в которой автор выделяет два фазы – управляемую и неуправляемую;

4) финал и наступление последствий – выражается в причинении различной степени тяжести вреда здоровью человека (применительно к последствиям, охватываемым диспозицией ст. 264 УК РФ) [5, С.414].

Никоим образом не оспаривая обоснованность такого подхода в разделении механизма ДТП на отдельные стадии, считаем возможным внести в эту схему определенное уточнение, вызванное по большей части изменениями в правовом регулировании терминологического аппарата экспертного исследования обстоятельств дорожно-транспортного происшествия.

Дело в том, что согласно ГОСТ 2021 (п. 82) аварийная ситуация определена как дорожная обстановка, в которой водитель не имеет технической возможности предотвратить ДТП. В это связи на наш взгляд нуждается в корректировке деление аварийной стадии механизма ДТП на две фазы, названные в работе [5] как «управляемая» и «не управляемая». Управляемость предполагает наличие объективно существующей возможности предотвратить ДТП, в то время как нормативно-техническое значение термина «аварийность» описывает ситуацию, характеризующуюся отсутствием у водителя технических условий избежать столкновения, наезда, другого вида ДТП.

Конечно, данное несоответствие носит в значительной степени терминологический характер и не затрагивает сути рассматриваемого явления; в принципе, допустимо, чтобы стадия механизма мыслилась как

причина дорожно-транспортного преступления (административного проступка в области безопасности дорожного движения) устанавливается органом предварительного или административного расследования, поскольку является юридическим вопросом, требующим применения нормы уголовного или административного права.

последовательность событий, по своему содержанию более широких, чем одноименная ситуация, возникающая в процессе реализации этого механизма. Однако на наш взгляд было бы правильным если бы при описании такого сложного явления каким является ДТП все авторы соблюдали точность и единообразие терминологии, одинаково называя одни и те же этапы развития процесса, подчиняющиеся одним и тем же законам изменений и развития. Это тем более важно если учесть, что данный процесс является также объектом экспертного исследования. Поэтому мы предлагаем несколько скорректировать схему деления на стадии механизма ДТП, учитывающую последние изменения в области нормативного регулирования основных терминов и определений судебной автотехнической экспертизы. Результаты наших рассуждений приводятся далее в тексте статьи.

Итак, первая стадия механизма ДТП – исходная. Это, как уже было сказано, ситуация с взаимно уравновешенными функциональными связями, в которой перемещение участников дорожного движения относительно друг у друга не сопровождается их попаданием или созданием опасности попадания в зону, находящуюся на траектории движения транспортного средства. Такое состояние носит динамический и самоподдерживающийся характер, обусловленный соблюдением всеми участниками дорожного движения нормативных условий безопасного перемещения по дороге с использованием транспортных средств.

Следующая стадия в развитии механизма ДТП – начальная. По В. Е Корноухову, она связана с появлением в системе «водитель – автомобиль – дорога» фактора, нарушающего уравновешенность функциональных связей. Фактор может быть внешним – поведение пешехода, движение транспорта, и внутренним – состояние режимов движения, неисправность транспортного средства. Очевидно, что под термином «фактор» понимается какое-то явление или процесс, который при своем произвольном развитии может привести к дорожно-транспортному происшествию. В судебной автотехнической экспертизе этот элемент, нарушающий равновесие, длительное время именовался «дорожно-транспортная опасность». В настоящее время согласно ГОСТ 2021 он именуется «опасность для движения или препятствие, которое в состоянии был обнаружить водитель»¹. Момент возникновения подобного обстоятельства и следует понимать, как момент перехода механизма ДТП из исходной в начальную стадию.

В дополнение к описанной выше схеме стадий ДТП считаем возможным разделить начальную стадию механизма дорожно-транспортного происшествия на два этапа. Первый условно может быть назван «этапом с потенциальной опасностью». Слово «потенциальная» означает, что, заметив опасность или препятствие, водитель имеет техническую возможность избежать ДТП как минимум путем экстренного торможения транспортного средства. Ключевая

¹ Препятствие – материальный объект на пути следования ТС, наезд на который, въезд в который, или соприкосновение с которым могут вызвать какие-либо повреждения или повлечь нежелательные последствия (п. 119 ГОСТ 2021); опасность – обстоятельство дорожного движения, требующее снижения скорости вплоть до остановки и не связанное в возникновением препятствия для движения (п. 110 ГОСТ 2021) [4].

особенность потенциально опасного участка механизма - его продолжительность, отсчитываемая от момента возникновения до момента гипотетической остановки ТС перед возможным препятствием больше по времени продолжительности любой другой стадии и (или) этапа механизма ДТП, предшествующего контактному взаимодействию участников дорожного движения. Иными словами, у водителя в состоянии потенциальной опасности имеется относительно большой запас по времени чтобы остановить транспортное средство. Полный остановочный путь при этом будет гарантированно меньше, чем взаимное удаление ТС и потенциального препятствия для движения в момент, когда такое препятствие для движения или опасность возникла.

В качестве самого простого примера может быть рассмотрена ситуация, в которой возникает опасность наезда на пешехода. Предположим, что причиной возникновения опасной ситуации стали действия пешехода, приводящие к его возможному попаданию на полосу движения транспортного средства, и как результат – перемещению в опасную зону, где он может подвергнуться наезду со стороны движущегося ТС. Формой возникновения опасности и одновременно моментом ее возникновения может стать, например, выход пешехода на дорожную часть на участке, не оборудованном пешеходным переходом, или начало движения пешехода по пешеходному переходу на запрещающий для него сигнал светофора.

С момента, когда пешеход начнет движение по проезжей части, опасность для движения возникнет, во всяком случае, для наиболее близко расположенного к нему транспортного средства, осуществляющего движение по той же стороне проезжей части, по которой движется пешеход. Если в этот момент взаимное удаление ТС и пешехода будет превышать полный остановочный путь автомобиля, то на наш взгляд, можно говорить о потенциально опасной ситуации и соответствующему ей этапу в развитии начальной стадии механизма ДТП. Потенциальная опасность может и не реализоваться, если водитель, своевременно заметив движение пешехода, остановит управляемое им транспортное средство перед линией следования пешехода; в противном случае не принимая должных мер для предотвращения ДТП, он своими действиями переводит потенциально опасную ситуацию в критическую. Критический этап в начальной стадии механизма развития ДТП характеризуется совокупностью развивающихся событий на дороге, когда существует предельная возможность выхода из такой ситуации (п. 96 ГОСТ 2021) [4].

Продолжая рассматривать пример с наездом на пешехода, можно в общем приближении определить взаимное удаление транспортного средства и пешехода для ситуации, характеризуемой как критическая. Представляется, что оно будет равно полному остановочному ТС для данной дорожно-транспортной ситуации, увеличенному на расстояние, проходимое автомобилем с начальной

скоростью за минимально допустимое время реакции водителя, принимаемого в качестве расчетного при производстве судебной автотехнической экспертиз¹.

По сути, критическая ситуация предоставляет водителю единственную возможность не допустить ДТП и предотвратить его нежелательные последствия. В случае, когда водитель не смог за столь малый промежуток времени принять необходимое решение и снизить скорость движения ТС, критическая ситуация перерастает в аварийную; как уже было сказано, в аварийной ситуации у водителя отсутствует техническая возможность предотвратить ДТП и никакие его действия по управлению транспортным средством не могут исключить причинение вреда участникам дорожного движения.

Завершающая стадия механизма ДТП в работе В.Е. Корноухова называется «финал и наступление последствий». В рамках данной статьи мы не будем подробно рассматривать последовательность развития этой стадии, отметим только, что в научной литературе она также разделяется на этапы, которые в ряде источников даже рассматриваются как самостоятельные стадии механизма ДТП [7]. Здесь следует указать на контакт участников дорожного движения, их перемещение в состоянии контактного взаимодействия, которое может завершиться остановкой всех участников ДТП, а может продолжаться какое-то время после контактного этапа, если участники в фазе непосредственного взаимодействия не потеряли полностью скорость своего движения и продолжают перемещаться по инерции вплоть до остановки. В процессе контакта и последующего перемещения наступают последствия, перечисленные в правилах дорожного движения как отличительные признаки понятия ДТП (причинение травмы людям, повреждение транспортных средств, сооружений, грузов и др.). Исчерпание сил инерции и остановка всех участников дорожного движения означает завершение процесса развития ДТП.

Таким образом, в настоящей статье предпринята попытка уточнить последовательность развития механизма ДТП с учетом изменений в терминологии, применяемой в настоящее время в судебной автотехнической экспертизе. Данная попытка не оспаривает правомерность иного деления процесса дорожно-транспортного происшествия на стадии и этапы и выступает предложением к проведению дискуссий на заявленную тему.

Список литературы

1. О Правилах дорожного движения (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения: Постановление Правительства РФ от 23.10.1994 № 1090 (ред. от 10.10.2024) - КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения: 03.11.2024)

¹ 0,3 секунды с момента обнаружения водителем опасности для движения [см.: 6, С. 256].

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.10.2024) - КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 03.11.2024)

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.10.2024) - КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.11.2024)

4. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 59857-2021 Автомобильные транспортные средства. Автотехническая и автотовароведческая экспертиза. Термины и определения [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://meganorm.ru/Index/77/77902.htm> (дата обращения: 03.11.2024)

5. Курс криминалистики. Особенная часть. Т.2 / Отв. ред. В.Е Корноухов. – М.: Юристъ, 2004. – 541 с.

6. Домке, Э.Р. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Э.Р. Домке. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 288 с.

7. Киселевич, И.В. Транспортно-трасологическая экспертиза / И.В. Киселевич, Т.В. Демидова, М.В. Беляев. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 123 с.

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИИ КАК СУБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Черданцев Антон Юрьевич

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени
А.Я. Сухарева, Новосибирский филиал, Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
e-mail: anton_cherdantsev@icloud.com

Морозова Наталья Аркадьевна

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени
А.Я. Сухарева, Новосибирский филиал, Новосибирск, Россия;
e-mail: i@masknsk.ru

Аннотация. В статье анализируется информационно-аналитическая деятельность органов Следственного комитета Российской Федерации, автором рассматривается проблема отсутствия теоретических разработок и правового закрепления указанной деятельности несмотря на ее фактическое осуществление органами предварительного расследования. Предлагается определение информационно-аналитической деятельности органов предварительного расследования, его конкретного содержания. Полученные результаты исследования могут иметь теоретическое значение, в том числе для создания системы информационно-аналитического обеспечения расследования, а также использоваться для продолжения исследований в указанной области.

Ключевые слова: Следственный комитет Российской Федерации, информационно-аналитическое обеспечение следствия, информационное поле, цифровая криминалистически значимая информация, цифровые следы, аналитическая деятельность следователя.

Одним из приоритетных направлений для органов предварительного расследования является повышение эффективности их деятельности, что в большинстве своем достигается путем усовершенствования процесса обнаружения, фиксации, изъятия, накопления и систематизации криминалистически значимой информации, придания ей процессуальной формы и использования в доказывании.

При этом к подследственности Следственного комитета Российской Федерации (*далее – СК России*) отнесены наиболее общественно-опасные и резонансные преступления, представляющие особую сложность в расследовании, обуславливающуюся, как уголовно-правовой и криминалистической характеристикой преступлений, так и в последнее время необходимостью исследования большого массива цифровой криминалистически значимой информации в целях изобличения лиц, совершивших преступление.

Иными словами, на отдельные структурные подразделения СК России стали возлагаться новые функции, связанные с обеспечением информационно-аналитической поддержки следствия, сути и содержанию которой до настоящего времени в теоретических разработках не уделялось должного внимания.

В своей работе мы предпринимаем попытку дать определение и исследовать содержание информационно-аналитической деятельности органов СК России, а также выдвинуть тезис о возможности эффективного ее осуществления в рамках существующей структуры СК России.

Используя инструменты философского диалектического метода, под деятельностью органов предварительного расследования мы будем понимать специфическую форму активности государства его институтов и уполномоченных ими лиц, направленную на обеспечение правопорядка и режима законности с помощью специальных форм и методов, имеющей целью производство расследования.

В функциональном и содержательно-целевом аспекте деятельность органов предварительного расследования структурируется как по целям, так и по промежуточным операциям, через систему которых достигается цель уголовного преследования.

Проанализировав теоретические разработки в данном направлении, можно сделать вывод о том, что унифицированного понятия информационно-аналитической деятельности нет, в связи с этим различными авторами предлагаются следующие определения [1, 5]:

- информационно-аналитическая деятельность – это комплекс определенных действий, основанных на концепциях, методах, определенных средствах, а также нормативных и методических материалов, направленный на сбор, накопление, обработку и последующий анализ сведений в целях принятия эффективных решений;

- информационно-аналитическая деятельность – это процесс, протекающий в сфере управления, который представляет собой поиск, сбор, обработку и последующее предоставления информации в такой форме, которая делала бы ее пригодной к использованию;

- информационно-аналитическая деятельность – это отрасль осознанной деятельности человека, направленной на обеспечение информационных потребностей общества с использованием аналитического и информационного инструментария современных технологий, в ходе которого происходит переработка первоначальной информации и получение новой.

Полагаем необходимым дать авторское определение информационно-аналитической деятельности органов предварительного расследования, которая, на наш взгляд, *представляет собой санкционированную и регулируемую государством деятельность, направленную на непрерывный процесс поиска, сбора, обработки, хранения и предоставления информации в установленной форме, пригодной для использования в рамках*

предварительного расследования и выполнения иных задач, возложенных на указанные органы.

Возвращаясь в целом к сущности информационно-аналитической деятельности, следует отметить, что для понимания ее необходимо разделить на две составляющие: информационную и аналитическую. Так, представляется разумным под информационной составляющей деятельности понимать совокупность средств и методов, направленных на получение, накопление, систематизацию и хранение информации, необходимой для органов предварительного расследования.

В данном контексте необходимо упомянуть и то, что основные и наиболее значимые виды информационной деятельности закреплены положением п. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации о праве на информацию, то есть: искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

В свою очередь аналитическая составляющая деятельности представляет собой совокупность средств и методов анализа и обработки полученной информации, а также ее возможного дальнейшего применения на основе общих принципов и требований, предъявляемых к ней действующим законодательством.

Как видно из вышперечисленных структурных элементов, основной задачей информационно-аналитической деятельности является получение новых сведений, определение их взаимозависимости, а также формирование по различным критериям и основаниям больших массивов данных по отдельным категориям.

Отдельные исследователи [3, 4] в настоящее время ведут дискуссию относительно возможности разделения данных видов деятельности, их возможной независимости друг от друга, а также о тенденции трансформации термина «информационное обеспечение», понимая при этом как раз деятельность уполномоченных субъектов, связанную с предоставлением, получением, обработкой и использованием информации в установленном порядке.

Однако ими же в понятия «информационно-коммуникационного обеспечения», «информационно-аналитической работы», «информационно-аналитического поиска», «информационной разведки», «следственной аналитики» вкладывается аналогичное содержание, что порождает еще большую научную дискуссию [3, 4].

Сознательно не вдаваясь в указанную дискуссию, мы полагаем, что информационно-аналитическая деятельность СК России реализует общепризнанный герменевтический метод познания действительности.

Следователями на постоянной основе анализируется и интерпретируется полученная криминалистически значимая информация, затем она используется в доказывании юридически значимых фактов (обстоятельств, подлежащих доказыванию) после придания надлежащей процессуальной формы. Вместе с тем, указанная информация, как и сведения о видах и способах ее

использования обобщаются и используются в дальнейшем для расследования отдельных видов преступлений.

Указанный тезис косвенно подтверждается и международной практикой, где исследователи и практические сотрудники на протяжении длительного времени ведут дискуссию о становлении системы информационно-аналитического обеспечения органов предварительного расследования.

Так, к примеру в составе Федерального бюро расследований уже около двух десятков лет на службе состоят следователи-аналитики (криминалисты-аналитики), в функциональные обязанности которых входит работа с отдельными «кейсами» (уголовными делами, *прим. автора*) и проведение масштабных обобщений, начиная с карт криминогенной обстановки, заканчивая раскрытием преступлений прошлых лет, а также серийных преступлений.

В Российской Федерации аналогом могут служить специализированные управления и отделы в системе органов СК России, имеющие основным направлением своей деятельности расследование преступлений «прошлых лет», а также Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) СК России, в чьи функции входит в том числе информационно-аналитическая работа по наиболее сложным уголовным делам.

Для полноценной практической реализации и последующего развития системы информационно-аналитического обеспечения расследования, необходимо понять степень общей вовлеченности в информационно-аналитическую деятельность органов СК России.

На наш взгляд, указанная деятельность в настоящее время, реализуется СК России, путем:

- создания и функционирования информационных систем и систем коммуникации как внутри ведомства, так и с иными внешними субъектами информационного обмена;
- созданием и развитием единичных систематизированных баз данных цифровой криминалистически значимой, правовой и иной информации;
- созданием и развитием специальных организационных, технических, программных, лингвистических и иных средства и комплексов (в т.ч. и аппаратных).

Также необходимо говорить о продолжении дискуссии о необходимости развития и внедрения специализированных рабочих мест следователей и системах поддержки принятия решений, а также введения специализации следователям-криминалистам (по вопросам информационно-аналитического обеспечения расследования) [7].

Конкретными и прикладными целями информационно-аналитической деятельности СК России, направленными на оказание помощи следователям, могут быть как раз помощь в обнаружении, идентификации, фиксации, изъятии и последующем хранении в целях систематизации больших объемов криминалистически значимой информации (в т.ч. и цифровой). Программно-аппаратный поиск закономерностей [2], в целях расследования конкретных дел

и увеличения эффективности деятельности по противодействию преступности в целом, создание информационно-аналитических моделей преступлений [6].

Фактически мы приходим к пониманию информационно-аналитической деятельности органов СК России через классический кибернетический подход: получение сведений и их сохранение - контроль состояния сведений и их достоверного содержания - построение на основании сведений модели преступления (например, следственной версии) - систематизация полученных входных сведений и результатов их использования в информационных базах.

Указанные сведения могут служить для формирования баз данных ориентирующей, архивно-справочной, розыскной, иной криминалистически значимой информации, а также быть составной частью более масштабных баз данных, в том числе, используемых для межведомственной координации в целях борьбы с преступностью.

Таким образом, понимание сути и содержания информационно-аналитической деятельности СК России, ее целей и задач, а также современного состояния приведет к осмыслению вектора ее дальнейшего развития, а также может быть использовано для формирования теоретических положений в рамках развития концепции информационно-аналитического обеспечения расследования.

Список литературы

1. Алиев, Я. Л. Всемирный кризис и организованная преступность - угроза национальной безопасности России / Я.Л. Алиев // Мир политики и социологии. - 2013. - № 11. - С. 131-148.

2. Бессонов, А. А. Закономерные связи возраста серийных преступников с другими признаками совершаемых ими сексуальных преступлений / А.А. Бессонов // Российский следователь. – 2021. – № 4. – С. 8-12.

3. Денисов, В. В. Организация информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. пособ. / В.В. Денисов, Е.Н. Яковец. – М., 2017.

4. Загайнов, В. В. Оперативно-аналитическая работа как основа оперативно-розыскной деятельности в современных условиях / В.В. Загайнов, Ю. Н. Кононов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 1 (80). – С. 14-17.

5. Хабибулин, А. Г. Финансовая безопасность России на современном этапе: проблемы обеспечения / А.Г. Хабибулин // Правовое поле современной экономики. - 2012. - № 8. - С. 103-109.

6. Черданцев, А. Ю. Практические проблемы и особенности формирования информационно-аналитических моделей преступлений / А.Ю. Черданцев // Юридический мир. – 2024. – № 4. – С. 49-52.

7. Черданцев А.Ю. Об отдельных вопросах создания и развития систем поддержки принятия решений для следователей / А.Ю. Черданцев // Следственная деятельность: наука, образование, практика: Материалы IV международной научно-практической конференции, г. Минск, 09.09.2024 – Минск: Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, 2024. – С. 349-354.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Широких Светлана Викторовна, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
e-mail: diritto@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена характеристике преступлений, совершаемых в области социального обеспечения. Автор на основе анализа нормативно-правовых актов, научных исследований, правоприменительной практики и статистических данных анализирует наиболее распространенные преступления в сфере социального обеспечения, а также рассматривает некоторые проблемные аспекты расследования данного вида преступлений.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальные выплаты, государственная помощь, мошенничество, хищение, злоупотребление доверием, расследование преступлений.

Российская Федерация в соответствии с Конституцией РФ является социальным государством, политика которого направлена на обеспечение достойного уровня жизни. Одним из направлений социальной политики является предоставление государственной помощи отдельным категориям граждан. Следует отметить, что современная система социального обеспечения представлена такими формами как обязательное социальное страхование и обеспечение за счет средств государственного бюджета. Кроме этого, законодательно предусмотрена такая форма социального обеспечения как добровольное социальное страхование [1]. В России создана и функционирует достаточно разветвленная система мер государственной поддержки населения. К числу наиболее распространенных социальных выплат относятся пенсии, пособия гражданам, имеющим детей. На выполнение социальных обязательств ежегодно выделяются огромные денежные средства. Например, в 2024-2026 годах на выплату единого детского пособия из федерального бюджета запланировано 4,4 трлн. рублей, на финансирование материнского (семейного) капитала – около 495 млрд. рублей, на выплату страховых пенсий за счет средств Социального фонда России будет направлено около 11 трлн. рублей, на выплату пособий по временной нетрудоспособности - 678,4 млрд. рублей, и это далеко не исчерпывающий перечень. Таким образом, система социального обеспечения располагает огромными финансовыми ресурсами, что является одной из причин совершения преступлений в сфере социальных выплат, в том числе преступлений коррупционного характера.

Уголовный кодекс РФ содержит несколько составов преступлений в области социального обеспечения, среди которых можно выделить специальные и общие составы. К специальным составам можно отнести такие как: ст. 145.1

Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат; ст.159.2 Мошенничество при получении выплат; ст. 198 Уклонение физического лица – плательщика страховых взносов от их уплаты; ст. 199.2 Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание в том числе страховых взносов; ст. 199.3, 199.4 Уклонение страхователя от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний [2].

К общим составам можно отнести такие как ст.172.1 Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовых организаций (в части финансовых документов страховщиков и негосударственных пенсионных фондов); ст. 285 Злоупотребление должностными полномочиями; 285.1 Нецелевое расходование бюджетных средств; 285.2 Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов; 285.3 Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений; ст. 286 Превышение должностных полномочий и иные [2].

Одним из самых распространенных видов мошенничества при получении выплат являются махинации с материнским (семейным капиталом). Закон четко определяет цели, на которые должны быть направлены денежные средства, их обналичивание возможно только в очень ограниченном размере. Однако, незаконное получение сертификата на материнский капитал либо его незаконное обналичивание, к сожалению, встречаются достаточно часто. При этом, если мошенничество, связанное с незаконным получением сертификата, раскрывается в большинстве случаев (например, были предоставлены заведомо ложные документы о рождении ребенка) [3], то мошенничество, связанное с обналичиванием денежных средств через незаконные сделки с недвижимостью достаточно сложно расследовать. Как правило, информация о подобных мошеннических действиях вообще не доходит до правоохранительных органов.

К особенностям преступлений в сфере социального обеспечения следует отнести следующие:

- высокий уровень латентности. Данная особенность связана с тем, что получателями различных социальных выплат, льгот, компенсаций и иных мер социальной поддержки является широкий круг граждан, зачастую один и тот же субъект является получателем нескольких выплат, соответственно, огромный объем документации может помочь скрыть за правомерными действиями и действительными документами незаконные действия и сфальсифицированные документы;

- высокий уровень осведомленности субъектов преступления в области функционирования системы социального обеспечения. В большей части перечисленных выше составов субъектами преступления является должностное лицо, хорошо ознакомленное с механизмом принятия решений о назначении какого-либо вида выплат, а также с необходимой документацией, что открывает широкие возможности для сокрытия преступления и зачастую осложняет его

расследование. Указанное обстоятельство также способствует повышению уровня латентности данного вида преступлений;

- постоянное усложнение способов совершения преступлений. Практически ежедневно появляются новые технологии, онлайн ресурсы, призванные облегчить нашу жизнь, сделать ее более комфортной. Однако, также они позволяют более тщательно маскировать преступные действия, подделывать различные документы, дающие право на какой-либо вид социальных выплат. В данном случае к перечисленным выше составам добавляются, например, такие как ст. 385 УК РФ «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков, государственных наград» [4].

Исходя из перечисленных специфических черт преступлений в сфере социального обеспечения следует определить некоторые особенности и действия, необходимые для расследования преступлений:

– изучение основных принципов функционирования системы социального обеспечения (источники финансирования, движение денежных средств и др.). при расследовании преступлений, связанных с социальными выплатами, необходимо, в первую очередь, выяснить, кто является источником финансирования конкретной меры социальной поддержки (бюджет, средства внебюджетных фондов, средства работодателя и т.д.);

– анализ оснований и порядка назначения социальных выплат. Основанием для приобретения права на социальную поддержку является событие, которое повлекло за собой существенное изменение имущественного и\или социального положения (социальный риск). Следовательно, каждому основанию соответствует определенный перечень документов, подтверждающих реальность данного события (свидетельство о смерти кормильца, свидетельство о рождении ребенка и т.д.);

– анализ полномочий должностных лиц, принимающих решение о назначении какого-либо вида социальных выплат. Изучение данного аспекта позволяет установить факт злоупотребления должностными полномочиями;

– проведение экспертиз (например, судебно-экономическая, судебно-бухгалтерская, технико-криминалистическая, по исследованию документов, судебно-почерковедческая). Как было ранее отмечено, преступления в области социального обеспечения посягают на финансовые отношения в социальной сфере [5], следовательно, и совершаются, как правило, такими способами как: – подделка документов (трудовые книжки, справки об инвалидности, сертификаты на материнский (семейный) капитал, листки нетрудоспособности, справки о доходе и др.); – внесение заведомо ложных сведений в государственные реестры (федеральный реестр инвалидов) и иные базы данных; – завышение или занижение размера социальной выплаты и т.д. Кроме этого, в некоторых случаях целесообразно привлекать к расследованию экспертов в области социального обеспечения (например, лиц из числа профессорско-преподавательского состава организаций высшего образования).

В целом, следует отметить, что в связи с появлением новых видов государственной помощи, увеличением размера существующих выплат, заметна

тенденция увеличения количества преступлений в сфере социального обеспечения, усложнения способов их совершения, что влечет за собой необходимость детального анализа методики расследования преступлений, связанных с получением социальных выплат, а также выделения специфических особенностей их расследования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // Справочная правовая система Консультант Плюс. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 22.10.2024).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.) // СПС Консультант Плюс. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 01.11.2024).

3. Приговор № 1-42/2024 1-521/2023 от 20 февраля 2024 г. по делу № 1-42/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения 01.11.2024).

4. Нургалиев Б. М. Специфика механизма и способов преступлений в сфере социального обеспечения / Б.М. Нургалиев, Б. Б. Нургалиев // НАУ. – 2020. – №56-2 (56). – С. 63-67.

5. Кусаинова, А. К. Специфика способов преступлений в сфере социального обеспечения и алгоритм их расследования / А. К. Кусаинова, Б.М. Нургалиев // Наука. – 2020. – № 2(65). – С. 14-19.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеева Е.С. НЕОТВРАТИМОСТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИХ ЭКСТРАДИЦИИ И ИНОЙ ПЕРЕДАЧЕ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ ИЗ-ЗА РУБЕЖА	3
Андреева Ю.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМИ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫМИ КОМИССИЯМИ ЕДИНОГО РЕЕСТРА ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ПРИМЕНЯЕТСЯ ПРОБАЦИЯ	6
Бабыкина А.А. ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ДЛЯ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ	10
Белоусова Е.С. ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	14
Бертовский Л.В. ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЕ ПРАВО: НАШИ ОЖИДАНИЯ	16
Вахтель В.Г. О СИНЕРГЕТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СУБЪЕКТАМИ ПОИСКОВО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ	19
Галицкая Е.Е. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	23
Гарбуз Г.С. ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ФОТОГРАММЕТРИИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ	28
Горбань Е.Г., Русаков А.Г. УНИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ	32
Дадаян Е.В. ВСТУПИВШИЙ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПРИГОВОР СУДА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ – ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ДОКАЗЫВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛУ	35
Заборовская Ю.М. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ОСУЖДЕННЫХ ПРЕСТАРЕЛОГО ВОЗРАСТА	38
Игнатенко В.А. КОМПЕТЕНЦИИ СОВЕЩАТЕЛЬНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ	42
Кондрашин П.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ ПРИ ПРИМЕНИИ СРОКОВ ДАВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ	47
Курбатова С.М. К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ НАДЛЕЖАЩЕГО УЧАСТИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ	51
Майко Д.П. НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ И ОБВИНЕНИЯ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВОЗМОЖНЫХ ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ	54
Мартынюк М.В. МОДЕЛИ УСТРОЙСТВА ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И МЕСТО ПРОКУРОРА В НИХ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	56
Наумкина В.В. ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕРЫ ВЗЫСКАНИЯ ОРГАНАМИ СЛОВЕСНОЙ РАСПРАВЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XIX ВЕКЕ	62

Петухов Е.Н., Суханова Л.Г. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧАСТИЯ ИНОСТРАННЫХ АДВОКАТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА КАК ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ	64
Рыжков С.А., Рыжкова И.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	72
Савченко Д.В., Непомнящий А.А. НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	76
Саражакова И.М. ОДОРОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	80
Селезнев В.М. ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТИ АВТОРА ДОКУМЕНТА ПО ПРИЗНАКАМ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ	82
Середа О.В. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА	86
Серен-Чимит К.К. СОБЛЮДЕНИЕ ОСУЖДЕННЫМИ КУЛЬТУРНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ КАК ОДНО ИЗ ФАКТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	90
Сторожева А.Н. К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕСТВЕННОСТИ ЛИЦ ЗА ПРЕДНАМЕРЕННОЕ И ФИКТИВНОЕ БАНКРОТСТВО	94
Фастович Г.Г. ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВ ДЛЯ ОТРАСЛИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА	97
Харевин Д.Д. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ ст. 297 УК РФ	100
Червяков М.Э. К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ МЕХАНИЗМА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ	104
Черданцев А.Ю., Морозова Н.А. СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИИ КАК СУБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	111
Широких С.В. ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	116

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАЗНАЧЕНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ**

Материалы межрегиональной научно-практической конференции
(8–9 ноября 2024 г.)

Редакционная коллегия

Курбатова С.М., д-р юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы; заместитель директора по научной работе Юридического института

Ерахтина Е.А., канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы; директор Юридического института

Русаков А.Г., ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса

Харевин Д.Д., ст. преподаватель кафедры судебных экспертиз; ведущий специалист
Управления науки и инноваций ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ

Галицкая Е.Е., аспирант

Электронное издание

Издается в авторской редакции

Подписано в свет 22.01.2025. Регистрационный номер 145
Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного
университета 660017, Красноярск, ул. Ленина, 117